

Дмитрий
Ваганов

СИРЕНЕВАЯ
ЯЩЕРКА
НА БЕЛОМ

Сиреневая
ящерка
на белом
ДМИТРИЙ ВАГАНОВ

**Дмитрий
Ваганов**

**СИРЕНЕВАЯ
ЯЩЕРКА
НА БЕЛОМ**

Ваганов Д.

Сиреневая ящерка на белом / Д. Ваганов. – М.: Bookscriptor, 2017. – 602 с.

В первую книгу стихотворений Дмитрия Ваганова вошли избранные тексты, написанные им до декабря 2016 года. «Миру сильно не хватает поэзии определённого типа. Не найдя её нигде, взялся сочинять сам.» – говорит автор; несколько заносчиво, но насколько верно по существу – судить читателю. Несмотря на солидный для поэта возраст (1981 г.р.), автор относит себя к «начинающим» со всеми вытекающими – включая как дилетантские ошибки, так и особую восприимчивость к вызовам окружающего мира.

Дмитрий Ваганов

СИРЕНЕВАЯ ЯЩЕРКА НА БЕЛОМ

В эту книгу, изданную стараниями администрации сайта <http://for-writers.ru>, вошли стихи Дмитрия Ваганова (он же aequans), написанные в период с 2007 по 2016 год. Издание появилось на свет благодаря победе означенного товарища в IX литературном турнире сайта, в номинации «Поэзия».

Книга состоит из трёх разделов, «Словоохотливость» и «Велеречивость» названы по музам поэта (первая – более «серьёзная», вторая – «игровая», если коротко и неточно), в «Интермедию» вошло самое интересное из того, что в основные разделы не лезло. Иллюстрации рисовала Вампука, спасибо ей огромное!

Именованье текста с цифрой через дефис (например, «Астрономия-2») означает, что автор использовал одно и то же название для более чем одного стихотворения. Это вовсе не означает сюжетной связи (хотя и не исключает её).

Именованье с цифрой в скобках (например, «Красный сонет (2)») означает, что два текста образуют диптих. Такие тексты располагаются рядом.

В настоящее издание не вошли тексты следующих разрабатываемых автором направлений: рубайат, песенные фанфики, «реинкарнации», «ремиксы» чужих текстов, «отражения» и «стихи на случай», даже переросшие своё целевое назначение. Аппликации и посвящения – вошли.

Автор выражает благодарность своей жене Ирине за неиссякаемое вдохновение и постоянную поддержку. Ира, я люблю тебя! Пусть это прочтает каждый, кому интересны мои стихи.

Приятного чтения всем неравнодушным.

СЛОВОХОТЛИВОСТЬ

Словоохотливость

Ты вошла чертами неслучайными,
Накатила мощная волна,
Начиналась звуками и тайнами,
Продолжалась сутками без сна.
И казалось, ты облагородилась,
Телеса укрыла в декольте,
Милая моя словоохотливость —
Лучик света в полной темноте.

Зазвала на шоу и на исповедь,
Голая плясала без стыда,
Те слова, что ты шептала исподволь,
Записать умел я не всегда.
Всё давно сложилось, обусловилось,
Принимая форму кви про кво,
Славная моя словоохотливость —
Те слова, что скрыли волшебство.

Занималась шёпотом и тризнами,
Уставала, замедляла бег,
И страдала, мстила мне, капризная,
Уходила — будто бы навек,
Притворялась, пела, тягомотилась,
Не несла двоих, как Боливар,
Глупая моя словоохотливость —
Ни зажечь ей, ни тушить пожар.

Мне твоя желаемая компания,
Хоть твой путь прерывист и непряма:
В час, когда ломали расстояния
Чувства, неподвластные годам,
Ты тогда одна лишь озаботилась

Песней обескровленной моей,
Злобная моя словоохотливость —
Ключ к непониманию друзей.

Пусть теперь и старое, и свежее,
Битое и ставшее целей,
Я прошу, останется по-прежнему,
Мне лишь нужно в суматохе дней
Чтоб сама с собою хороводилась,
Мне до мяса душу распоров,
Странная моя словоохотливость —
Бесполезный дар сложенья слов.

Заклѹчѣнный

Окна в дальних домах — двухнедельные грязные блюда,
Пусть размеренный шаг мелодичен — но нужно быстрее.
Кто-то выдумал дождь, под которым хочу захлебнуться,
И повесил его на булавки ночных фонарей.

Ты сидишь у экрана, в него безраздельно уставясь
(я подобных картин за неделю полста соберу),
И читаешь какой-то чужой пятистопный анапест,
Если мне повезѣт — отбивая размер по бедру.

Ради этих секунд и слежу за тобой, изворотист,
Наслаждаюсь забавой чужой — вестовой жизнелов.
Старый город даѣт размышлениям странную лѣгкость,
Забирая своё на массивности сказанных слов.

Мне хотелось бы стать, как и ты — беззаботным, домашним,
Но мой угол — темница
в подвале фарфоровой башни.

Концерт без публики

Тусе

В ожиданье тщетном идеала
Добывала толику тепла:
Пальчиками клавиши ласкала –
Музыка сукровицей текла.

Образ твой скрывает поволока,
Но играешь ровно – ремесло.
В этом зале нынче одиноко:
Все подходы снегом замело.

Что тебе отмерено в грядущем –
Предсказать, увы, не довелось,
И талант, что был другим отпущен,
По тебе прошёлся только вскользь.

Но игре не нужно позолоты,
Как и здешним призракам – имён:
Удержать твои не в силах ноты,
Тает снег,
и город вновь спасён.

Анатомия

ты такая невесомая
надо мной паришь легко
ох уж эта анатомия
не понятно ничего

назначение не высказать
наизусть учить пришлось
эти складки поры выступы
заплетения волос

эти запахи и ощупи
вкусы мягкость теплота
что в них может быть хорошего
тем ли ты была чиста

и сейчас полна загадками
пусть и лягут напоказ
эти кости слизость гладкая
пелена застывших глаз

частокол поющих дырочек
рёбер сводчатый атолл
анатомию я выучил
человека не нашёл

Рожать придётся дома

Удержу твою руку, когда соберёшься рожать,
Напитаю теплом отпечаток болезного гипса —
Осознаешь, от общего несовершенства дрожа:
Кровь не лучше воды, что свободно отныне струится.
Спирт не лучше вина (этот холод уже не унять),
Жар не слаще огня (тоже в роде своём бесполезен),
Эта кожа — по сути, такая же точно броня,
Что могли бы найти в специально отбитом железе.
Я держу тебя за руку. Небо свернулось в кружок.
Песню боли надсадно поёт воспалённое лоно.
Наш бессмысленен взгляд, и анализ причин неглубок.
Впрочем, всё не впервой и местами довольно знакомо.
Зверю нас не найти — добрый ангел запутал следы
И взлетел не оставив петли на полоске упругой.

Но незримо следит с бесполезной отныне звезды
Тот, кто эту любовь обозвал нескончаемой мукой.

Пыль

Это такой испытанный казус белли,
это такое фальшивое волшебство:
что тебе ангелы под одеялом пели –
пренебреги им, поскольку уже мертво.
Что тебе чудилось в пятнах подсохшей краски,
что ты ребёнком видел среди теней –
взрослым едва ли с собою возьмёшь на праздник,
мироустройство стало теперь прямой.
Прошлых сокровищ манит всего лишь дымка,
смутное что-то – не просится на язык,
стыдно и вспомнить: вот ты убеждаешь пылко
в том, от чего и сам через год отвык.
Кто же пылинки вешал в потоках света,
кто декорировал бусами свод небес?

Это – твоя мечта. И она раздета,
это – ты сам, но без мудрости, что вразвес

всем отпускалось даром, но порционно,
крыльев лишая, даёт по земле ходить.
Лишь у птенца быть могут свои законы,
лишь безответственный знает, что посреди

линии, что от сердца идёт к гортани –
десять вопросов, и главный из них – «зачем?»...

Ты отвернёшься, увидев пылинок танец
в более не расшифро-
вываемом луче.

Изнанка

Пустоши духа с любой стороны бескрайны,
их обитателям роскошь уйти чужда:
в мире ночном под завесой великой тайны
смотрит на землю опаловая звезда.

Гостя с изнанки коварна и так опасна –
всех популяций самки в союзе с ней.
Тянется к людям нелепым протуберанцем,
с каждым заходом слегка становясь точней.

Наша надежда предком была задута,
что поклонился ей, к ужасу и стыду:
мамы безрадостно воспроизводят чудо,
чтобы ещё на взмах отвести беду.

Всё, что когда-то вы слышали в колыбели –
только лишь способ блюсти наше кви про кво:
это такой испытанный казус белли,
это такое фальшивое волшебство.

Заморозки

Искрится инеем роса,
Наш сад в потёках карамели:
Мороз убил за полчаса
Цветы, что ждать его не смели.

Не обернётся время вспять
С однажды взятой вертикали,
И мёртвой розе не понять,
Зачем её поцеловали.

Ты лепестки её раздвинь —
Быть может, есть хоть капля пыла,
И эта радостная синь
Не насовсем в глазах застыла?

Но нет, цветёт в обломках льда
(не убережь её иначе),
И мёртвой розе никогда
Не знать, что поцелуй — горячий.

Клоун

Алебастровый клоун сегодня так весел!
(а вот зрителям жутко, что он не в слезах).
Может, это весна? Может, это от песен?
Может, бабочки крыльев чарующий взмах?

Никогда не бывать у толпы фаворитом:
Не шутник, не красотка, не дивный танцор.
На улыбку и смех его грим не рассчитан,
Осыпается – словно бы в шрамах лицо.

Для него больше места нет в репертуаре
Невзыскательных уличных драм и обид:
Арлекин не способен такого ударить,
Коломбина не будет такого любить.

Он поёт о любви и сверкает исподним,
Демонстрирует форму и дикую статью...
Алебастровый клоун так весел сегодня,
Что, исчезни он завтра, – не станут искать.

Бывшая

Вот следы. Осколки кальция
Беззащитны и просты.
Сердцем, языком и пальцами
Я любил таких, как ты.

Дорожила не минутами,
Но уплачена цена.
Обескровлена, запутана,
И врагу подчинена.

Все несчастья встанут спереди,
Жизнь прошедшая — проста.
Вдоль шагов твоих размеренных
Ни травинки, ни куста.

Не гулёна, не изменщица,
Эпилогом — некролог.
Отвернусь, лишь примерещатся
Отпечатки милых ног.

Поцелуй нынче — с пользою:
Стал совсем тебе чужак.
Не дари, прошу, мне боль свою —
Мне её не удержать.

Возраст

Детства образ вчерашний
(звук ветра давно унесён):
Свист игрушечной пташки,
Клинка деревянного звон.

Полон тайнами ящик,
Луч солнца ещё не погас:
Самых ненастоящих
Событий — так сладостен час!

Ты — не в центре мишени,
В романсы птенца — не проник;
И так быстро взрослеешь,
Вчерашний младенец — старик.

Но ещё не Альцгеймер,
Припомнятся игры и смех,
И веселье без тени,
И жизнь без малейших помех.

Ожиданий не будет:
Избегнув силков и тенёт,
С песней тысяч свистулек
Твоё поколение уйдёт.

богиня

как ты это делаешь мой хороший
смотришь на одетую видишь голой
улыбайся трещиной в гладкой коже
запусти в меня все свои глаголы

удиви себя заглянув под маску
ощути ладонью изнанку власти
зачеркни проблемы крестом красным
только логотипу обзор не засти

что за смысл в теле таком помятом
закурю в ловушке его устало
надломился правый манипулятор
видишь я держусь на одних кристаллах

но почувствуй в брызгах адреналина
что покорен окликам человеческим
так и есть теперь я твоя богиня
это всё инстинкты и крыть их нечем

город любви

в этом городе чувства
стекают по улицам голым
в этом городе пусто
но трение сгонит холод
в этом городе свечка
не сможет развеять печали
в этом городе вечно
кто-то любит а кто-то крепчает

в этом городе ворожея
ничего говорить не хотела
в этом городе я
так хотел рассмотреть твоё тело

мы с тобой темноты пугаемся
фонарём самый край сотру
мы с тобой два рваных паруса
громко хлопаем на ветру
мы с тобой две дырки охайте
лоб и сердце город-труп
мы с тобой две отметки копоти
в перископах фабричных труб

мы с тобой провода
изолированы белой кожей
мы с тобой никогда
расплести наши души не сможем

Продолжение следует

Продолжение — будет. Касса ещё видна,
Но, ты знаешь, пусть даже мерч идёт нарасхват,
Мы с тобой и без сиквела — парочка хоть куда:
С прибауткой побив злодея, ушли в закат.

Красота такая — Бетховена не играй!
Нам отпущено счастья — финансовый год почти;
Хэппи-энд промежуточен — маленький личный рай
Сборов ради окажется ленточкой на пути.

Сцену после титров в характере сбереги,
Ведь её отбросит дальнейшая круговерть:
Предадут друзья и удвоят свой счёт враги,
А иначе едва ли зритель пойдёт смотреть.

Сценарист улыбается — пляшут кусочки льда,
Капли влаги пометят его возделанный труд:
Лицедей, что меня играет, всё ждёт, когда
В первой сцене второго фильма тебя убьют.

От белого до белого

Увидел среди геля я
Протянуты как кабель
От белого до белого –
Пятнадцать красных капель.

Светилом электрическим
Озарено, как жемчуг
Лицо среди косичек, и
Спокойной стало вещью.

Пусть краски питаются
Холодными лучами,
Страдалица-скиталица,
Прими, что обещали

В чертах твоих фланелевых
Сощурившись недобро,
От белого до белого
Лицо твоё и образ.

Рождённый спящим

По воле рока и меча,
Средь мудрых книг и пышных тканей,
Я в мир, где принято кричать,
Пришёл с закрытыми глазами.

Сопел, как соль лизнувший лось,
Не видя отблески и копоть,
И повитухе не пришлось
Меня рукой по заду шлёпать.

И я как все не заревел
От в жизни первого удара –
Так при рождение мне предел
Иная положила чара.

Ей подчинён, я вязь судьбы
Скрепил своим особым знаком,
Довольны всем мои рабы
И жребий мой любому лаком.

Лишь перед смертью я постиг,
Чего не говорили в школе:
Мной был упущен важный миг,
Когда привыкнуть надо к боли.

Астрономия

Глаза затянет поволока,
Боль вызывающе-ярка;
В пустой аптечке нету прока,
Но виден крест издалика.

Ты всё использовал, что было:
Бинты, зелёнку, странный шприц,
Всеразрушающая сила
Едва задев, склонила ниц.

Летишь свободно – морок, что ли,
Туда, к объявленной ничьей,
Где нет ни холода, ни боли,
Ни пули в порванном плече.

Лишь тем, кто звёзды ищет в линзах,
Явился ты открыт и цел,
Они кричат: «Смотрите! Призрак!» –
И изменяются в лице.

Астрономия-2

Ускоряется небо и тихо ложится на
Клейкую мягкость рисового полотна,
И остаётся – нелепым, размякшим, серым,
Вот его нами рассчитанная длина,
Вот та звезда, что когда-то была больна,
Вот её поразившая филлоксера:
Листья деревьев на миг перестав молоть,
Тихо светил подъедает тугую плоть.

Поднимается небо, планета уходит под
Плоскость его, и на место своё встаёт,
С громким щелчком все орбиты приходят в норму.
Снова настанут сумерки и восход,
Снова забот здесь будет невпроворот,
Снова... Но будет что-то и по-иному:
Гулу её на колени упав внемли:
Звёздная муха, подарочек от Земли.

Не стоит винить отражений

К чему вспоминать, что было, к чему ворошить печаль?
Ведь если мечта бескрыла — чужую тогда зеркаль.
Хотелось остаться с теми, кто что-то шептал мне вслед...
Но ночью не видно тени, от этого ярче свет.

Мы плыли против течения, и вот стоим у стены.
Здесь тени — как отраженья, тусклы и едва видны.
Мгновения быстро мчатся, замолкла моя свирель —
Здесь тихо, лишь в темпе вальса течёт с потолка капель.

Угрюмых полночных бдений свидетельства тут и там,
Не стоит винить отражений в том, что ты устроил сам.
Но всё же, пусть временами в груди замирает что-то —
Что было б иначе с нами? Смогли бы забыть болото?

Взгляд с экрана

Назови моим именем первого встречного парня,
Улыбнись ему так, как, бывало, ты мне улыбалась.
Он мной и будет, и пусть не покажется странным
То, что его от меня отличает какая-то малость.
Ты хотела того, и теперь всё в твоей стало власти —
Что осталось, мы вместе с тобою сейчас подытожим.
Ведь теперь моё тело — всего лишь стекляшки и пластик,
Так сумей разглядеть меня в каждом случайном прохожем.
Не приучишь глаза видеть то, что явилось незванным,
Не увидишь того, что внезапно мелькает порою...

А теперь — только так. Я тебе улыбаюсь с экрана,
И кривлюсь от щекотки, когда ты прижмёшься щекою.

Зима

Пришла зима — и никуда не деться
От корки всё покрывшей ледяной.
Пой со мной, безжалостное сердце,
Пой со мной.

Как будто в предвкушении заката,
Для взгляда и чудес неуловимые,
Поспешно люди движутся куда-то,
Ресницы в иное.

Шалью снег лежит на улицах, укрывший
Тротуары, вывески и фрески.
И кристаллы льда свисают с крыши,
Свет свой льют изысканно и резко.

Пусть алмазов этих век недолгий,
Оценить их может каждый встречный.
Сердце, не молчи, сложить попробуй
Слово «Вечность».

Переписывание

Тех не стал бы винить, кто своё отражение встретил
И навстречу ему устремился, оставив от прошлого пепел.
Станным кажется то, что порою не видим мы сразу:
Кроме искренних чувств только звёзд есть холодные стразы.

Мне не стоит менять ни судьбы, ни момента потери,
Ни к чему украшать то, что было заявлено серым —
Разве только цветок, что ждала без печали и фальши,
Я бы мог попросить распуститься немного пораньше.

Ведь и я свою тень разыщу в загорелых люцернах,
В колебании других — зыбких, смутных, прозрачных, неверных.
Строгий взгляд ей метну, строй разрушив, я прямо сквозь
сумрак —
Что увидеть смогу в этих строгих нелепых фигурах?..

Наше общее чувство едва ли могло измениться
От того, что иначе связала б узлы мастерица,
Даже пусть она парочку бусин иначе нанижет —
Равнодушные звёзды не станут хоть капельку ближе.

А с другой стороны — изменений неведомы риски,
И не выдаст никто ни инструкций, ни даже расписки.
Что мне делать, когда, вдруг проснувшись изменчивым фавном,
Я тебя не увижу — и даже не вспомню о главном?

Музыкант

Всё вокруг успокоилось, дремлет, сопит,
Что же ходишь ты, места себе не найдёшь?
Успокойся давай, распакуй реквизит,
И сыграй нам, ведь был ты когда-то хорош.

Ты сыграй нам разлуку, усталость, печаль,
Чтобы сердце щемило, щипало глаза,
А душа чтоб стремилась в неясную даль
И осталась там на полчаса.

А вокруг — благодать, замирание, тишь,
Нет разницы, что ждёт тебя — поражение, успех.
В конечном счёте издали ты всё равно не отличишь
Движение вниз от движения вверх.

Приходи

Приходи когда захочешь — мокрым утром, тихой ночью,
Снег, жара, туман, дожди — плюнь на всё и приходи.
Если солнце вдруг погаснет, стань моим последним счастьем,
Рвись сквозь жизни ерунду к дому, где тебя я жду.
Что бы дальше ни случилось, ты теперь — моя стихия,
И отныне день любой буду проводить с тобой.
Колется в груди иголка. Приходи, но ненадолго,
Чтобы я, хмельной опять, чаще мог тебя встречать.

Пауза

распускается неожиданный анемон
между крыш высоток вдумчиво парят
пятна неба в горьком воздухе ночном
изменяется пропорций дряхлый ряд

этот город агрессивно-полосат
и играет отблесками смальт
твоё тело мне напомнит амперсанд
смотришь вверх кладя ладони на асфальт

в поздний час не можно взаперти
слишком мало люкс и децибел
тысяче огней не осветить
несоприкасающихся тел

всё ещё успеем а пока
мне в ответ такое же клише
мы вдыхаем ноты табака
музыке не выйти из ушей

Колодец и маятник

Ты светишь бликом отражённым — вся жизнь не так была ярка,
Закономерно совпадение в пространстве тела и клинка.

Со встречей примирилось тело, что обездвижено ремнём,
Мне не уйти с твоей дороги, я безнадёжен и казнён.

Зря посчитал, что смерти быстрой избежать сразу повезло,
Ты шаг за шагом только ближе, ты чувствуешь моё тепло.

Как та назойливая дама, что пристаёт наедине,
И жду меж двух ударов сердца, как прикоснёшься ты ко мне.

Неумолим и неизбежен, позволивший отринуть ложь,
Лишь миг назад меня царапнул — сейчас и вовсе рассечёшь.

О маятник, несущий гибель от полумесяца-ножа!
Слепой придаток механизма — и новых встреч не избежать,

Твоё желание не скрыто,
ведь мы — два полюса магнита:
не разорвать, не разлучить,
твои слепящие лучи
ещё притягивают взгляд мой;
но отползаю на попятный,
ты — мой надёжный примиритель,
но колыбельную шепчи
в пути до края и обратно,
оставив след: скупые пятна.

Так голоден, что злобу слышу: уже совсем почти настиг,
Но ты остался без добычи: меня спасут в последний миг.

Гранатовый фонарь

Изъеден молью я, так дай же
Моей любви себя взамен,
И мы не потеряем даже
Секунды вместе. Между тем,
Весь этот бред, что ты мне скажешь —
Всего лишь буквы в словаре,
Налей шипучего перье
В провалы раскалённых скважин.

Не доставай свою гранату,
Не зажигай в ночи маяк:
Я — рыба, мне огня не надо,
А холод мой давно иссяк.
Ключ поверни и мягко падай,
Для вида паузу блюдя,
Я жить спешу среди бродяг
И весел этою бравадой.

Был целым, стал разбитым — то бишь
Есть что вписать теперь в блокнот,
Моё ты сердце остановишь,
А может быть — само замрёт:
Пересечению аорт
Поддаться стоит, ведьме вторя,
И мы привыкнем к виду крови
(Клайд с Бонни, но наоборот).

Время

Бежит невозвратное время,
Любой пробивая рубеж,
И не церемонится с теми,
Кто полон безумных надежд.

Кто день нам вернул бы вчерашний?
В ответственном — вечный изъян:
Начальник фарфоровой башни
Часами от пороха пьян.

Увита плющами руина,
Нелена, как кровь на цветах...
Что быть, что не быть — всё едино:
Рождение, таянье, прах.

Распаду не стоит дивиться:
Он в сущность вселенной проник,
Нам лишь беспокойная птица
Подарит испуганный крик.

Нет смысла рыдать об утрате:
Господь всё запишет на счёт,
Когда-нибудь скажет он «хватит!» —
И кнопку под сердцем нажмёт.

Готика

и снова наступает пауза
сидим во тьме не видя солнца

влюбляемся и расстаёмся
влюбляемся и расстаёмся

у неприступного утёса
на недоступном ныне острове

края надежды слишком острые
края надежды слишком острые

того хотели сами собственно
смирились с болью и утратами

горчит лишь нож на коже матовой
горчит лишь нож на коже матовой

считались жемчугом агатами
но каждый стал теперь беспмятным

а мрак небес не помогает нам
а мрак небес не помогает нам

здесь больше не поможет грамота
письмо бегучее как ящерка

и это всё ненастоящее
и это всё ненастоящее

фантом разломанного ящика
в тени потрёпанного паруса

мы расстаёмся и влюбляемся
мы расстаёмся и влюбляемся

Случайность

Случайности пожрут одна другую,
И к логике откроются пути:
Найдёшь алмазы, фруктами торгуя,
И деревце пробьётся из культи,

Кинжал вдруг переломится у горла
И охрою окрасится вода...
Сбежит грызун от хищника проворно,
Замкнутся без причины провода,

Откроет исключенье древний принцип,
Компьютер обыграешь в реверси...
Всё это в сумме даст лишь единицу,
И не сместит баланса высших сил.

Без страха покидай дневное ложе,
Хотя бы и на несколько минут:
Пусть наперёд едва ли план возможен,
Случайности собой пренебрегут.

приглашение

случайность из сердца давно уже стёрта
стоишь васильков и ромашек среди
над ними возвысься упрямо и гордо
прошу тебя выйди из зоны комфорта
и в зону гвоздей и булавок войди

пусть та же мелодия — сменим регистры
блеск меди воздушной ещё не угас
тональность уступит удача корыстна
а песня короткая будет как выстрел
и с ним продуктивность разделит не раз

забудь опасений игривую правду
законов её всё равно не поймём
ни страха ни веры нам больше не надо
лишь скорость в ушах и гашетка зажата
моя эффективность растёт с каждым днём

тебя ожидает всё та же реторта
иным реактивом отныне сигнал
прошу тебя выйди из зоны комфорта
что так широко пред тобой распростёрта
подставь утомлённое сердце под сталь

Выйди из комнаты

Покидая пространство, в которое юным был пойман,
Взять с собой не забудь: карандаш, пожелтевший блокнот,
Чтива сотню страниц (например, вот – про пятую бойню),
Адрес девы, что, как ты считаешь, ответит вот-вот;

Оставаться нельзя – и не в том даже дело, что дева
(что тебе до неё!) будет ждать только пару часов:
Здесь теряется всё, кроме скуки и тайного гнева –
Покажи хоть однажды, без привязи дух твой каков.

Сонет наизнанку

Невест моих сменилась череда:
Подъезд их ждёт недели и года,
Пустот замысленных нездешняя печать —
Тот адрес, что забыл им надписать.

Они стоят беспечною гурьбой,
Готовят яд, бушуют... Боже мой!
Швартовы, друг, скорее подними,

Подними скорее, друг, швартовы!
Мой боже! Бушуют, яд готовят —
Гурьбой беспечною стоят они.

Надписать им забыл, что адрес тот —
Печать нездешняя замысленных пустот,
Года и недели ждёт их подъезд,
череда сменилась моих невест.

Инженю

Пиши, пиши, малютка-инженю,
Печали вынут сердце не всерьёз,
Карандаши очертят жизнь твою,
Настанет час – и ты задашь вопрос:

«Чудесен мир! Кому он только нужен?
Прогрессу утлomu да выдумкам досужим?
Нет счастья, нет удачи, нет судьбы...»
Свет мой! Черты грядущего грубы,

Пыл молодости доверять кому? –
Бумажный воин, нелепый стражник,
Уплыл твой фонарик, раздвинув тьму

Башни бесплотной, бесплотной башни. —

Тьму раздвинув, фонарик твой уплыл –
Стражник нелепый, воин бумажный,
Кому доверять молодости пыл? —

Грубы грядущего черты, мой свет! —
Судьбы – нет, удачи – нет, счастья – нет.
Досужим выдумкам да утлomu прогрессу?
Нужен только он кому? Мир чудесен!

Вопрос задашь ты – и час настанет:
Твою жизнь очертят карандаши.
Всерьёз не сердце вынут печали –
Инженю, малютка! Пиши, пиши!

Орнитолог

Комната найдена в дальнем пространстве – где
Вновь услышать героине мечты каприс,
Её не волнует обычай пустых людей,
Она изучает повадки достойных птиц.

У малиновки голос – четырнадцать децибел,
У кукушки же скорость – и ласточке не догнать,
Воробыха несёт десять яиц (это не предел),
Кондору Марса поверхность вполне видна.

Ловят пингвины рыбу сквозь решето,
Страус закладывает немислимые виражи...
Пусть это всё неправда, но по вечерам зато
В мире таком ей гораздо приятней жить.

Сдохнет наука без сказочек и прикрас,
Ход наблюдений ведётся навеселе.
А вот в реальности птицу видела только раз –
Пятнышко красное на лобовом стекле.

Союз

В запахе свежих листьев, в чаду июня,
В парке гуляешь, свою акварель малюя,
Вещи фиксируя, вскрыла и остальное:
Танец предметов единой покорен воле.
Эти тропинки – дыхательная система,
Спящий старик на лавочке – глаз тотема,
Трое девчонок, рисующих на асфальте –
Это три правила тайных его грамматик.
Зелень, растущая броско везде и всюду –
Шерсть его тёплая, лечит твою простуду,
Пальцы его – деревья, клыки – палатки,
Взгляд его непонятен, но когти сладки:
К прочим безжалостен – «скройтесь и не взъщитесь!» –
Просит тебя настойчиво о защите,
Только нет толку сворачиваться и клацать –
Что ты организуешь в свои семнадцать?
В смутном предчувствии межмировой погони
Ты собираешь силу в свои ладони

И не заметишь, как лопнет его эгида,
Осознаёшь себя самкой того же вида.

В шестнадцать строк ломается перо,
что пишешь ты – с утра уже старо,
молчи про возраст – впрочем, лучше про
пространство – так читатель больше любит;
протянется всё та же колея,
всё ту же жажду слова утоля,
всё тех же чувств простых и сильных для,
всё тот же будет козырь – это буби.

Читатель ждёт – быть может, не тебя,
готовь свой дар, над рифмами корпя,
в подарок себе выстави нольпя-
тьма выскочит внезапно, как нокаут;
так спой про взмах чарующих ресниц,
поклонников, пред ним упавших ниц,
пускай не очень ярким будет блиц –
творца тот свет пока ещё питает.

полёт

два провода под ногти запитай
нехитрая методика китай
теперь от каждой точки запятой
они в полёт отправятся с тобой

прозрачна и прохладна высота
вознёсся прямо с чистого листа
и ангелам доносишь вести те
что не смогли расслышать в пустоте

движение законам вопреки
питание получит из руки
посмотришь вниз увидишь вот река
невдалеке где контур ветряка

упругий воздух тянутся следы
твои слова совсем уже седы
но молнии искристая слюда
не даст упасть отныне никогда

лови её стань выпуклей и злей
 вступи в ряды глухих небесных змей
внезапный невозможный удалой
лишь пуповиной связанный с землёй

Прощание

С утра свежо и так светло –
дан старт, отсчёт.
Моя ладонь твоё тепло
не узнаёт.

Так часто видел этот миг
я наперёд,
что вот сейчас, когда настиг –
гляди, уйдёт.

В зрачках небесного кита
(кипит волна)
твоя смешная красота
отражена.

Преодолей же свой барьер
в объятья стуж,
посланец позабытых сфер
заждался уж.

От треска в голосе кассет
твой воздух туг:
становится всё ярче свет,
но тише – звук.

Неправильный целеуказательный сонет

Самые близкие цели сложнее всего достижимы,
Примеры — уметь отличать каждодневную правду от лжи,
Блеск глаз притупишь; померить дрожание пальцев;
Услышать среди какофонии льющийся вальс,
Что манит намёком — не так уж и просто потрогать,
Оно, извиваясь, ползёт втихаря, между строк.

А к дальним соблазнам — успеешь измерить пространство,
И час рассчитаешь, когда их сорвать напоказ,
Пусть даже не выйдет достичь их эффектно и с первой попытки,
На то в океане и остров — не сразу доплыть.
А то, что ты мог получить — протяни только руку,
Красивым не сделает жест, как и солнечным — круг.

Меняется всё лишь в момент, когда цели достигнешь —
Чем дальше была, тем блистательней выйдет престиж.

Стихи

...счастливая женщина пишет стихи о разлуке,
язык приглашением танцует меж сладких зубов.

Так долго судьба проводила лишь мерзкие трюки,
но дорог последний – ей кажется, это любовь.

А если и нет... Впрочем, тоже сойдёт – не лукавась,
привязанность ум засчитать за удачу готов,
но платит издательство только за слёзы и пафос,
действительно важное – в общем-то, не для стихов.

Мужчина её до обеда едва ли проснётся,
гулять с поэтессой – ещё он не видит проблем,
и думает: «я её выпью до самого донца,
а после войду в новый день, лёгок и вождеден».

Пусть даже потом этот опыт ещё пригодится
(ведь надо же ей из чего-то и делать стихи),
сегодня она не нарушит вновь найденный принцип:
слова, что с трудом отыскиались – обычно легки.

Нам сердце не скажет, и истину скроют науки,
какой она станет, надежду свою поборов...

Музей войны

*Кто-то играет в солдатики, кто-то – в куклы,
Чья-то судьба едина, других – лоскутна,
Для одного жизнь готовит сплошные танцы,
А для другого всё кончится в восемнадцать.*

Существованье белковое – залепуха,
Всё – суета сует и томленье духа:
Жмёмся друг к дружке, слепые, как аксолотли,
Как ни старайся – кино без тебя досмотрят.

Зря ты мечтаешь, что кончатся эти драмы,
И малодушно хочешь в объятья мамы –
Сам ведь не чувствовал боли, когда другие
Бой завершали в огромной, на всех, могиле.

Только сейчас закричал на разрыв аорты,
Как бы ни вышло – ты против – живой ли, мёртвый.
«Он только что осознал, что пожить бы надо» –
Тычет указкою экскурсовод в солдата.

Серебряный зонтик

Тикки

Над тобой кто-то держит серебряный зонтик,
Будь всегда им укрыта, легка и свежа,
На безоблачном ровном тугом горизонте
Нет угрозы такой, что ему не сдержать:

Метеору защиту пробить не получится,
Льдинки падают мимо, позёмку щербя,
То ли сын, то ли брат, то ли просто попутчица –
Рук своих не жалея, прикроет тебя.

Неприятности жизни внезапно не свалятся,
На два делятся горести, на три – беда,
Потому что тебя, озорная красавица,
Всё дурное касается лишь иногда.

«Ты без боли, с улыбкой по жизни вышагивай,
Не скривится в гримасе коралловый рот.
Тело светится ровно истомою матовой,
Пусть хотя бы тебе радость жизнь принесёт.

Будут добрыми – люди, хорошими – новости,
Не заденет никто, улыбнётся любой».
Помышляя лишь дать тебе силы и лёгкости,
Кто-то держит серебряный зонт над тобой.

Ангелы

Мы сбросим тени, словно кожу,
покинем звёздный трафарет,
обличья наши станут строже
на тающей границе сред,

сквозь трещину в пространстве млечном
незримо наше торжество.
Как дети радостно лепечем,
мы возродились из Ничто,

в котором именно тенями
очерчен траурный рубеж,
где нас терзало злое пламя
среди несбывшихся надежд.

Две капли в суетном сосуде,
В нас тьма вошла и свет блистал,
отныне мы — всего лишь люди,
(во всяком случае, с лица).

Укоренившись, обустроаясь,
поставив цели и предел,
однажды обнаружим прорезь
на коже мягких этих тел.

Не прерывай, отшельник, бдений,
теперь забот — невпроворот!
Мы сбросим кожу, словно тени —
смотрите, люди, на господ!

Высота

Пары дюймов не хватает – поскрести небесный свод,
Вижу: звёздочка витая заскрипит и упадёт.
В закоулках светлой речи – не к стабильности ключи,
Стану лёгок и изменчив, не ищи к тому причин.

Над малиновым закатом, выше быстрых птичьих стай
Я катаю мирный атом – так и ты со мной сыграй,
Здесь никто не беспокоит, и приятны холода,
Отпусти себя на волю, залетай хоть иногда.

Нас нескоро обнаружат в самый лучший телескоп –
Посреди квазарных кружев плазма свежая течёт:
Безопасная, поверь мне, в трещинах эфирных плит,
Стать мирами, пусть и вчерне, быстро ей не предстоит.

А внизу белок закончит свой стремительный рывок,
Стоит лишь дожждаться ночи – приговор наш будет строг,
Пусть спокойно спят земляне, жизнь по солнцам разбросав,
Мы тяжёлыми тенями вдруг покинем небеса.

Часть речи

Ты ведь знаешь – меня постоянно к тебе влечёт,
Здесь бессильны удача, сговорчивость и расчёт,
Просто что ни тронь – одинаково горячо
Одобряет вмешательство общая наша паства;
Я ведь все метафоры знаю наперечёт
В дополнение к категориям времени и пространства.

Рассекают воздух тысячи мелких игл –
Был живым – я такой красоты никогда не видел,
Но уже завершается этот ущербный цикл,
И я чувствую боль не способной порваться кожей –
Как вдруг вижу царапины на золотой эгиде,
Жаль, но не доведётся их приумножить.

Я успеваю лишь выстрелить в землю корни,
И растворяюсь в распахнутой кем-то домне,
Слабым меня и спелёнутым – не запомни,
Вот, перейду в состояние непокоя;
Просто скажи, красивая, ты за что мне?
Что я вам сделал что я вам сделал что я
мне не найти языка твоего укромней
там всё такое гладкое и простое

Чудо — глаз не отвести

Переливчато блестит, —
Расступайся, мгла! —
Чудо — глаз не отвести:
Шарик из стекла.

Нет ни пробы, ни карат,
Огоньки рекой.
Каждый перстень был бы рад
Получить такой.

На верхушке, как веноч,
Алая заря.
Думает, что одинок
(мы-то знаем — зря).

Он в потоке молока
Выглядит чужим,
Кто живёт на нём пока —
Вряд ли заслужил.

Шарик мутен и белёс,
Эхо забытья,
Но притом — источник грёз
Для таких, как я.

В даль невиданных систем
Смотрит, веселя:
Ты ведь жизнь дала нам всем,
Матушка-Земля.

Потерянный сонет

Растянув при падении рифму и выгнув катрен,
Раскатившись меж пальцами горстью пятнистой фасоли,
Мой сонет потерялся в тени тавтограмм и поэм,
И, заброшен тобой, он валяется на антресолях.

Мой забытый сонет, ты лишён резонёрства и соли,
Вдоль тебя расплзается смыслов невидимый крем:
Я вложил в тебя сутки и виски, а ты, вместе с тем,
Ничего мне не дав, укрепил лишь на пальцах мозоли,

Изгибался, написанный, зло – гуттаперчевый, что ли? –
Возражал против строя рассчитанных точно фонем,
Не считал, что его написав, стал ему сюзерен,

Был согласен на то, чтоб его по строке распороли,
Ничего за забвение это не просит взамен –
Лишь бы только хотя бы на миг оказаться на воле.

Апликация на Эмили

Свою душу стальную в волнении не сберёт
И нажал в ней случайно один потайной рычаг:
Нож влюблён в математику – это его конёк,
Но наука ножу не торопится отвечать.

Говорит: «Рассечёшь, и дорога – лишь в формалин,
Да и в плане абстрактных множеств ты поотстал».
Раньше он без сомнений всё надвое разделил,
А теперь освоил корни и интеграл.

Она шлёт ему лишь извинения и нули,
Да по праздникам лакомство – дискриминант в дробях,
У ножа кончик лезвия так иногда болит,
Что приходит шальная мысль – затупить себя.

«До чего же красива, чарующа и свежа!
Я нарежу в подарок ей карточек для лото!»

...Математика очень хочет обнять ножа,
Но ещё не решила, что сделает с ним потом.

Потеряна

Потеряна однажды — и навек,
На мир теперь смотрю я близоруко;
С тех пор, как ты ушла, замедлен бег
Воды в моих артериальных трубках,

Нелепое мне кажется смешно,
Остывшее — мне кажется согрето,
И самое прекрасное вино —
Лишь кислота и капля фиолета.

Осталось нам дожждаться седины —
Тоску удержит временная дамба,
И больше мы не будем рождены
Ни для любви, ни с целью даже ямба.

Процесс

Одна из многих сеньорит,
Чей рок вмешательством отмечен:
Она не знает, что спешить
Уже ей незачем и нечем.

На грудь бросает листья клён,
Ихор задумчиво струится,
И кровоток освобождён
Из клетки тоненькой ключицы.

Через дорогу – тот же храм,
Тропинки в перекрёстках узких,
Средь пузырящихся мембран
Видны: осколки, хлопья, сгустки,

Цветы как будто хризантем,
И хрипы – словно от фагота,
Не бьётся сердце – вместе с тем
Под кожей вздрагивает что-то.

Она изломанной
строкой
Под сердцем прикрывает финку –
И ты могла бы стать такой,
В черновиках моих возникнув.

Утро

ладони кофейной чашкой слегка согреты
но лёгкий озноб означает ещё здоров
изломанной линией видятся силуэты
в просветы глядящих кустарников и домов
пусть ветер прозрачный пространства ещё не сгладил
но песню поёт про чудной поворот винта
смотри улыбнись тебе маленький наблюдатель
тебе не помеха ракурс мне темнота
граница небес сюда проникает зыбко
изломанных линий скалятся миражи

я думаю где-то забытая плачет рыбка
пока не покончено с кофе сны так свежи

Этот город

Принайтован и пригнан в пространстве тугом и нелепом,
Что просело и шкурится, свой выверяя аршин,
Мне чужды эти улицы, здания, шелест машин,
Разговоры в курилках и дымом закрытое небо.

Что пройдёт, то и ладно; к чему суета и тревоги?
Среди хода светил не приветствуют старых и хмурых;
Знал и свет, что слепил, и для глаза приятственный сумрак —
Добывать эту правду — работа для слишком немногих.

Что быть может иначе — изменим, пускай и не скоро,
В хороводе тех лиц, что всегда различить не умел,
Я не падаю ниц, а себе выверяю предел —
Полчаса на раскачку, а после — спалить этот город.

Сюжет

Буквы осыпались, ржавы,
Их извлекаю, дробя.
Самые первые главы
Я сочинял без тебя.

Это естественный принцип –
Как ты была молода!
Выдержки тактов на тридцать
Мне не хватило тогда.

Но отшуршало магнето,
Воздух блестящ и слоист:
Всё по лекалам сюжета,
Как прописал сценарист.

Самые тёмные ночи,
Самый губительный лёд...
Видишь – ещё кровоточит,
Но к эпилогу пройдёт.

Сонет пустоты

Вижу глаза твои в каждой странице,
Кожу — в изгибах строк.
Счастью дано до тех пор продлиться,
Сколько не будет впрок.

Видишь холодные эти лица?
Их небосклон широк,

Запах ванили, зиры, лакрицы,
Всё, что скрывала твоя сестрица —
Тайное между ног.
Ты исчезаешь при вспышке блица
Тайной, мелькнувшей в бреду провидца,
Тенью на потолок.

Вряд ли с бумагою чистой сравнится,
Что написать бы смог.

Энтропия

Оторви свои ляжки от каменных плит,
Подчинись моему бондажу.
Говорят, что пространство себя не щадит,
Так и я тебя не пощажу.

Говорят, что оно обращается вспять,
Чтобы в спину себя укусить —
Так и тельце твоё предстоит нам размять,
Позабыв про условность и стыд.

Я слыхала, оно дымом застит нам взгляд,
Чтоб не ведали мы, где Тибет,
Так и биди мои для того лишь горят,
Чтобы спеси убавить в тебе.

Видишь — мой огонёк без затяжки погас,
Трав истлевших оставив букет?
Так физический мир всё скрывает от нас,
Что давно его, в сущности, нет.

И, как время течёт безвозвратно вперёд,
Над отчаяньем смертных смеясь,
Так и нашей забавы момент настаёт —
Энтропия. Созвучная связь.

Ничего красивее

Мне говорили — на высоте отыщешь ты красоту,
Взял я друзей — разговоры те в дальнейшей судьбе учту.

Вышли тропой воробьиною, пересекли межу,
Я красоту себе выкуплю, жизнь с ней свою свяжу.

Смутен был наш тезаурус, крепок зато закал,
Желчно светило скалилось в бурных обломках скал.

Пусть и неясным был наш успех в дебрях чужой земли,
Как красоту разделить на всех — выяснить не смогли.

Смута наружу просится *птицей среди камней*,
Пусть красота всем по сердцу — дело своё важней.

Вскоре друзья покинули, высох на солнце весь,
Ничего не нашёл красивее, чем этот эдельвейс.

84

Персонаж обречён под бильярдное лезвие сукно,
Ждёт судьбы, загибаясь от ужаса и парши,
Разгласи вердикт, было автором решено:
«Мистер Смит безнадежен и правке не подлежит».

И пускай это слово – незыблемый наш закон,
Но имеешь право на трапезу и каприз:
Ты устанешь шпионить за собственным языком
И запрешь своё сердце среди добродушных крыс.

Б.

Эта женщина, будучи доброй, в постели не сдержана,
Она влюбчива и запредельно уступчива,
Ей стучат в окно ветки и пялятся злыми консержами,
А она кладёт тушу быка на далёкой излучине,

Недоволен шакал — а шакалы довольно горланисты —
Он теперь расквитаться желает до одури, бешено.
И не ждёт ни награды, ни славы, ни благодарности
Эта женщина.

Падение

В том самом месте, где твой синий перетекает в чей-то белый,
На перекрестье тонких линий свисает веточка омелы.
Точёной мимикой забавя, среди полуденного гула,
Не различая снов и яви, ты эту грань перешагнула.

И сразу так похорошела – я утомился любоваться,
Как переломанное тело кривилось в отраженье танца,
Устал сгибаться алюминий, конец искусам и соблазнам
В том самом месте, где твой синий перетекает в твой же
красный.

Сонет исцеления

Явилась неожиданно извне,
Следишь за раскрывающейся тайной:
Движение рыбы в синей глубине —
Холодный взгляд, неловкое касанье,

И следуешь путём нездешних вод,
Забыв себя, больную и хромую,
И кожа поглощает кислород
Из океана залпом, напрямую,

К поверхности идёшь не торопясь,
Приноровившись к зуду меж лопаток.
В ушах шумит отлаженная связь,
Рывок последний судорожно-краток:

Увидев в небе чёрточку орла,
Поймёшь, что ты ещё не умерла.

Напутствие

говорила матушка дочке не влюбляйся
лишь кораблик свой собьёшь с правильного галса

волны станут бить в борта злобные такие
зрение ухудшится будет аритмия

лишь измыслишь ураган получай-ка вот он
надо к чувству подходить с правильным расчётом

да не думай никому показать изъяна
говорила матушка пей да не допьяна

спи не сколько хочется ешь да не досыта
вот тогда твоё гнездо верно будет свито

не пренебреги притом деланьем запаса
а к полтиннику глядишь можно и кататься

говорила матушка доченьке несмелой
ну а если влюбишься дочерей не делай

Эмуляция

Отдохнём от тягот и волнений —
Дождь налит, запущены ветра.
Здесь из красок — только лист осенний
Да твоя любимая игра.

Улицы привольны и шершавы,
Воздух переливчат и душист...
Мир, что мы смогли с тобой представить,
Нам одним теперь принадлежит.

Но вот если хочется пирожных
Или прокатиться на метро —
Заверши программу осторожно,
В провода закутай электрод,

И войди в чужой невнятный город,
Им свои мечты уравновесь.
Нет сомнений — ты вернёшься скоро.
Не волнуйся. Я побуду здесь.

Вдохновение

Слушаю тебя, дерево. Ты прекратилось в том,
что оказалось пространством, укрытым в дым.
Всё, что истерзано было дрелью и долотом,
нынче измазано соком твоим густым.

Нас поглощает дремучая недотьма,
Голос мой – слышишь? – твоими корнями рос;
вместе с тобой я растаю сейчас сама,
от напряжённой ноги до концов волос.
Нас закопают на связке пяти дорог,
Дав вдохновенье стихам и десятку пьес,

я обнимаю лишённый коры твой бок
и прижимаю к щеке твой пахучий срез.

Сонет поиска

В тот час, когда кончается завод,
Питать сомнений, право, не пристало,
Один лишь пяточок среди бурных вод
Мой глаз смущая, подавал сигналы.

И кажется — рукой подать до цели,
Но много раз, той тенью увлечён,
Вернулся без раздумий ни о чём,
Лишь волосы порядочно седели.

С тех пор угробив несколько голов,
Туда идти по-прежнему готов,
Завидев отраженье бумеранга:

А если заблужусь среди дорог,
Укажет путь на этот островок
Эвристика, мой чёрный допельгангер.

Желание контратаки

Чёрное. Синее. Жёлтое —
перед глазами круги.
Прыгает взгляд к горизонту, и
«жди теперь, побереги

снова себя до угрозы, и
выйдет избежать вреда.»
Ждёт, когда выпадет розовым —
«сможешь ответить тогда».

Поиски вдохновения

Это нормально, что нет его,
Хуже, когда волной.
Средства здесь нет секретного —
Болью придёт зубной,

Камнем в носке ботиночном,
Мышью в углу скребёт..
С кончиков пальцев вытечет
Серо-зелёный мёд.

Выловишь — и к листу его,
Старых Ярап скачай.

Самое крепкое курево,
Самый зелёный чай.

Скудость слов

Это буква о а не цифра ноль
Это равнодействующая многих волей
Это вид с другой стороны холма
Это накрывающая волна

Это щедрой жменькой не мелочась
Это безнадежно плохая связь
Это что-то нужное позарез
Это поза гордая на костре

Это не валюта а экспонат
Это лампа в пять миллионов ватт
Это не хотеть и не получить
Это твердокаменная печать

Это поигрался и вдруг исчез
Это жизнь другая на аш два эс
Это то что меркой сочла родня
Это то что меркнет при свете дня

Это не намеренье а финал
Это неразгаданный идеал
Краем глаза видано на бегу
Это то что высказать не смогу

Ампутация

я вижу связь распавшихся времён
в тенях оживших росписи наскальной
покуда мозг ещё не разделён
и даже не отлили этот скальпель

до той поры я буду одинок
лишь колыбель и пара брызгов алым
и синапсов сверкающий поток
передаёт внезапные сигналы

Ампутация (ремикс)

Покуда мозг ещё не разделён,
и даже не отлили этот скальпель,
я вижу связь распавшихся времён
в тенях оживших росписи наскальной,

и синапсов сверкающий поток
передаёт внезапные сигналы...
До той поры я буду одинок —
лишь колыбель и пара брызгов алым.

Море

Это море не станет твоим никогда,
В лучшем случае — просто седьмая вода,
Не тебе эти скалы, закат и песок,
И кораблик с оснасткою наискосок.

Не тебе жемчуга, запах соли, прибой,
И прибрежной красавицы взгляд голубой:
По тщете своей этим ты всем овладел
На какие-то жалкие пару недель.

Всё должно продолжаться своим чередом,
С нетерпением ждёт родовое гнездо —
При задержке хотя бы на несколько дней
Возвращение станет гораздо сложнее.

Снова дома, и от посторонних пестро,
Очини же тотчас маховое перо
И пиши, непонятной тоскою томим:
«Никогда это небо не станет твоим».

Посвящение мигрени

Знать бы, кто болью звенящей моё восприятие отметил,
Чьи молотки в голове и какое оружие куют.
Словно мозг обнажённый ломтями нанизан на ветер,
Взрывы боли один за другим – пораженья салют.

Если б мог, я бы лично прошёлся с бутылкой лекарства
По своей голове и следил неотрывно за тем,
Как процессия строится – с этой напастью прощаться –
Из субъектов, понятий, эмоций, мыслительных схем.

Я бы злым офицером построил нейроны в шеренгу,
Заорал бы на них: «Что творите! Отставить страдать!»
В вакуоли налил бы лекарство оттенка маренго,
Пусть работают, чуя спокойствие и благодать.

Только допуска нет, и нейроны меня не пропустят,
Не откинет шлагбаум височный больной КПП.
Я лежу, преисполнен страданий и тягостной грусти,
И мечтаю о гвоздике, шпильке, отвёртке, серпе.

Дуэт

...Песню с ветром споём, как всегда, в унисон,
Голос мой его шорохом вдаль унесён.
По аллеям, по паркам, по клавишам крыш...
В окна, в двери, в машины, в кровать, где ты спишь.
Пусть летит моя песня к моей дорогой,
Щекотать тебе уши шуршащей строкой,
Пусть моя дорогая, проснувшись едва,
От меня и от ветра услышит слова!

Жаль, что петь не любишь ты...Ладно, если честно,
Должен рад быть и тому, что слушаешь меня.
Небу руки протяну – музыку, маэстро!
Станет аккомпанементом ксилофон дождя.

Желание

Я бы стать хотел бессмертным, чтобы всё увидеть сверху,
Чтобы все, кто не такие, ясно видели меня.
Я б устраивал концерты, представленья, фейерверки,
Совершал дела благие, недоступностью маня.

Мне бы жертвы приносили, чтобы не иссякли силы,
Песни про меня бы пели, завели бы хоровод...
Изучил бы суахили — там созвучия премилы!
Умереть в своей постели? Нет, совсем наоборот!

Но увы, как все, я смертен! В стаде ближних незаметен,
Надо мной смеются часто, жизнь моя порой пуста...
Да, бываю я инертен. Да, могу быть бесхребетен,
Но шутить со мной опасно — вдруг да сбудется мечта?

Реприза

Не спеть ли куплет из старой, давно позабытой песни,
Чтоб вспомнить в печали осень, музей, желтизну газет?
Но как ни бренчи гитарой, не станет она интересней,
Хоть бей инструментом оземь, хоть жди ещё восемь лет.

К чему ворошить былое, к чему вспоминать обиды,
Зачем встрепенулась память, в чём смысл смотренья вниз?
Чего эта песня стоит, когда зеркала разбиты,
И если вопрос добавить — в чём смысл вообще реприз?

Что ж, пусть старина прокисла, победами путь унизан,
Измерены наши шансы, считают часы тик-так...
И ты не ищи в ней смысла, ведь это моя реприза,
Не стоит, поверь, пытаться найти в ней какой-то знак.

Новый снег

Выпал новый снег, выпал в ночь прощенья,
Я боялся, что остановилось

время.

Над землёй кружилась нить

витая,

Злых снежинок озверевшая стая.

Позовёт меня что-то дом оставить,

Иглами дышать,

мысли прогоняя.

Вы уж без меня,

как-нибудь, да сами,

Ждёт меня тропинка косяя.

Выпал новый снег, выпал в ночь прощенья,

Как хотел бы я остаться

с теми,

Кто смотрит на него, пьёт шоколад горячий,

Но мне себя вести

иначе.

Засверкало всё, блёстками белея,

От пределов высоты

до части нижней.

Выпал новый снег, выпал в ночь прощенья,

Ночи такой нет, а зря –

была б не лишней.

Обращение

Странный мир за окном...
Я подумал о том,
Что дорогой сюда
Встретил.
Этих чахлых цветов,
Тихих слов, ярких снов,
Не забудь никогда,
Ветер.

Ледяные ключи,
Золотые ручьи,
Осень в календаре,
Росы.
Этот мир невзначай
На руках укачай,
Ты собой обогрей,
Солнце.

Удержать я не смог
Оглушительный вздох,
Подобрать бы ключи
К дверце...
Чтоб настал этот миг
И я цели достиг...
Ты потише стучи,
Сердце.

Пусть спешит вслед за мной
Спутник мой роковой
И рядится, как в ночь,
В хаки.
Что там будет потом –
Я не знаю, фантом.
Уходите же прочь,
Страхи.

Прошлое

Звучит здесь музыка невольно
И тусклый свет отмерцал.
Сквозь дымку дней различить я рад
Черты твоего лица.

А помнишь, в парке давали джаз,
В лицо дул ветер, шершав и стыл?
Остались теперь лишь обрывки фраз,
Неясный шёпот, развод чернил.

Закончить копаться в гнилом тряпье
Прошу тебя, мне позволь –
Видения прошлого дарят мне
Одну головную боль.

И вот – не помню я, кто таков,
Бросаю тело средь мягких стен.
Остались только обрезки слов,
Осколки мыслей, чернильный джем.

Апликация
(использован текст аварской поговорки).

Из первозданного хаоса
Выбежал — был таков,
Пусть всё вокруг от холодной росы сыро.

Солнце откинуть пытается
Клетчатый плед облаков —
Встать в полный рост над миром.

Ради свободной воли —
Печали потом поселятся —
Ветра, дождя, снега!

Пусть теперь в боку колет —
Готов и не то сделать я
Ради такого бега.

Мне рамки тесны,
К чему печали?
Теперь любая судьба нелепа.

И кажется, *если*
Воробей на снег ляжет навзничь,
То коснётся лапками неба.

Апликация про кошку
(использованы слова Милорада Павича)

Как хотелось, чтобы было не понарошку,
Гулять в лунном свете, указывать путь хвостом.
Говорят, *девять змей убивает кошка,*
А десятая кошку – потом.
На обед себе поймаю грызуна-уродца,
Много мне не надо — даже того довольно.
Как я слышала, девять жизней каждой из нас даётся,
Значит, целых девять раз придётся прожить достойно.
...Вновь раскрутится жизни лопасть,
Вот что сделаю, чтоб не стыдно:
Девять раз загляну в пропасть,
А в десятый туда прыгну.

Город

Зачем домой ты город принесла,
Строенья, тротуары, мостовые?
Дешевле было сжечь его дотла,
Тем более, нам это не впервые.

Закат мерцает, золотится вид,
Дымит асфальт, приходит в город лето.
Пусть это всё мерцает и искрит —
Но у меня нужды нет больше в этом.

Пускай сияет как игрушка он,
Но был момент тобою проворонен,
И тех людей, кем город населён,
Я более равнять с собой не склонен.

Ну да, красив и тысячеголос,
И что ж, находки не часты такие.
Но я прошу, задай себе вопрос —
Зачем нам город в маленькой квартире?

Ничто не

Податливо слово, как мягкая глина —
Ничто не случайно, но всё поправимо.
И кроется в сердце упрямая тайна:
Пусть всё поправимо — ничто не случайно.

Ту глину упрочит нездешнее пламя —
Что было с другими, то было не с нами.
И в пламени явится маска богини —
Что с нами случилось, пройдёт и с другими.

Но маска меняется в зеркале строгом:
Что опыт не смог, то возьмётся наскоком.
И странное что-то отчаянно копит:
Что силой не вышло — получит лишь опыт.

И маска разбита стремлением стайным —
Не всё, что исправлено, было случайно.
И музыка льётся из ломаных клавиш:
Пусть всё и случайно — ничто не исправишь.

Я учусь

Мне хотелось бы в чём-то так преуспеть,
Чтоб никто меня не пресёк.
Я учусь под сон приукрасить смерть,
Я учусь знать о многом всё.

Я учусь наносить правильный надрез
Злым ножом по руке своей,
Я учусь видеть дерево там, где лес,
Чуять птицу среди камней.

Чтобы слышать тайное в звоне струн,
Обонять, что запрещено,
Знать предел, тот, что может измыслить ум,
Я учусь даже пить вино.

Я учусь чужой различать окрас
И предвидеть в системе сбой.
Я учусь обойтись без тебя хоть час
(то есть, в общем-то, быть тобой).

Просьба

Неловко рука к свежей ране прижата,
Все свечи задуты.
От станции старой до тёмного сада
Идти три минуты,

Но эта дорога покажется долгой,
Прерывисто-странной,
Тому, что поёт свои песни сорока,
Кто бредит нирваной.

От старых друзей до изысканных женщин,
От мысли к идее
Он думал – пора становиться порезче,
Пожётче и злее.

А вечер вползает торжественно-синий,
И ставка побита:
Я знаю, что ты умираешь, любимый,
Прошу, не шуми так.

Невидимка

Невидимке легко затеряться в толпе,
Невидимку не станет искать даже тень,
Скрыты губы, колени, дыхание, рост,
И его пронизает свет тысячи звёзд.
Он уверен в себе и доволен собой
И считает, что тайной теперь осиян,
От него нет отныне секретов и тайн
Ни на грязной земле, ни под мутной водой.

Он, должно быть, навеки теперь обречён
Видеть мир словно через систему окон:
Неподсуден молве, неподвластен уму,
Сам хозяин судьбе и ножу своему.
В одиночку на крыше он выпьет бордо...
Каждый верит, что стал бы таким же как он,
Только в честность его до скончанья времён
Всё равно ведь теперь не поверит никто.

Неземного металла руки (1)

Что ты слышишь в далёком звуке я хотел бы услышать тоже
Неземного металла руки по твоей заскользят коже
Собирайся иди на взлёт зона зримости станет чётче
Череп золото обовьёт и сапфирами станут очи
Не пугайся паденья нет но полёт завершить надо
Твои мышцы имеют цвет сока дикого винограда
Под тобою зелёный луг и на крыльях звенит налесь
Твоей радости тяжкий дух заставляет терять память
И в сознании и в бреду на поверхности в трубах в нишах
Я спасение я иду слышишь ты дорогая слышишь
А когда тебя принесёт ты висишь разжимая пальцы
Твоё тело покроев всё фантастически прочный панцирь

Достиженья больной науки как же ты здесь похорошела
Неземного металла руки обнимают моё тело
Я люблю драгоценный взгляд костезолото крылья мясо
О таких вот и говорят красносмугла туманноглаза

Колесо (2)

Медленно кружится старое колесо,
Время степенно вьётся – за пядью пядь.
...Она просыпается, слышит внезапный зов
И начинает тело своё менять.

Кости наполнены жидкостью золотой,
Руки сверкают, как колдовская ртуть.
Тело покроется ласковой чешуёй
И приготовится преодолеть путь.

Воздух становится твёрже и ледяней,
Крылья сверкают над травами, как гроза.
Тот, кто зовёт, обещает защиту ей,
Радость её он чувствует, прикрыв глаза.

Кожа шуршит, как потрескавшийся винил,
Кажется ей, что закончится всё вот-вот.
В самый последний миг, на пределе сил
В руки призвавшему радостно упадёт.

Брызнет на траву утренняя роса,
Капнет и серебра образует нить.
...Вскоре опять раздастся у колеса
Голос, которому силы нет возразить.

Зимородок

Дышит лес тугой прохладой,
Я брожу один.
Не пугает зверь лохматый,
Только странный сплин
Через сеть перегородок
Рвётся из груди.
Зимородок, зимородок,
Зиму мне роди.

Этот миг полночных бдений
Наугад мной взят,
И бежит как яд по вене
Яркой птицы взгляд.
Он совсем не так уж кроток –
Свысока, поди.
Зимородок, зимородок,
Зиму мне роди.

Пусть не для себя стараюсь,
А прошу за всех,
Как пройти мне этот ярус
Без глухих помех?
Звук порою так нечёток,
Цыканье часов...
Зимородок, зимородок,
Слышишь ли мой зов?

Инженер

Город дремлет вчетвертьглаза, запивая радость пивом,
Заново зима настала и опять всем верховодит.
Облетают с неба стразы, хороводятся игриво:
Это снежные кристаллы отражают свет в полете.

Он ни с кем не хочет встречи и кладёт бумаги в ранец,
Ищет путь свой среди кукол, очень медленно, в рапиде,
И приходит каждый вечер, кроме вторников и пятниц,
И садится в самый угол, чтобы никого не видеть.

Даже если будет ливень, он нахохлится, как аист,
И среди похмельных баек путь проложит, как дредноут,
Он так мал, что даже пива не положено покамест,
Но никто его не станет понапрасну беспокоить;

Среди гомона и хора, среди пафоса и грязи,
Он всегда найдёт дорогу и подаст свои сигналы,
Потому что этот город, эти люди, этот праздник,
Всё вращается по ходу им составленных *деталей*.

Он всегда стреляет метко, не промахивался в жизни,
В сторону ведя мизинец, замышляет снова что-то...
И рисует на салфетках схемы странных механизмов,
Ото всех скрывая принцип безупречной их работы.

Игра (апликация)

День за днём становлюсь свирепей,
Забывая свою корысть:
Карты розданы, брошен жребий,
Началась игра – ну, держись.

Пусть качнёт под ногой геоид,
Пусть давно я навеселе,
Воск свечей озерцом покроет
Деньги мятые – на столе.

Проиграю любовь и нежность,
Шум берёзовый, ветра зов.
Я, должно быть, кому-то брежусь
Под – разнузданный – гром часов.

Пусть раздача была курчава,
Но теперь – как младенец чист,
Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот – и веселый свист.

Путешествие наперегонки с поездом

Нам бы с тобою по шпалам – и вдаль,
Лица угрюмы, витает печаль,
Мяклая зелень и в ржавчине камень.
Перетерпеть бы поющую сталь,
Визг проводов, из окна магистраль,
Только, увы, это всё, как ни жаль,
Будет не с нами.

В час отправления, родная, прими
Все эти строки о нашей любви,
Все эти песни о мае.
Вот мы синхронно шагаем в пыли,
Вот товарняк салютует вдали,
Бросишь ты звёзды ли, золото ли –
Я не поймаю.

Закат разгорается, грязно-вишнёв,
Чувств больше нет, только несколько слов,
Дымка белеет, закончена пьеса.
Каяться в прошлом пусть каждый готов,
Чашу вины нацедить до краёв, –
Светят слабее огни поездов
Через завесу.

Камлай

Камлай, шаман, смотрите, люди
Как он поёт, моля о чуде,
Несётся вскачь, забыв усталость,
И ищет то, что потерялось.

Камлай, шаман, смотрите, люди
Как он стучит в волшебный бубен,
На то, удачна ли охота,
На то, как кто-то жрёт кого-то.

Камлай, шаман, смотрите, люди
Как снег слежался в грязный студень,
Как маски сбрасывают тени
И ждут больные исцеленья.

Камлай, шаман, дивитесь, люди,
На то, что было, есть и будет,
На вкусы, звуки, свет и запах,
На силу сильных, слабость слабых.

Лишь я один не шёл на праздник,
Не верю что-то в эти басни.
Но действия ход я не нарушу:
Камлай, шаман, ты так им нужен.

Натюрморт

Здесь кто-то был, но он ушёл, за горизонт уплыл кораблик,
На натюрморте старый стол, на скатерти десяток яблок.

И на стене он много лет висит как бабочка больная,
И падает неяркий свет, картины цветность изменяя.

Казалось бы – давай в рывок, ещё ведь есть к чему стремиться...
Зелёный бок и красный бок, и между ними серость ситца,

Не вовремя возникший страх и робость будущих свершений
Его удержат в тенетах, оставив красок только тени.

Художник знал, что натюрморт висеть не будет по музеям,
Его автограф полустёрт, рисунок в рамку криво вклеен,

Но я же вижу, в тишине, под шёпот, стоны, поцелуи,
Как он расчётливо вполне фотографически рисует.

Была ещё одна деталь – кораблик тонет у причала,
Я часто думаю – как жаль, что это в кадр не попало.

Предсмертная записка

Давно забыть бы всё это надо — глаза слезятся с любого блика:
Закат оттенка твоей помады, похожий профиль в толпе
безликой,

Невнятный голос, твердящий глухо, как без тебя все
осиротели,

Твои друзья на моих движухах, твои подруги в моей постели,
Твои капризы – их было столько, что не утратил поныне
хватки;

Твои нелепицы и подколки, твои помарки и опечатки.

Как ликовали, о счастье режась и в глубине находили что-то

Твоя безбрежная злая нежность, твоё дыхание сквозь дремоту.

Я вспоминаю твои укоры – и в сердце рыбок играет молодь,

И так надеюсь, что очень скоро тебя смогу я не просто
вспомнить.

Дар

Как на сказочной гравюре, улыбаясь и маня,
Ты явилась в шуме бури, средь внезапного огня,
Стать показывая ланью, элементов разных средь,
В электрическом мерцанье, заставляя кровь кипеть.
А кругом – ничто ночное, лишь кричит поодаль выпь,
Что случается такое – я не мог предположить,
Красотой своей дурманя, вся изящна, как эфес,
Подошла ко мне нагая и раздался глас с небес:

«Ты теперь царей богаче, свыше счастьем одарён,
Вот идёт твоя удача, шанс – один на миллион.
Вот тебе царица танца, вот любовь длиною в жизнь,
Ты просил – и вот дождался. Получи и распишись.»

Доля эта – ты за что мне? Как могу я быть с тобой,
Ослеплён сверканьем молний, оглушён взрывной волной?

Трудности перевода

Обернулась мечта гиньолем,
Недосказанным виснет что-то,
Я не просто тебя не понял,
Это – трудности перевода,

Заберёшься ли ты повыше
И оттуда мне строишь корчи –
Я не просто тебя не слышу,
А ещё и включу погромче.

Я не просто тебя не вижу,
А ещё и в другой Вселенной,
От других я давно завишу
И других полководцев пленный,

Погружаюсь в другую бездну,
Устремляюсь к иному раю...

Но лишь стоит тебе исчезнуть –
И я сразу воспринимаю.

Вера

Это как брызги крови на месяце
В форме вялых цветков хризантем,
Будто чем-то случилось порезаться,
Только вот непонятно, чем,

Это как стоп-сигнал параноику,
Как внезапная злая нужда,
Словно птица царапнула по уху
И летит непонятно куда,

Как прогулка по самому краешку,
Как пробежка к началу начал,
Словно чьи-то слова вспоминаешь ты,
На которые не отвечал.

Как усмешка, что в зеркало впаяна,
Как отчаянье – я не шучу,

Заглянуть за пределы нечаянно
И монетку подать скрипачу.

Заводной мир

Ты поставил цель — познать изнанку фраз,
Что горят карминовым в священных книгах,
Их всю жизнь читал, но каждый раз
Ничего вокруг не видел.

На краю увидел цепи передач,
Гвоздики стальные, шестерёнки неба.
Слышал запредельный птичий плач —
Ни минуты счастлив не был.

Тайна обнажилась на пределе сил,
По пластинкам молоточки бьют так гулко!
Всё, что в жизни видел и любил —
Музыкальная шкатулка.

Разобрав секрет, услышишь только тишь,
Бесполезны крики и слова, отныне
Правдой никого не удивишь —
Люди тоже заводные.

Раньше просто этого не замечал,
А теперь в ушах не заглушить крещендо:
Лишь услышав звон первоначал,
Понял, что разбил легенду.

За пределом — ничего нет впереди,
Тело рефлекторно в знак вопроса скрючив,
Извлекаешь сердце из груди,
Устанавливаешь ключик.

Только после этого вопросов нет,
Их и ставить нечем — ум ремонтом занят.
Ты теперь — надёжный элемент
В обустройстве мироздания.

Дельфины

Наша симпатия объяснима,
Откуда ещё бедным чувствам браться,
Танцуем у берега вместе и тем горды.

Мы с тобой — словно два дельфина:
Люди любят мокрой грацией,
Лишь когда мы выпрыгиваем из родной среды,

Странной влекомы жаждой,
Без ругани и истерик,
Кляtv на коленях и расставаний слёзных.

Но в глубине души каждый
Ждёт, что выбросимся на берег,
Жадно хватая ртом такой бесполезный воздух.

Память

Смотрящий вертикально вниз,
узорчатой играя кожей,
твой совершенный механизм
сломать себя, увы, не сможет,

он запускает буриме,
ждёт результатов терпеливо,
и обречён блуждать во тьме
(не слишком дивного, но) мира.

Его повадка всё странней
(воспоминания так липки!) —
картины отступивших дней
не требуют оперативки.

Но видишь — катится слеза,
и взгляд с оси невольно съехал,
забыв, что много лет назад
стучало сердце под доспехом.

Вдохновение

К чему корпеть в объятьях музыки,
Которой пошлости шептал?
В плену у тягостных иллюзий
Ты свой отыщешь идеал.

Его обличья так капризны! —
Кристалл, рисунки, переплёт.
Но свет сквозь грани этой призмы
Непреломлённым — не пройдёт.

И ты страдаешь от мигрени,
Пытаясь развернуться вспять...
Самообман калечит время,
А правды неоткуда взять.

Но вот на призму бросит солнце
Свой взгляд, обман переборов —
И тонкий луч вдруг распадётся
На сотни сказочных цветов.

Картина

Паутину ночь соткала, бесполезны все слова,
В алом бархате бокала свет затеплится едва.
Надрывается валторна, вновь напьёшься допьяна,
Я безмолвна и покорна, в твой пейзаж заключена.

Опроверг извечный принцип, разум вынул из теней,
Смерть — лишь повод не смириться; твой талант стократ
сильней.
Но намеренья благие призрак слушать не хотел:
Тело брренное в могиле, душу заперли в холсте.

Здесь годами — то же солнце, те же горы и тропа,
И ничто не шелохнётся. Перспектива так скупа!
Этот мир карикатурен, а ведь мог бы взять любой,
Средь багрянца и лазури я врисована тобой.

Не споёт тебе осанну образ кроткий и немой,
Был возлюбленным, желанным, а теперь — мучитель мой.
Пытку вечную отрину — не для нас земная твердь,
Я прошу, сожги картину. Разреши мне умереть.

Персонаж сбежал из книги

Персонаж мой, ты уехал,
Ход интриги строг.
Ищешь, что ли, человека
Где-то между строк?
Фонарём в толпе безлюдной
Больше не свети!
Продолжения не будет:
Здесь — конец пути.

Обрывается дорожка,
Мостик к чудесам,
Верю: ты, вполне возможно,
Взялся сделать сам.
Заготовка брызжет стружкой,
Расшифрован знак:
Продолжения не нужно —
Мысль и так ясна.

Что тебе тропинка к раю?
Молча пролистай.
Возвращайся! Обещаю:
Меньше станет тайн,
Замысел раскрою честно,
Пыль стряхну с манжет...
Продолжению нет места —
Завершён сюжет.

Мир туманов

Нынче утром планету зальёт молоко,
И — вслепую — уже не уйти далеко,
Но пока ещё пишутся несколько строк
И звучит полновесная fuga:
Я в тумане едва ли смогу разглядеть
Очертанья любимой, внезапную смерть,
Увядающий от невниманья цветок,
Руку сильную верного друга.

Вот бреду, одинок, зауряден и хмур,
Пронизаемый моросью тысячи утр,
Щиплет горло туманная белая взвесь
И надсадно дерёт хуже стали:
Я в тумане таком различу лишь в упор
Самый яркий тобой разведённый костёр,
Да и то — говорю напрямую, как есть —
У него сяду греться едва ли.

Избежать тороплюсь треволнений дневных,
Шум людской за спиной наконец-то затих,
Ощущаю таких же смутьянов разброс,
Луч в тумане сквозит перламутром:
Я в тумане таком, что немеют глаза,
Но всей власти его — лишь ещё полчаса,
А потом его сгонит жар множества солнц,
И слепое закончится утро.

Осеннее-2016

Описать эту осень — довольно и нескольких строк:
Облака прикрывают небес самолётные двери.
Рассекает речушку холодного света клинок,
Заодно отрезая последние листья с деревьев.

Саундтрек её — звуки простых фонотек:
Песни плачущих рельс, настроение мокрых историй.
...Солнце, вяло за город сползая, не трогает снег,
Обратится он в месиво словно бы собственной волей.

Тишина

Тишина обрушилась. Занавес упал.
Может, это к лучшему?
Глушится сигнал
в дымке фиолетовой — нет, не услышать.
Потерялись где-то
компас и тетрадь.
Гласные, согласные — больше не слышны,
и никакими лекарствами
не перебить тишины.
Рушатся размеры.
Строка теряет вес.
А ты теряешь веру,
молиться не можешь — голос исчез.
Не звучат аккордами
ни птицы, ни человеческие шумы, ни морской прибой.
Всё отныне мёртвое.
Даже мы с тобой.

Сидишь на взлётной полосе,
в глазах восторг неизъяснимый:
когда умолкнут все —
песни зазвучат с новой силой,
опять зазвучат с новой силой.

Географическое

никто не любит люберцы вот так же и с тобой
ни с чем и не рифмуются их пишут вразной
охотнику и воину там светит лишь беда
и было бы по-моему не жил там никогда

не раскрутить нам лопасти не взять последний бой
не перепрыгнуть пропасти меж ними и москвой
и если в виде деревца посмертный длить полёт
мой дух там не удержится в нирвану перейдёт*

без цели виноватого мы образом сразим
здесь люди видят радугу лишь в луже где бензин
а зазевался вот они ты нож с собой возьми
бездомные животные здесь борются с людьми

никто не любит люберцы вот так же и с тобой
смеются и ликуются а взгляд-то ледяной
как будто среди улицы ты льёшь им сладкий яд
никто не любит люберцы но вот они стоят

* Или: то мне уже не верится что это всё пройдёт

Арена

В бою неугомонен и ершист,
А зрители всегда тому и рады.
Моя арена — это чистый лист,
Где я дерусь за рифмы против правды,
Карандашом ломаю кости ей
Сквозь глупый ямб и простенький хорей.

Лишь чуть зевну — и лекаря готовь:
Процесс восстановления — очень долгий.
Она мне часто проливает кровь
Язвительной читательской подколкой,
И может даже выпустить кишки:
Её удары хлётки и жестки.

Мой арсенал — почтенный алфавит,
Которому износа, в общем, нету.
Мечтает правда череп проломить
Заносчивому выскочке-поэту,
С клинком танцует, сокращает речь...
Мозг от неё мне надобно сберечь.

Читателю потребен боевик,
Где мы с врагом убили бы друг друга,
Но шаг такой — ничьей равновелик,
Сражаться вечно — в этом и наука,
Не волен я окончить этот бой:
В её лице играю и с тобой.

Когда умолкнут все песни

Откройся, блесни, воскресни,
Рукой помаши с балкона.
Когда замолчат все песни —
Утихнет и стон любовный.

Проводим его сурово,
Случайности вновь отбросим.
Когда состоится слово —
Мы станем открыты прозе.

Под сенью поникших веток
Признаньем меня прикончи.
Когда онемееет ветер —
Все шёпоты станут громче.

Твой дух — заводной, бунтарский,
Мой — мышь в непризорном храме.
Когда воплотится ласка,
Мы будем любить стихами.

А время несётся шустро,
Ломая преграды слепо.
Когда завершится чувство —
Пусть кто-то споёт об этом.

Форсайт без Э

Ты недоверием уколешь
Экспертов всех — и поделом:
Кого ни спрашивай — всего лишь
Набор старинных аксиом.

Где мировой архитектоник?
Не отыскать, хоть поседей.
А в этих скрюченных ладонях —
Судьба планеты и людей.

И грудь его не сдержит смеха,
Наивной радостью полна,
И отдаёт команды эхо,
А исполняет — тишина.

Лишь ты, стремительная блошка,
Приметы видишь в галдеже...

Найти его не так уж сложно,
Но не торопись уже.

Не поменяться бы местами!
Ведь он, обиды не тая,
Любые тайны пронизает,
А стало быть — и про тебя:

И о подброшенном несчастье,
И о свидетельствах чудес,
И что ты думаешь напрасно:
«Весь этот мир — всего лишь текст».

Вышитый сонет

Пейзаж далёкий вышит серебром —
Импровизация скупого подмастерья,
Здесь звёзды и холмы со всех сторон,
И белые растрёпанные перья

К земле стремятся, лишь раздастся гром,
А та молчит, от ужаса пестрея,
И вот — спешат достичь её скорее,
Прилечь в подоле затхлом и сыром.

Куда ни гляну — всё вокруг мертво,
Но чувствуется смутное родство
Секретного — и что укрыла штора:

Обложка света рвётся, тонкоко́ра,
Я так хочу прошить себя в него —
Но нить, боюсь, не выдержит повтора.

кульминация

припомню гибкий силуэт
в нелепом выведенный шарже
где нам с тобой так мало лет
я и один сейчас постарше

стал слишком тесен горизонт
а удовольствия доступны
могло бы стать наоборот
но испытания фортуны

нас наклоняли строго вниз
неосторожно и некстати
и мы с тобой перенеслись
в грядущее на автомате

не разбирая где беда
кому о ней напоминали
и для чего нужны тогда
все эти выстрелы в финале

Нелеталочка

Нелеталочка не летает,
Эти крылья – для красоты,
Тело сделано не из стали,
А из глупостей завитых;
На земле только идеально,
И не ищет другой судьбы –
В небе сразу оно растает,
Распадётся на сор и пыль.

Нелеталочка не летальна,
Эта сила – не для убийств,
Покорится любая тайна,
Ляжет каждый пред нею ниц:
Ведь она так монументальна,
Что отложенный бенефис
После сорок второго тайма
Собирает одних лишь птиц.

Автор

То, что ты пишешь –
скорее хобби, чем ремесло,
мысли ершистые в брызгах янтарной краски:
заняты ниши
теми, кому светло,
а для тебя – всё тьма и язык арабский.

Да и смеются: «неужто опять влюблён?».
Разве двоим
что-то нужно извне
в пустыне?
Ведь разобрать не можешь чужих письмён,
да и свои
спустя несколько дней
остынут.

Морщатся знаки, страницы теряют вес,
этим словам недолго
прождать раскола.
Как-то ты сам задумался – и исчез,
под фейерверк осколков
играя соло.

Две страницы письмецо

респондент был образцов
способ соблюдён
две страницы письмецо
вымыто дождём

посреди знакомых букв
провернулась ось
клякса клякса цвет потух
залито насквозь

пусть была рука тверда
да настрой фальшив
там три четверти вода
выжми и суши

вот и кончился обман
мысли затая
ты читаешь по складам:
«Вам пишу не я».

варшава

не ожидал, что он молнией подло набросится,
раунд седьмой неожиданно вышел тяжёлым,
ты ощущаешь удар головой в переносицу —
тело мгновенно теряет сцепление с полом,

словно под воду уходишь, зрачки расширяются,
зрителей вопли, на ринге лежит полотенце...
пальцами щупаешь дырки предвечного хаоса —
это варшава, удар против всяких конвенций,

сразу нокаут, противник фарфоровой челюстью
в камеры светит и вызов бросает кому-то.
ты от софитов ослеп, да и память ячеиста,
плоть на лице расслоилась больным перламутром.

ну и башка! да уж лучше — ножом или палицей!
надо бы бой, что случился напорист и страшен,
пересмотреть, чтобы больше уже не подставиться.
ты улыбаешься, вспомнив про пункт о реванше.

Перстень

Вдруг перстень разбился, что ты подарила когда-то,
оправа покрылась узором тонюсеньких трещин –
и лопнула.

Камень отныне свободен,
глядит виновато
(а раньше подмигивал искрой зелёной зловеще),
так сорвана пломба,
письмо не нашло адресата,
светило рассыпалось блёстками в сером восходе
и еле виднеется в щели калечного ромба
когда-то надёжная, ныне же ложная формула.

Меня экзерсиса такого атака почти не задела:
пусть перстень разбился, но кости пока ещё целы.
Налью-ка вина... лучше – виски с оттенками торфа,
и буду тебя вспоминать, как увиделись – мёртвой.

Перцем и солью

Память булавками к рамке пришилаю
(просится, что ли?) –
Живём, не болеем;
Мы побеждали с тобой энтропию
Перцем и солью,
Бумагой и клеем.

Некогда было встречаться и мешкать,
Хищной стихии оставив лишь петли,
Пятнами лакмуса ставили вешки
(вот почему половина – бесцветны).

Замысел чудный открыть поспешили,
Но удивить никого не сумели:
Даже в деталях небесной машины –
Липкость вульгарной вполне карамели.

Помнишь слова на обложке журнала:
«Их монополия –
Мысли десница»?
Нас энтропия с тобой побеждала
Тем, что позволила
Объединиться.

Гефест

молотом злобно железо ударь
ну да результат не ахти
а где-то припрятан волшебный фонарь
человека бы с ним найти

пусть имеешь уровень в ремесле
годы практик десятки школ
но соперница скалится не болей
взгляд небесный с рассудка свёл

рвёшься к телу девы лишь возмутив
от эмоций сбоят прицел
а когда-нибудь этот абьюзный миф
станет главным что ты сумел

и чего добился не проведя
ведь всё так же на ней замок
не носила ни часа твоё дитя
в землю бросила той не впрок

ты потеряешь остаток ума
в цветочных глазах голубых
но она появилась на свет сама
из расколотой головы

так что железку теперь отоварь
она много проще внутри
а вспомнишь где спрятал волшебный фонарь
кому-нибудь передари

Ностальгия

ни конфликта ни сюжета вроде
что-то мимо движется босое
призрак детства трудноразличим
бороду в кулак и сам на взводе
даже без особенных причин

что-то вдруг свернулось расколосось
видно очень хочется на волю
вряд ли это кончится добром
но слабеет твой знакомый голос
так немеет самый страшный гром

заряди как водится по краю
где следы уложены рядами
где дорожка заросла плющом
я тебя как прежде наблюдаю
я тобой всё так же восхищён

Бухта мечты

Стайка баркасов в морской амальгаме,
Пряничный город в полуденном зное...
На побережье обилие зданий —
Можно подумать, приливом не смоем.

Вся красота — для единого взгляда,
Лишь отвернёшься — осыпется тут же...
Только твой выбор — вертеться не надо,
Щуришься в море с оставшейся суши.

Пусть население будет спокойно,
Пусть статус-кво сохранится веками:
Башню не сточат упрямые волны,
Храма фундамент болотом не станет.

Люди не будут бездомны и сиры,
В лучшее вера не будет задута,
Если творец в новосозданном мире
Лично следит за продлением чуда.

Побег

десять промилле не менее
кнопка под сердцем нажата
жаль что тебе направление
дал амстердам навигатор

жаль что ты движешься к области
в самом обычном расстройстве
люди здесь очень мозолисты
выжить здесь очень непросто

но до последнего атома
вдруг проникаешься престо
не возвращаешься затемно
пишет заявку невеста

та что ты думаешь бросила
чьи эсэмэски читал ты

в этой напудренной осени
часто подводят цитаты

вдруг да найдёт тебя с песнями
в лапках какой-нибудь пилснер

это друзья мои местные
это тамара женился

миг и сомненья расколются
следствия замысловаты
следуй за внутренним голосом
но не испытывай правды

Инженю-2

называй меня инженерю
я привычке не изменю
десять маленьких лет десять злых побед
и одна до сих пор в строю

называй меня ясный свет
если слов интересней нет
среди серых теней помечтай о ней
той которой не прыгнул вслед

называй меня нет верней
потерпи сорок тысяч дней
пропусти-ка этап ты ведь нынче слаб
только сердцем деревеней

называй меня леди-вамп
нет меня не смущает штамп
да и что разглядишь озорной малыш
в мутном отблеске битых ламп

называй меня быстрый стриж
прогоняй меня криком кыш
я одна на краю на тебя смотрю
с высоты полинялых крыш

Крылья

Ни тишина, ни мысль, ни мгла,
ни пребыванье в хитрых позах
не вознесут твои крыла
в такой желанный тёплый воздух,
в лопатках не подарят хруст —
прижмут к земле, немало веся:
бессмысленны продукты чувств
для (даже слабого, но) сердца.
Хотя казалось – увлекли
(и этот промах характерен), —
не оторвавшись от земли,
неси с достоинством потери.

Неси с достоинством свои
грехи и груз дешёвой кармы,
а атмосферные слои
не стоит представлять плацдармом:
там место лишь для голубей,
забудь про старенькое фото —
и осознаешь, что тебе
гораздо лучше без полёта.

Громоотвод

Дырявит небо тело моё голое,
шпиль в высоту нечаянно проник.
Я – громоотвод. В меня бьют молнии,
не прерываясь ни на миг.

Я ловлю за косы беглых тружениц,
их заряды в землю приведу.
Что в меня попасть не удосужилась –
принесёт беду.

Их огонь на миг сверкнёт оранжевым,
перед тем как кончится балет,
но меня, увы, никто не спрашивал,
по душе работа – или нет.

Вы порабощеньем обесценили,
но дождётесь: раскручу прашу:
ждёте не такого поведения –
парочку красавиц отпущу.

Полёт

Не умея летать, одолжился у книг,
Ненадолго хватило — поскольку
Это небо моим стало только на миг,
А потом — разлетелось в осколки.

Вхолостую теперь загребают винты,
На язык кто-то капнул алоэ.
Остаюсь одинок посреди пустоты,
Где когда-то казалось: нас двое.

Завершится крушением быстрый полёт,
Вечной станет случайная ссора,
Я надеюсь, ошибки смерть перечеркнёт,
И уверен: она уже скоро.

Вспоминаю улыбку и нежность волос,
Представляю, как мы уступаем...
Буду рад, если боль, что пронзила насквозь,
И тебя зацепила — хоть краем.

Потеря

слепонемому детализовал
мне очерчен мизерный ареал
наступает утро чужих побед
и билет потеряян туда где свет

словно ветер подлый с собой унёс
отблески зари и дыханье звёзд
тысячи попыток да всё не так
в хороводе солнц вижу только мрак

а любовь твоя мне как грязный шёлк
как червяк откормленный средь кишок
как змея прозрачная средь камней
только всё равно я нуждаюсь в ней

вроде всё потеряно ну и что ж
мне от жизни прошлой остался нож
свет смогу увидеть хотя бы раз
если надавлю остриём на глаз

Сонет толмача

Тане

Кто *переводит* – движется вперёд,
Биенье пульса отражает прода,
И только с высоты, вполоборота
За ним с луны следит валяжный кот,

А может, кошка – кто их разберёт?
Вникать в нюансы – право, неохота,
Ведь ясно главное – что «с», а не «из-под»,
В зрачках блистая отблеском чего-то.

А он – сверкает веткой между вод,
Усталый, но исполнивший – и вот
Она уже в прыжке, ширококрота;

Лишь миг один владеет им дремота –
И кошка лунная внезапно оборвёт
Жизнь голубя в пространстве перевода.

Платформа 9 2/4

Если мир отпустить не может тебя ревнивый,
если тоска закатом легла на плечи,
то однажды (вечер)
явится перед тобой (а для прочих пройдёт незримой)
платформа девять с половиной –
промежуточная станция между конечной
и бесконечной.

Запахи солидола, мочи, тумана,
резкий свисток разрывает морозный воздух.
Здесь от стихов безопасно (и это странно) –
не выживают, и мир нарисован прозой,
и не посмотрит косо
ни алкоголик, ни резаная пугана,

просто явись с повинной,
будешь всегда здоровым,
невыездной, да зато с непробитой грудью,
скучно, но боль отступит;
платформа девять с половиной –
опорный пункт тех, кому не даётся слово.

Девять – две четверти (так слегонца точнее),
здесь остаются люди навеки теми,
кто осознал всю несносность версификаций.
Ну же, залезь в свой панцирь,
и в ритме колёс по шпалам
сразу поймёшь: отказу быть стоит в малом.

Как поют о стали

Отраженье глаз твоих на лезвии ножа;
Наручники, зажавшие ток крови на запястьях.
Что же ты, мой миленький, плакал и визжал,
Музыку небес нещадно застя?

Разлилось по облаку пальцев серебро,
Ртуть небес дрожит на антресолях.
Что ты беспокоишься, вздыхаешь тяжело,
Чем ты тяготишься — *морок, что ли?*

Не сказать, что взяли тебя сразу наповал,
Сил я как всегда немало трачу.
И пою о стали — этот ласковый металл
Сильно упрощает мне задачу.

Полно, ещё сыщется в блеске забытьё,
Обживай пока в покое ложе;
Перестанешь золото воспевать своё,
Привыкая к ценности надёжной.

Демиургический сонет

Оставлены, сосчитаны — и вот
Вморожен дух в пучину вешних вод,
Незрим, неосязаем, недоступен,
Случайности узнавший наперёд,
Которого собою мы искупим
На радость небесам, на пользу людям.

(ещё в ходу не были зеркала;
лишь раз сказал — и магия ушла)

Всё ждём, пока растает этот лёд,
Воспрянет, избавляясь от тенёт,
Творец, способный всё исправить делом,

Над пропастью сбивая птицу влёт,
И на границе зрения шмыгнёт
Сиреневая ящерка на белом.

Равновесие

— Твой клинок давно не покидает ножен,
Кажется, что в прошлое возврат возможен,
Но дрожит рука, и не осилить сторно,
Всех твоих цветов лишь — голубой да чёрный.

Молнии сверкали в отблесках пожара,
А тебя лишь только мысль вооружала:
Точка приложения твоих усилий —
Там, где два плюща один забор обвили.

На лице суровый отпечаток ветра,
Ведомо про душу, что она инертна;
После стольких лет забудет и остынет,
Не нужна, конечно, ей твоя святыня.

— Только эхо образа услышат в гимне,
То, что было голос — стало просто имя,
Но печать спокойствия я не нарушу,
А клинок карает, не просясь наружу.

Убеждение

Носом своим курносый взгляд задурманив мне,
Ты говорила, осень песни поёт весне,
Стоит искать спасенья в ловушке разверзстых снов —
Знаешь, а я не уверен, что этот мир таков.

Мир — он не полосатый, сложнее, чем был описан,
Он с ароматом мяты (и нотками барбариса),
Плюшевый он на ощупь, вкус его - кисло-сладкий,
Можно, чего уж проще, его разрешить загадки.

Мир — он седой, но глупый, много ума не нажил...
Ты мне внимала. Губы дрожали, казалось, даже.
Щёки свои морщина, взгляд свой наивный кисля —
Рушилась вся картина, что ты смогла измыслить.

Вот я отставил чашку. «Надо идти к семье.»
Крылья давно под рубашкой спину натёрли мне.
Дело закончил вроде. Род ваш на сказки падох.

Вышел — и чирк в блокноте: «Минус одна. Порядок».

Татарник

Нике

В небе месяц висел,
И извилисты
Знаки планет.

Не такая как все,
Напросилась ты
На комплимент.

Я смотрю иронично —
Всё тянется наш тет-а-тет,
Обнадёженный втайне.

А твоя симпатичность —
Родная сестра красоте,
Словно астре - татарник.

Настроения нет —
Видел вас таких я
Столько...

Из таких не устроить букет —
Симпатичный сорняк,
Да и только.

Воздух ясен и чист...
И садятся вокруг
Пчёлки

На приспущенный лист,
На пушистый цветок
Колкий.

Кариатида (гриптих)

1.

Я ожидаю твой ответ,
Не видя солнца —
Одной надеждой я согрет
И сердце рвётся.
А ты в молчании пустом
Ушла из вида,
И подпирает твой балкон
Кариатида.
Не промелькнёт твой силуэт
В оконной раме,
И где искать теперь твой след?
Скажи мне, камень!
Мои желания чисты,
Лишён покоя,
Твоё лицо, твои черты
Я вечно помню.

2.

Любимый, разум искушён,
А взгляд твой странен —
Целуешь ты, кривя лицо,
Холодный камень.
Дождя холодная струя
Течёт по коже.
И что с того, что на меня
Она похожа?
Мой силуэт всего лишь час
Не мог ты видеть,
Огонь, я вижу, твой угас
И я сердита.
Осталось что-то позади,
Я дверь закрою.
Ты не дождёшься. Уходи.
Мне дай покоя.

3.

Ты впал в лихое забытьё,
Но не печалься.
Со мною рядом ждал её —
И не дождался.
А вот меня разбередил
Своею силой,
Отбрось условности, приди
Ко мне, любимый.
Средь этих плит и изразцов
Я буду третьей,
Пока не сточат мне лицо
Дожди и ветер.
Меняйся, алча ласк моих,
Со мной местами —
И буду я тебя любить,
Как любит камень.

Песенка демиурга

Помечу обиду блестящей звездой драгоценной,
Учуяла что-то на близкой орбите антенна.
Смотри, заполняется эта доска постепенно,
И тонкий лучик собой разгоняет мрак.
Что может за тайны хранить в себе глубь Вселенной?
Я все их готов обменять на ответный шаг!

Ты ранил меня — в суете, без желанья, в споре,
И сразу выиграло мутное, с бою злое,
Обиды мои и желание мести втрое
Росли, как с горы катящийся снежный шар.
За весь Млечный путь, что здесь накопился вскоре,
Мной брошен в уплату всего-то один квазар.

А после — стираю. Закончено это дело,
И чуть покружив, вновь Вселенная затвердела
И стала чиста. А пространство осталось цело,
И снова готово к работе своей всерьёз.
Ты видишь, мой милый: беру я кусочек мела
И ставлю первую в новой плеяде звёзд.

Голограмма

Была потеря так невелика,
Что ты её и не заметил сразу.
На белом поле – три шальных цветка
Глядят на мир, как три опухших глаза.

Не торопись, минуточку постой,
И пусть твои движения неловки,
Склонись над ними рыжей головой –
Увидишь божью родинку коровки.

Прощальным взглядом красоту окинь,
Они тонки и чуточку курчавы.
Когда-то здесь ещё кипела жизнь,
Цвели цветы, всю шумели травы,

А ныне – только вязкий серый ил,
И чья-то рядом смутная гримаса.
Я их тебе на пять секунд явил,
На этот взгляд, чтоб с ними попрощаться.

Актриса

Не позволит занавес увидеть цель,
Ты, мой зритель, так близок – и так далёк.
Говорят, это здорово – бабочка на лице,
Говорят, насекомые – вообще мой конёк.

Я сыграю вам фобию, скуку, печаль,
Хоть рыбацкую сеть, хоть монгольскую степь.
Только вот лицо моё, как ни жаль,
Всё равно не сможете разглядеть.

Я играю, хмельная, как с квартиры сабли,
В бутафорских царапинах и позолоте...
Если б только вы видеть снаружи могли
Её длинные острые цепкие когти!

Мумия

Вы отыскали в червивом меня саркофаге,
Только для вас не будет пути назад.
Из-под вуали, скрывающей чьи-то страхи,
Смотрят на мир нарисованные глаза.

Я возлежу на цветах, как слепая невеста,
Свет на моём лице непривычно-льстив.
Тот, кто увидел взгляд мой, едва ли с места
Сможет отныне волей своей сойти.

Остановитесь, ведите себя потише,
Не нарушайте мгновений привычный строй.
Просто поймите: пусть я вас не увижу,
Девушке быть не пристало всегда одной.

Юной поэтессе

Твои слова мне в жизни как маяк,
Величина, нечаянная милость.
Я слышал о тебе в вечерних новостях,
Там говорили, ты переродилась.

Там говорили, стала ты другой,
Твои черты кривят другие чувства,
И ждёт тебя не свет, а лишь покой,
Ты говоришь письмом, а пишешь устно.

И новость эта многим – как вино,
Как средь зимы – нечаянное лето,
Но мне, к тебе влекомому давно,
Нет дела до каких-то сантиментов.

Пусть бы всё и вправду было так –
Я не сверну с намеченного курса.

Твои слова мне в жизни как маяк –
Я сделал всё, чтоб с ними не столкнуться.

Взгляд сверху

Что ты задумалась? Ну же, давай, скажи, что за печали опять твои мысли заняли. Видишь: опять на солнце летят стрижи, чтобы вернуться на землю кусками пламени. Будь ты задумчива, вяла, мила, строга, мы – персонажи увиденной кем-то хроники. Слышала: к нам приближается ураган, и обещали не меньше двухсот покойников. Можем и мы угодить под девятый вал, и ликвидируют нас без сомнений жалости. Впрочем, гарантий с тобой нам никто не дал, что смоделируют лучшую из реальностей. Хватит же хмуриться, попу свою поднимай, вооружайся наганом, гранатой, вилами. Кто мог подумать, что наш персональный рай – это местечко, где всем управляет насилие? С каждой секунды жизни положено нам хмелеть, мы поневоле общинники и флегматики; здесь безо всяких причин торжествует смерть, то есть всё вечно в какой-то чумной динамике. Наш гуманизм, как считается, в чём-то гнил, в чём-то виновен – в возмездности и унылости, наши тела так манящи для высших сил, что шансов нет им состариться – даже вырасти. Только никто из бывших здесь не воскрес, все положили в итоге шальные головы.

Видно, пока не посмотришь на мир с небес, сложно признаться, насколько всё это здорово.

Небо в пятнах

Раскачало-повело, не осталось мыслей вмятых,
Некто выглянул в окно и увидел небо в пятнах,

И у них особый цвет, он с обычными неласков,
Словно вся земля-мольберт, и на ней такие краски.

Неожидан этот ход для людей на всей планете,
Некто думает: «Ну вот, что теперь мне делать с этим,

С кем расти, кого любить, что считать себе примером,
Что теперь надёжный щит, для чего годится вера?»

Все тревожатся, узнав и узрев такие вещи —
Некто, в общем, в чём-то прав: мир действительно изменчив.

Если всё пошло вразрез с тем, что видимо глазами,
То для этих ли небес вся система наших знаний?

Не понятно ничего, бесполезен весь анализ,
Вот явилось — а его предсказать и не пытались.

Некто видит, что просчёт этот выглядит нелепо —
На работу он идёт — в землю взгляд, а не на небо.

Просьба

Вы с безмолвием сёстры —
Расскажи, не молчи,
Про серебряный остров
И кораблик в ночи,
Про столетия в браке,
Про невест взаперти,
Про невнятные знаки
Непростого пути.
Как аккордами блюза
Электрический ток,
Пусть слова твои льются,
Между пальцев песок.
Нас отвадило небо,
Мы не чуем весны,
Здесь темно и нелепо,
И слова не слышны.
Пусть слепы наши души,
Пусть не слышишь ты нас,

Нам так хочется слушать
Хоть какой-то рассказ.

Встречу тебя в пустыне

Видеть меня ты можешь призраком смутным ныне
В час, когда ночь наступит, солнце переборов.
Сердце твоё остыло — встречу тебя в пустыне,
Воин, возьми в дорогу пару моих цветов.

Руки мои как ветви, кожа моя как камень,
Встретив ещё когда-то, даже при свете дня,
Ты меня не узнаешь, скачешь в глухие дали,
Что же, пусть будет ровным шаг твоего коня.

Вместо молитв и зелий, вместо любых алхимий,
Где можно слышать сердце под удальством твоим,
Там, где сокрыт незримо локон волос любимой,
Пусть лежит мой подарок, со стороны незрим.

Путь непростым будет, цель же твоя двулица,
И оттого букеты я раздаю юнцам —
Нашей земли частица, чтобы с пути не сбиться,
А от клинка и яда ты уж спасайся сам.

Притворство

Быть я могу любой, только скажи. Разной,
И от того обидна шалость твоя вдвойне.
Дай поиграть в это. Что ты меня дразнишь?
Что тебе в том, что так нужно одной лишь мне?

Время давно прекратить эту игру павлинью,
Я с тобой посчитаюсь, форменным наглецом.
Что же ты издеваешься — дразнишь чужой жизнью,
Разве не видишь — маска моё сожрала лицо.

Разве не видишь — чувства брошены все в уплату,
Всё моё окруженье — эта сплошная синь.
Что ты услышать хочешь? Нечем мне даже плакать,
Дай, я прошу, поиграться хотя бы в чужую жизнь!

Ночной цветок

Ты не топтал бы ногами меня босыми,
Я без того лунным светом раздражена.
Рядом со мной в тумане что ты увидишь, милый,
Только вдали толпою шумно растёт трава.

Тянет к луне лепестки сквозь прохладу ночи,
Листья мои изгибчивы и свежи.
Я лишь цветок, но тому, кто меня растопчет,
Вряд ли от этого будет терпимей жить.

Впрочем, меня обидеть — нет у тебя той силы,
Ты наступи, попробуй — это мне нипочём.
Жизнь скоротечна, милый, сделать её терпимой
Можем мы только сами, став в этой тьме лучом.

Края деталей

В твоём обличе ныне значимы
Детали две — и их края:
На лбу — венок из одуванчиков,
На пальцах — кровь, но не твоя.

Венок сплетён рукою нежною
И в дар тебе преподнесён,
Она была чуть-чуть рассержена
Попавшим средь цветов червём.

На вас двоих — одно зачатие,
Одно сердечное тепло.
Ты смог добыть венок и взгляд её,
А вот ему не повезло.

А где-то там, простоволосая,
Не отвлекаясь никогда,
Метёт судьбу своими косами
Твоя счастливая звезда.

Стихотворение про смерть для чтения не вслух

Где увижу своё – там возьму. Делать вещи своими умею.
Все мы ляжем один к одному: червь к червю, змей к змею.

Только немногим брать время взаём в мире дано втихомолку,
Так и стремимся в стремленьи своём – лис к лису, волк к волку.

Я твоё имя ещё назову – время настанет прощаться,
Распределится исполненный звук песнь к песне, станс к стансу.

Мы приплыли к другим берегам, и теперь зашагаем вразбивку,
Может, столкнёмся когда-нибудь там: нос к носу, лик к лику.

Безразлично, что где-то сейчас, под присмотром хвостатой
кометы,
Кто-то сидит и кладёт свой пасьянс – жизнь к жизни, смерть к
смерти.

Снова знак путеводный исчез, всё становится глухо и дико,
И звучит под покровом небес стон к стону, крик к крику.

Ведь охвачены мы забытьём, вечно будет итог неведом,
Много раз этой дорогой пройдем. Шаг к шагу, след к следу.

Художник

Допустим, есть несложная система:
Два зеркала, смычок, вишнёвый сок,
Изображенье лисьего тотема,
Черты лица чуть-чуть наискосок,
Катушка старых бабушкиных ниток,
Кастрюлька с маркировкой «British Steel»,
Таинственный искрящийся напиток,
Кораблик без руля и без ветрил,
Всё это шелестит, переливаясь,
Порою застывая янтарём,
Вдруг возникает новенькая завязь —
На что-то шанс у прошлого взаём.
И вот — в системе этой, как в утробе,
На мир глядя сквозь узенький проём,

Художник — тот, кто рассмотреть способен
В системе этой сердце. Не своё.

Стих про невзаимность

Дороги узки, рамки тесны,
Я образ в памяти храню:
Прошу тебя, на миг воскресни,
Моя прекрасная невеста,
Твой взгляд пронзительною песней
Явился мне, пробив броню.

Твои явления чудесны,
Легка и грациозна прыть,
Улыбкой лечишь все болезни,
Но через пять минут исчезнешь —
Одним лишь чувством бесполезно
Любовь пытаться воскресить.

Живу, твоей покорен воле,
Мгновенья встречи сторожа,
А ты сидишь в своей юдоли,
Моей не разделяя боли —
Вот, как порез, твой взгляд зелёный
Мне вниз по коже пробежал.

Вокруг струились звуки вальса,
Слова имели стать и вес,
Давай, судьба, нелепо скалься,
Мне от тебя сейчас остался
Тоскливым вечером февральским
Незаживающий рубец.

Песенка сидящего под столом фламинго

Говорят, начинается время машин,
Смысл чисел простых теперь будет в дробях.
Моя радость, постой, уходить не спеши,
Никому я не нужен здесь, кроме тебя.

Всё становится круче, прочнее, сплошной,
Что на троечку было — то стало на пять.
Одиночество — мера неясных вещей,
Нас же двое, и нам не дано измерять.

Видно, в чём-то от этих тенденций отстал,
Вроде жив, но при этом и в храме отпет,
Я устал говорить, что неясен финал,
И нечёток вдали полыхающий свет.

Я застыну с тобой на ветру янтарём —
Долу взгляд, палец к небу привычно воздет.
Не спеши уходить — хорошо нам вдвоём,
Впрочем, мне и с тобой одиноко в толпе.

На берегу

Проплывает кораблик, задумчивый штрих,
Но куда он? Уже слишком поздно,
Опускается вечер, печален и тих,
Появляются первые звёзды.

Вот дорога. Она приведёт в океан,
И по дну ещё дальше уводит,
До неведомых сказочных радостных стран —
Пять столетий при сплавочном ходе.

Мы у берега ночью костёр разведём,
Нам песок будет праздничным ложем.
Пусть огонь и луна освещают наш дом,
На стило чистовое похожий.

Вот и падает тьма, весь пейзаж очерняя
Появлением сказочной ночи.
Будем греться с тобой у ночного огня —
Пусть кораблик плывёт, куда хочет.

Пригородное

Засверкала полуночная Вега
вновь все чувства как одно иллюзорно
только слышен хруст ржавого снега
и машины спешат из промзоны
изогнулся как змея переулок
свет от лампы стену делает рыжей
и висят ряды узорных сосулк
на покрытых битым шифером крышах
слышу с кухни снова пьяные споры
всё так призрачно безумно нелепо
а в пыли и в облаках на нас смотрит
неопрятное сизое небо
здесь порядки городских много жёстче
и других теперь дождёшься едва ли

на моей земле ты хочешь не хочешь
будешь делать что тебе приказали.

Боссанова

Ты бы нашёл себе слушателя другого,
И своей музыкой сердце его потряс.
Можешь играть сколько хочешь свою боссанову —
Я под другие песни пускаюсь в пляс.

Жарило солнце, земля выдыхала паром,
С небом сливался под звёздами океан,
Что ты стараешься, дуешься, словно пьяный,
Цвета как кожица жареных баклажан?

В собственной музыке слыша удары сабель,
Видя мерцающий свет, что развеет тьму,
Снова один играешь за весь ансамбль
И твоя музыка вновь не нужна никому.

Этой гармонии многие будут рады,
Ты ведь играл им — на прошлой неделе, в четверг.
Не на меня эту музыку тратить надо,
Разве не видишь — я просто конторский клерк?

Романс прошедшего времени

Пролетят времена, как за дичью стрела,
Всё случится спокойно, своим чередом,
И осколки разбитого камнем стекла
Режут ноги всем тем, кто сейчас босиком.

Ты, наверное, в прошлое был устремлён,
Для тебя — только пол, что другим — потолок,
Но останется память слепым витражом,
И слова — те, которыми ты нас увлёк.

Наматываешь на палец послушную прядь,
Что-то пальцы дрожат, пульс слегка учащён.
Вряд ли кто-нибудь будет сегодня страдать —
Ты последний свой камень не бросил ещё.

О себе уходя был оставить готов
В дополнение к сотне утихших сердец:
Вместо памяти — несколько ласковых слов,
Вместо фото — цветного стекла изразец.

Колыбельная

Уходят смутные тревоги
И замирает всё кругом,
Глядишь как будто бы с упрёком,
А сам сияющ, невесом,
Усни, дитя, пусть будет лёгким
Твой мимолётный светлый сон.

Пуškai дорога к рассвету вьётся,
Ты лишь на ней обретёшь покой,
На полпути от Луны до Солнца
Во сне повстречаемся мы с тобой.
И пусть на тебя не посмотрит косо
Никто, ни люди, ни зверь лесной.

Тебя не обманет хитрюга-лисица,
Что всем живущим интриги ткёт,
Пусть незнакомцев пугают лица —
Ты всех узнаешь их в свой черёд,
Всё зло, что с другими могло случиться,
С тобою пусть не произойдёт.

Условного дождавшись знака,
Потянутся они назад —
Уходят вдаль походкой шаткой
Несчастье, холод и гроза,
И ночь прикроет мягкой лапкой
Твои усталые глаза.

Перед праздником

И снова — суета, угрозы, драма,
Не в первый раз — продолжится и впредь,
Стал дом родной, как каменная клеть,
И ты молчишь, не зная, что надеть,
Намереваясь к ним прийти незванной.

Не слыша просьб, приказов и команд,
Ты в темноте неприбранного зала,
Сидишь одна, невзрачна и устала,
Опять своё убранство растеряла,
Не в силах выбрать лучший вариант.

Вся жизнь — как постановочное фото,
Сплошь гости, экспонаты, трюкачи,
Их не понять. Ты лучше промолчи,
Лишь тусклый огонёк твоей свечи
Вдруг осветит несбывшееся что-то.

Молчи, удары сердца успокой,
Тревоги и сомнения нелепы:
Не к месту цепи, кольца и браслеты,
Твой опояшет стан ночное небо,
Как эта рифма — траурной каймой.

К экватору

На дорогу назад без раздумий наложено вето,
Я стремлюсь лишь вперёд, все сомнения переборов.
Постепенно уходит динамика Старого Света
И скрывает могучая зелень асфальт городов.

Изогнулась река на удачу лежащей подковой,
С каждым часом становится кожа прочней и грубей.
Пусть бывал здесь когда-то, теперь привыкать мне по-новой
К этим запахам, влажности, краскам, приправам, к тебе.

Все твои опасенья как дым сигаретный развею,
Не преграда нам лес, и молва, и большая вода.
Ожиданье тянулось, как сок перезревшей гевеи,
Как цветы орхидеи сменяли друг друга года.

Без билетов и карт, без примет, навигаций и лоций
Я добрался сюда из столицы *один, налегке*,
Посмотри, я меняю свой цвет под полуденным солнцем
И учусь говорить на гортанном твоём языке.

Прощальнолетнее - 2010

Нерождённые чада тетёшкая
(А казалось — лишь кончен апрель),
Снова тополь бросался серёжками,
Как игривая фотомодель.

Расползалась столица к окраинам,
Всё тянулась недель череда,
И жара разгоралась отчаянно,
Выдавая кредит на года.

Ты, должно быть, напрасно мне верила,
Улетучились радость и хмель.
И простое, понятное дерево
Объяснило мне смысл и цель.

Все от пуха краснели и охали,
И в подвалах, и там, наверху, —
Вся Москва в этом чёртовом тополе,
Рыльце города — в белом пуху.

Условности

Условны лес и снег, вода и камень,
Весь мир – чертёж, концепт, n-мерная модель.
Смотрю, как проливаются над нами
Шаблоны облаков отрезками дождей.

Все радости мои и огорченья зыбки,
На всё помимо них найдётся свой резон.
Плывут в тумане снов, как золотые рыбки,
Желания, в себе таящие закон.

Один среди потока их – мятущихся, нескромных,
Давно уж с осуждением условностей притих,
Я добровольно здесь живу – один из миллионов,
И думаю, модель моя не хуже остальных.

Но есть среди реальностей другая,
Прошу, её найти ты помоги.
Я про условности и схемы забываю,
Лишь стоит ощутить тепло твоей руки.

Быстрые тридцать

– Не претендуя на лавры провидца,
Выбью скрижали.
Где вы теперь, мои быстрые тридцать
Встреч и прощаний?

– Что-то, наверное, путаешь ты,
Пятки шипы искололи,
Припорошило следы
Солью.

– Сколько тропинке ни выпало виться –
Финиш найдётся.
Где вы, мои долгожданные тридцать
Дней сумасбродства?

– Снова дорогу найти
Сможешь едва ли:
Загородили пути
Камни.

– Неразличимы угрюмые лица,
Каркает ворон.
Где вы теперь, мои светлые тридцать
Пятен на чёрном?

– Искрами больше во тьме не блесним,
Как бы свет ни срикошетил,
Пятна стирает художник один –
Ветер.

–Сыпется струйкой к земле чечевица,
Бьёт диссонансом.
Где вы теперь, мои белые тридцать
Внутренних агнцев?

–Снова пропеть о росточках тугих,
Знать, не придётся:
Всех уж давно обесцветило их
Солнце.

–Я потеряюсь в просторах земли,
В храме и стойле,
Точно ли это меня вы нашли,
Дух это мой ли?

–Время тебе обернуться другим
Мало-помалу,
Мы все грехи и ошибки простим
Сталью.

Зарисовка

Дымит полуостывший сладкий кофе,
Неясное колышется вдали.
Пропущены, как знаки апострофом,
Слова и жесты держим наготове,
Пока мгновенья эти не ушли.

Стремясь избегнуть блеска серой стали,
За твёрдый знак мы принимали ртуть.
Но пусть букет невесты и поймали,
Что станет завтра с этими цветами,
Едва ли нам ответит кто-нибудь.

И пусть дрожит земля при каждом шаге,
Увидишь ли его издалека?
Сменяет все цвета пятнистый хаки,
И в белизне терпевшей нас бумаги
Проступит речь иного языка.

Дорожка, двор, садовый пёстрый гравий,
Беседки затуманенный озов,
Но света луч блеснёт в оконной раме,
Немного спелой яркости добавив
К фривольной пестроте полутонов.

Рисунок на стекле

Небо — одно сплошное сумрачное пятно,
Кончилась яркость красок, вышел парад-алле.
Внутренний сплин и внешний нынче слились в одно,
Пальцы рисуют линии на запотевшем стекле.

Свет истекает ветхой облупленной шелухой,
При этом становится тише, каменнее, темней,
...Линии замыкаются, пляшут одна в другой,
И образуют странный скрученный кадуцей.

Вновь наступает время нечаянных злых пропаж,
Время ловить простуду и разводить коклюш,
Жёлтым, коричневым, серым красит чахотка пейзаж,
Листья кружат и тают в окружьях подмёрзших луж.

Так облетают перья с нашедших своё невест,
Всё, наступает осень, мир повернулся вспять,
Пенициллиновый ангел тащит свой красный крест,
Что-то бурча сердито, только не разобрать.

Возвращение

Событий бежит череда,
Сменились предтечи.
Тональность мне ныне чужда
Загадочной речи.
Течёт как и прежде вода,
Кричит себе кречет,
И ищут тепла как всегда
Озябшие плечи.
И ты здесь опять молода,
Стоишь недалече,
Пускай пролетели года
В раздоре и сече.
Я долго стремился сюда,
Стал проще и легче.
Капкан на дороге, беда,
Внезапная встреча...

Алхимический сонет

Прими, родная, вместо роз кувшинку,
Свои черты от глаз чужих укрой,
Подобны чувства висмуту и цинку:
Не так-то просто взять их кислотой.

То многое, что было между нами,
Собою не пополнит мир чудес,
Пусть не нашли мы философский камень —
Едва ли был напрасен сам процесс.

Не стоит множить счёт былых побоищ,
Припоминать обиды — нет, уволь,
На кислоту всегда найдётся щёлочь,
На порох — пламя, а на воду — соль.

Вот содержанье эликсирного фужера:
Твоя любовь, огонь, мечта и сера.

Сонет обмана

Объёмы мнимы, а типаж продажен,
И по своей природе он безлик,
Не стоило влюбляться в персонажа,
Знакомого по сотне разных книг.

Благоухает мускусом и ромом,
Все прочие отвратны и пусты...
Не стоило другим, полужнакомым,
Приписывать заветные черты.

Но линии его к тебе пристали,
И время поделилось пополам,
Не стоило искать его в реале,
Забыв о том, что встретились не там.

Богатство образа, и блеск, и глубина
На самом деле — видимость одна.

Сонет расстояния

Твои шаги быстры и так легки,
Но встали километры между нами,
Что говорили злые языки,
Едва ли опровергнут оправданья.

Слова порой бесцветны и пусты,
Наивны, но отважны наши речи.
Пусть ходит транспорт — сожжены мосты,
Пусть путь далёк — но он не бесконечен.

Но всё же — так бывает иногда —
Твои слова я ощущаю кожей,
Ловлю твой образ через города,
Надеюсь, ты следишь за мною тоже.

Мы так с тобой близки — и далеки,
И дружбе, и наветам вопреки.

Посланник

Соткано из цветов твоё тело,
Свиты из дождя твои руки,
Их в отчаянье к небу воздела,
Твои груди скачут, упруги,
Всё известно, будто в миракле,
Не печалься, всё, уже поздно,
Тело к сентябрю подзачахнет,
А затем и руки замёрзнут.
Прекрати, прошу, свои танцы,
Ход вещей прервать я не волен,
Ты пойдёшь по свету скитаться,
Дорогой осенний мой голем;
Где наступишь – станет трясина,
Где присядешь – омут бездонный,
Ты соединишь воедино
Все печали, беды и скорби,
И среди безумного рёва
И чуму укрывшего бала

Сможешь донести моё слово
Той, что мне тогда отказала.

А пока не бейся в испуге,
Всё равно моя ты всецело.

Свиты из дождя твои руки,
Из цветов составлено тело.

Потерпевший кораблекрушение

Ждут меня нетопыри
Соль снаружи и внутри
Небо, парус, облака
А дорога далека

Миг отчаянья прошёл
Я спокоен и тяжёл
Небо, парус, облака
Но живой ещё пока

Капля крови на губах
Мне уже неведом страх
Небо, парус, облака
Над мной течёт река

Оставайтесь на века,
Небо, парус, облака

Возраст

С возрастом гуще воздух,
С возрастом громче джаз.
Многое кажется поздно,
Чтобы как в первый раз.

Режьте меня и съешьте,
Спорьте наперебой –
Ты не рискнёшь, как прежде,
Броситься с головой

В варварские напевы,
В риски, что пополам,
В тело красивой девы,
В пьянку к своим друзьям,

В то, чем лишь юность дразнит,
Как без зонта под дождь,
И на внезапный праздник
Так уже не придёшь.

Или ты можешь всё так же дивиться миру,
Всё, что имеешь – с другом делить вполювину,
Радоваться солнцу и воздушным змеям?

Успеем,
Мы ещё всё успеем.

Механика

От воды до песчаника всё заселил репей,
Вместо пения льётся лишь неугомонный плач.
Это просто механика. Слышишь ли скрип цепей,
Ощущаешь импульсы передач?

Шестерёнки и оси немые, как балансёр,
Связаны, будто нити шерсти в мотке тугом –
Вот работает та система, в которой всё
Для тебя лишь настроено одного.

Знаешь и сам лишь верхами всю эту смесь,
А другие и вовсе не ведают ничего,
И иной механик вряд ли сумел бы здесь
Что-то наладить без допуска твоего.

Сам механизм загадочно в знании изошрён,
Вышло из строя лишь где-то одно звено –
Как засигналит лампочка: всё как всегда путём,
Снова работает, как и заведено.

Вот подойти ты смог к новому рубежу,
Начал крушить и бить, весь пиетет исчез.
Только твой молоток, я тебе скажу,
Тоже в системе этой – противовес.

Иаиукара

(у сахалинских айнов так называются «бесцельные» песни, поющие, чтобы скоротать время)

Жду тебя в месте, где мы сговорились тайно,
Вот моя иаиукара – песня для ожидания.

И ожидание это невыносимо;
Долго лететь стреле, если прошла мимо,

Но недалеко копьё, хоть попало, хоть не попало,
И той пчеле, что попала, оставив жало.

Если и промах, есть для других дорога,
Знает зверьё, за стрелой будет стрел много,

А на копьё, что не в цель, скалятся исподлобья:
Вслед за копьём сильно медлят другие копя.

Но если видят пчелу, хмурятся, невесёлы:
Если она умрёт – есть и другие пчёлы.

Так вот знаешь, не сомневаюсь, я для тебя – как пчёлка,
Кончена иаиукара, ты ведь не любишь долго.

Интерьер

Стены в доме моём каждый вечер меняют свой цвет
И рисунок. Вчера там снежинки в абстрактном узоре,
А сегодня, глядишь, — дом в цветочки и листья одет,
Будто лес зимовал, и дожил до весны, как и водится, что ли.

Только завтра на месте травы расцветут паруса,
Вместо леса кипит помутневшее тёмное море,
И на берег выходит девчонка, грязна и боса,
И глядит на кораблик, который швартуется вскоре.

Нет, она не Ассоль, в парусах необычного нет,
Смотрит с тихой печалью, без радостного ожидания,
И от этого мне любопытно вдвойне и втройне,
Что скрывает её — по всему — застарелая тайна.

Только море исчезнет, загадку с собой унеся,
Принесёт новый день вид на площадь из старой мансарды,
Там бушует толпа горожан человек в шестьдесят,
Там девчонке без обуви были бы вовсе не рады,

Ей показано море, не эта весёлая спесь,
Море целым куском, а не рваные яркие пятна.
Почему-то мне кажется всё же, что будь она здесь,
Она так же искала бы взглядом, но что — непонятно.

Граффити

На холодном и в трещинах, но так знакомом граните,
Лишь в белье, босиком, остальное всё отсозерцав,
Я стою перед смутной стеной и не вижу граффити
Мне под ноги смотрящего в маске и лентах лица.

Прихожу сюда часто в предчувствии близкой полн`очи,
Как израненный паж приползает к больной госпоже.
Эти губы сверкают – как будто стена кровоточит,
Образуя престранную пару с моим неглиже.

Со стены она смотрит – ко всем равнодушная пума,
Я ладонь приложу рядом с нею тихонько плашмя.
Пусть считают, что тот, кто оставил мне этот рисунок,
Рисовал не другую, а то, как увидел меня.

Видимость

Видимо, эту зиму стоит считать за две и давить следы,
Видимо, нам не пробиться к желанной весне, мы давно седы,
Видимо, где-то слетели настройки, время дало побег,
Вот мы и встали на полдороге, странный ты человек.

Видимо, эту ночь стоит считать за две и тушить огонь,
Видимо, станем немного мертвей, но меня не тронь,
Видимо, что-то накрылось влёт, порваны провода,
Странно, что нас это не возьмёт, видимо, никогда.

Видимо, эту дорогу стоит считать за две и идти вдвоём,
Видимо, надо немного левей, где лёд схватил водоём,
Видимо, кто-то её припрятал, сверху отбил печать,
Вставай и пошли, приятель. Сны могут подождать.

Визгом пугает их злая выюга, эта борьба проиграна не вполне,
Двое цепляются друг за друга, живы едва, но настырно ползут
к весне.

Сонет просьбы

Я обвинён в дублировании схем,
Превосходящих в сложности плаценту,
Теперь послушен и частично нем,
Лишь сопрягаю смыслы в темпе ленто.

Но даже эта песня не допета,
Чужим к земле придавлен бытием
Оправдываться вновь готов зачем-то,
Не требуя свидетельства взамен,

И получить своё готов сполна:
Среди неповоротливых глаголов
Один мой слог безжалостен и колок,

Чернил удостоверит яркий всполох
И будет опровергнута вина:
Один твой штамп — и копия верна.

Неологический сонет

Специфика работы такова,
Что всю теряют искренность слова —
От них остались лишь пустые шкурки;
В тот день, когда такую подберёшь,
Увидишь знак, прописанный как ложь —
Усталую усмешку демиурга.

А нет — по ветру длит она полёт,
Один лишь знак — и равенство падёт,
Морзянкой согласишься, словно дятел;
При этом не востребованных слов
Структуру ты увидеть не готов,
Тем более — нырнуть в неё не глядя.

Я так же пошутить готов пока:
Слова беру всё чаще с потолка.

Неправильный мечтательный сонет

Лишь стоит пробудиться ото сна
И в мир ступить, обманчиво-кривой,
Желаний ежеутренних волна
Опять меня накроет с головой;
Но не хочу, чтоб ты была грустна,
Ведь вряд ли шанс представится второй.

А фобиям не нужно отдыхать,
Они нам – как бездушные мечи,
Последний предрассветный час не трать,
Карандашом их лучше подлечи:
Ты выпиши их тщательно в тетрадь,
И будем с упреждением учить,

Приходится быть сдержанней в мечтах,
Они лишь пыль – вот то ли дело страх...

Подарочек

Дали мне подарочек в розовом конверте –
Розочки-цветочки, блёстки, мишура.
Этого достаточно, вы уж мне поверьте,
Этого довольно яркого добра.

Мне не нужно золота, острого оружия,
Славы и способностей, музыки, вина,
В розовом конвертике – всё, что только нужно мне,
Блеск обманок красочных, рваная струна.

Не дешевле ваших всех эти драгоценности,
Даже и доступнее, в общем, для людей,
Ярки и сверкающи, перисты и пенисты,
Сладки и волнующи, солнца веселей.

Вы кредит доверия щедро им отмерьте,
И тогда мне снова может повезти,
Выдадут подарочек в голубом конверте –
Бабочки и ленты, звёзды, конфетти.

Памятка танцору

Не обращай внимания на боль в спине и жжение,
Всё начнётся, только лишь будешь ты готов –
Дело только в кратности твоего движения,
Размеренности ритма отточенных шагов.

Не стремись поймать момент перехода резкого,
Если чувствуешь, что пульс ускоряет ход;
Твоё тело в этот миг направляют лесками,
Начинай по маленькой, там уж – как пойдёт.

Ты не сможешь вырваться, если не позволено,
Будешь дёргаться, искать поворота ось,
Береги от микротравм щиколотки, голени;
Не пытайся сдерживаться, если началось.

Будут радостными па, пируэты – скорыми,
Лишь при взгляде изнутри всё искажено,
Ну а если станешь сам управлять танцорами,
То смотри, не забывай, каково оно.

Констатация

Прокричало, лопнуло, расколосось,
Кончено, померкло, лишилось лоска,
Чуть живая плоть выпадает в прорезь,
Дело не в том, что красиво, а в том, что броско.
Мой кустарный ангел, ты так изменчив:
То ведёшь под ручку, то в омут тащишь,
Диадемой странной со льдышкой венчан,
Посадивший розы средь тёмной чаши.
Эффективное – давно уже незачем:
Плохо любят мальчики девочек.

Чем считаться будем, какой валютой?
Что ты дашь взамен моего подарка?
Этот час полночный, вдвойне безлюдный,
Странен тем, что вместе, а не тем, что жарко.
Мой далёкий Мастер, к тебе взываю:
Отпусти мне воли хоть года на два,
Покурю, расслаблюсь. Заварим чаю,
А потом уже – заготовки, жатва.
А проблема останется та ещё:
Плохо любят девочки мальчиков.

Планомерность

Я считываю твой культурный код
По запахам, по выдохам, по пальцам,
И вычислить пытаюсь наперёд,
Что затаилось под покровом сланца,
Куда теперь чутьё нас заведёт,
И всё пишу в авансовый отчёт.

Природа оказалась холодна
К инстинкту, к песнопениям, к рассвету,
И я был рад опустошить до дна
Надежды на отложенное лето,
Пространство прикрывает пелена,
И скоро ты останешься одна.

Мою мечту рисует акварель,
В подробностях, в абстракции, в азарте,
Останется лишь ягодная прель,
На дне души остаток пряный кьянти,
Усохнувший за несколько недель.
Том тридцать восемь. Дело за апрель.

Талисман

Разлетятся в ночи листы,
И курок не найдёт бойка.
Будут птицы твои быстры,
Будет радость твоя крепка.

И пускай запоют хлысты,
И пускай судьба неправа –
Будут песни твои чисты,
Будут цепки твои слова.

Если даже не стал богат,
Не поймал, что тебя влечёт,
Станет чистым последний взгляд,
Станет громким финальный счёт.

Ход времён как всегда жесток,
Музу бабочкой приколов.
Где ты был – там течёт поток,
Где ты был – не сыскать следов.

К берегам той реки причаль,
И ладонь оторви от ран.
Будет светлой твоя печаль,
Будет рядом твой талисман.

Гонец (1)

Нарушив суеты привычный строй,
Скрипя, как перекрещенные шпаги,
Рисован тонкой ласковой рукой,
Себя он отделяет от бумаги,
Просушит тело в солнечных лучах,
Как принято у роз и насекомых,
Увидит наше небо натошак
Среди полос – то белых, то зелёных
Весеннего дождя, и облака
Ему подскажут: цель уже близка.

Распустит крылья, радостный гонец,
И в лунном свете мчит, никем не узнан,
Сквозь ряд на тьму нанизанных колец,
Красавице сказать о разных чувствах,
И выслушав заслуженный ответ,
Лететь обратно, звёздами согрет:

Их свет к воде несётся рикошета;
Он ждёт возможности растаять в этом свете.

Заговор (2)

Открыта взору глубина
И бьётся вена между ямок...
Не так уж ты и голодна,
Огонь в глазах не так уж ярок.
Не так уж к шее и близки
Твои хрустальные клыки.

Шальная дама средь тузов,
Живая шкурка между шапок!
Не так уж нестерпим твой зов,
Вполне преодолим твой запах,
И даже женский твой просчёт
Не так уж сильно и влечёт.

Весной был собран липкий ил,
Гонец в твоё отослан ложе,
И маску я соорудил
Из потерявшей силу кожи.
Смотри теперь: перед тобой
Стою с несорванной резьбой.

Время не ждёт

Сам собой не расколется сахарный лёд,
Не проскочит енот под барьером.
Мама мне говорила, что время не ждёт –
Я в итоге поверил.

С той поры всё копилась душистая падь,
Без меня всё собрали, смололи.
Ни осталось ни дня, чтобы не вспоминать,
Ни минуты без боли.

И когда оставалось лишь пить втихаря
И подсчитывать битые слоги,
Распустилась и мне подмигнула заря
В бело-розовой тоге.

Смялось всё в наступившей внезапной тиши
И явилось картушем.
Мама мне говорила – прожить не спеши;
Я не очень-то слушал.

Два месяца назад

Всё те же машины и люди,
Всё те же тугие позы,
Всё тот же подлёдный студень,
Ещё ничего не поздно.

И кажется – эти брови
Как два заводных боря,
Ещё не остыл тот кофе,
Цветёт ещё орхидея.

Вставать теперь надо реже,
Унять пароксизмы дрожи,
Всё помнит снежок ушедший,
Всё знает ковёр в прихожей.

Всё та же неточность в правде,
Всё та же горчинка чая.
Но только она – представьте –
При этом ещё живая.

Батарейка (1)

Моя батарейка не сядет, дружок,
Мне будет всегда хорошо и свежо.
Под сенью акаций, в сосновой тени
Я чист и хорош ты ко мне загляни.
Нигде не останусь внакладе
Моя батарейка не сядет.

Моя батарейка умна и сильна
Она как разведчик она как струна
Она как уверенность в завтрашнем дне
Способна помочь с проводами вполне
Умеет скрепить что-то клейко —
Всё может моя батарейка.

Моя батарейка понятий простых
И подзаряжается от запятых
Две клеммы хвостатых вставляю ей в бок —
И сразу идёт электрический ток,
Пишу с нетерпеньем во взгляде
Моя батарейка не сядет

Батарейка (2)

Моя батарейка садится, друзья,
Мой ток утекает, беспечно скользя.
Сквозь пальцы и кожу, сквозь масло и воск
Теряю энергию тысячи звёзд,
Уйду, невзирая на лица —
Моя батарейка садится.

Моя батарейка не держит контакт,
Её лишь хватает на тихий тик-так,
Надежде конец, неизбежен провал,
Такого я даже не предполагал.
Включить экономию строже
Моя батарейка не может.

Мою батарейку бодрят и корят,
Различные знаки приносят заряд,
Дефисы, пробелы, проценты, тире —
Могли бы ей ток обеспечить вполне,
Дать импульс рукам и идее,
Но мне запятые важнее.

Память-2

С ветром, сеющим мусор, шутя соревнуюсь:
Я – слегка матерьяльней, он – немного храбрей,
Рассекаю пространство растянутых улиц,
Смутным бликом мелькаю в тени фонарей,

Серой кляксой себя запускаю к зениту
И пугаю вечерних придуманных птиц,
Мне любимым не стать и не быть знаменитым,
И оценят лишь спящие мой вокализ.

А могло бы тогда завершиться иначе
(хоть сейчас расскажу, поколение спустя):
Пропустил от тебя быстрый солнечный зайчик,
Что с балкона для папы пускала шутя.

Заметавшись в тени, мотылька безрассудней,
Будто рыбок глубинных призывно маня,
Он прорезал асфальт заготовленных будней
И шипящим клинком погрузился в меня.

...Я на память похитил твой бежевый локон
(«стал седым» – утром папа сказал трепеща),
С той поры избегаю распахнутых окон
И храню твой ожог среди крыльев плаща.

Я буду сам себе железо

В идее свежего пореза,
В тени нечитанного знака,
Я буду сам себе железо –
Разить и плакать.

Я выскребал твои сусеки,
Я добывал тебе червонцы,
Повёрнут лезвием навеки
К той, что вернётся.

И не отлиться якорями,
Не отписаться весом брутто,
К теплу руки твоей притянет –
Магнитом будто.

Нить следа тянется, белеса,
Ты этот поцелуй запомни:
Я буду сам себе железо –
Готовь ладони.

Набросок

Сделай один карандашный набросок:
Свет пожирает задумчиво воду,
В переплетении жёлтых полосок —
Кто-то ныряет и ищет чего-то,
Звук, заступая не скоро в права,
Шорох прибрежный питает едва.

Там, под покровом холодных течений —
Гладкие камни в коричневом иле,
Миг — наблюдателя бросят качели
В связку узлом перепутанных лилий;
Их аромат — вот такой шпионаж! —
Серым на белом ты мне передашь.

Волны колючие хлещут устало,
Тело пловца, жадно воздух глотая,
В брызгах солёных и блеске металла
Плещется мерно, как банка пустая.
Выкрикни чайкой, пляши среди рыб:
You're a weirdo, you're a creeper.

Охотнику

Вмешательство высших сил пусть не превозмочь,
И лет скоро двадцать, как мысли не столь светлы,
Но призраки, феи, все те, кого прячет ночь —
На кончике пляшут твоей золотой стрелы.

На долю секунды покажешься им глухим,
Услышав под ухом опять поворот винта:
Ты собран как прежде, безжалостен, неутомим,
Надёжен и точен; лишь дальность уже не та.

Жаль, твёрдость руки не поможет тебе в другом,
Но ты по традиции с вечера уж отпет,
И нечисти шкурки всё так же украсят дом,
Как только их тронет заботливый лунный свет.

Но знай, среди них отыскался один аскет,
Он тоже со стрелами знает напрямик;
Как жаль, ты не видишь — уже девятнадцать лет
Он держит тебя на прицеле и ловит миг.

Астрономия-3

Межзвёздный заполняется эфир
Сигналами, лучами, кораблями,
А ты всё в колыбели, будто в яме,
Штрихами скрашен базисных палитр.

От Гончих прямо к Южному Кресту
Свои протянет кудри Вероника,
И ты, сколь быстро ни достигнешь пика —
Успеешь ли почувствовать испуг?

Влиять светила могут на людей:
Влюбить, отнять надежду, успокоить...
Их тянет гравитация, как прорубь,
Харизмой к ажитации твоей.

Пусть путь планет просчитан наперёд,
Не стоит ли с него порою сбиться,
Но — обыграть всего лишь голый принцип?
К чему менять наживку, раз клюёт?

Пусть звёзд пожар внезапен, как кастет,
Но их огонь твои не щиплет пальцы,
Как если бы ты был неандертальцем,
Не подчинённым ходу злых планет.

Предложение

Верь мне, я не так давно выбился из сил,
И уж больше не сверкать радостной слюдой,
Страх увидев, никогда глаз не отводил —
Оттого стал к тридцати седой.

Был в числе тех самых псов, что на караван
Лаяли, не стережась пули и камней,
Не щадя себя, входил в клетку я ко львам,
И, как видишь, был их чуть сильнеей.

Пусть моменты этих дел стали далеки,
Сон увижу я про них всё равно цветной:
Как рукой ловил ножи, телом — кулаки,
Чемпион — и тот не смог справиться со мной.

Достоверно был таким я во всех мирах,
И навек характер мой получил между:
Никогда не отведу глаз, увидев страх,
Не раздумывая, взрыв телом удержу.

Единение

Не плачет о тебе моя струна,
Не твой оттенок чувствую в лакрице:
Пока ты рядом, боль не так сильна,
И кровоток спешит восстановиться.

Черты твои скульптурные резки,
Огонь волос — послушно-померанцев,
Я был согрет теплом твоей руки
Сквозь километры чуждого пространства.

И пусть слова мои не горячи —
На фоне неслучившихся конвульсий
Мелодия пока ещё звучит
Ремиксом ныне сдвоенного пульса,

Играет тишине наперекор,
Почуяв ласку, сокровенно стонет,
И самый справедливый приговор
Не порождает трепета в ладонях.

Нам страшен только внутренний разлад,
Что сами вносим, искренне мрачняя,
Но мы с тобой не убоимся зла,
Венчающего путь предназначений.

4'33''

Я в упоении пишу,
Рука приветственно воздета,
А в зале слышится шур-шур
(должно быть, рвотного) пакета.

Огня глаголов едок дым,
Воды построчной тяжести волны:
Лишь звук способен быть пустым,
А тишина бывает полной.

Случайна зрительская связь,
Но ум толпы — порою тонок:
О том я поручусь, смеясь,
Как осчастливленный ребёнок.

Гармоний сколько ни твори —
Свершиться песне лебединой,
Мои четыре тридцать три
Звучат как раз на середине.

Стойкость

Ещё на три часа себя состарь,
Пока мечты будильник не пристукнет,
В окно пролезть пытается фонарь
Пинчоновской разрезавшейся буквой,

Из крана мерно капает вода,
За стенкой шебуршит смущённо крыса,
Не о таком ли думал ты, когда
С мишенью у соска на свет явился?

Дуэтом с крысой ветки клонит клён,
Дуэтом с фонарём — в углу гитара...
Из тысячи сердец одно твоё
Открылось этой ночью для удара.

Глотай теперь небесный чернослив,
Путь рассчитай от сна до туалета,
Твой личный Фредди Крюгер молчалив —
Агония важнее, чем победа.

Прожект его тебе не по уму,
В затылке хулиганит колокольня,
Что видел — вновь не скажешь никому,
Взгляд не отвёл — и этого довольно.

Две лиры

Разбужены разными бреднями,
Пробиты похожими пулями:
Одна была лира медная,
Вторая – латунная.

Гармонии их невиданы
Давали (завидуй, палица!)
Одна – в дискотечной выдумке,
Вторая – где хватится.

И каждая меру взвесила,
Поскольку была негордая:
Ведь золото пело песенки
Другими аккордами.

Но зря быть старались смирными:
При тосте за здоровье
Латунной все струны вырвали,
А медную – сплавляли.

Распад

Весь отдан ощущениям чужим, —
Шуршанью соли, гладкости собольей,
Я чувствую излом твоих пружин
В тепле ещё блуждающих ладоней.

Рассыпья, исковеркай, заржавей —
Лишь засмеюсь безудержно и пьяно:
Влечёт меня к надменности твоей,
Не к ласковому ритму океана.

И движешься всё чаще наугад,
Но кровь утяжеляется, густея,
Ты рождена форсировать распад —
Игрушка, чародейка, Галатея,

Не верящая в счастье и в беду,
Но обещаний острых не нарушу:
Среди осколков пластика найду
Твою неисцарапанную душу.

Твою неисцарапанную душу
Среди осколков пластика найду,
Но обещаний острых не нарушу:
Не верящая в счастье и в беду,

Игрушка, чародейка, Галатей,
Ты рождена форсировать распад —
Но кровь утяжеляется, густея,
И движешься всё чаще наугад,

Не к ласковому ритму океана
Влечёт меня — к надменности твоей,
Лишь засмеюсь безудержно и пьяно:
Рассыпья, исковеркай, заржавей —

В тепле ещё блуждающих ладоней
Я чувствую излом твоих пружин,
Шуршанью соли, гладкости собольей —
Весь отдан ощущениям чужим.

Тройная колыбельная

Светлане

Порт открылся кораблю, тот земле подставил край —
Ты мне спой, пока я сплю, на костях моих сыграй,
Сладкий морок не исчез, тишине наперекор
Спой «Отсюда до небес», «Неморзянку», «Волчий хор».
В тишине своей вскипев от внезапной ноты си,
Я услышу твой напев, но ответа не проси.
Песней сон мой обесточь, веселись и золотей,
Пусть услышит эта ночь песню ломаных костей.

арр.1

Нас звёзды манят за собой, и нет покоя в этом,
Ведь нам с тобой не проползти в игольное ушко.
Отсюда до небес всего пять тысяч мёртвых метров,
Что, если вдуматься, ты прав, не так уж далеко.

И если руку протянуть — нащупаешь там что-то,
И может палец уколоть зелёная игла.
Отсюда до небес всего минуты две полёта,
Но крыльев прочности такой найти я не смогла.

И здесь, меж небом и землёй, не то чтоб очень плохо,
Но близость отраженья их всегда меня гнетёт:
Отсюда до небес всего три очень длинных вдоха,
Но делать нужно их в воде, пробив собою лёд,

На берег выберусь пустой — холодная, румяная
(Там звёзды всё уже давно безжалостно сожгли),
Отсюда до небес тогда не будет расстояния,
И буду путь тогда искать — оттуда до земли.

app.2

точка точка это неморзянка
речь твоя была не так двояка
чтобы смысл скрыть. по крайней мере
пусть не слышу слов — сигнал идёт
Хорошо? ты мог бы быть немее,
и точнее мог бы быть расчёт,
но и так неплохо. точка точка
вместе сгинем в белизне молочной,
в высоте среди камней небесных
в глубине пугая мелких рыб
мне с тобой не так уж страшно в бездне,
без тебя — сложнее до поры.
Ты — моя счастливая примета,
Точка, точка. Не морзянка это.

app.3

Мне не слышен волчий хор,
только ветер в камышах,
Я медлителен и скор,
Есть и храбрость, есть и страх.
Листья падают, звеня,
Вот он — наш призывный зов,
Убоитесь ли меня,
Обитатели лесов?
Передай им слово, лист,
И обратно пожелтей:
С вами кости буду грызть
И спастись от людей,
Пусть следы укроет мгла,
Имена возьмёт река —
Стая нынче обрела
Городского вожака.

Кода

Песни одни и те же,
Тот же полночный мрак.
Он её за руку держит —
Не освободить никак.
Будет терпеть часами
Этот значок защит,
Свой заплетя орнамент —
Всё с ней в порядке. Спит.

Звёзды

Ты знаешь, я видел звёзды. Они холодны и колки,
Обманчиво-несерьёзны, свисают с небесной полки.
Пытались обнять лучами, тянули протуберанцы,
И высокомерно молчали
О времени и пространстве.
Они обещали лето,
Зубы в усмешке щеря,
Как те огоньки, что светят
На дальней
Стене
Пещеры.

Рандомайзер

Шансы растворив в седи сметаной,
Сверив энтропию и число,
Рандомайзер делает случайным,
Что доподлинно произошло.
Если шансы были абсолютны —
Будто прокатил один из ста,
В пустоте напевом дальней лютни,
В пульку из небывшего виста
Может он услышаться и прыгнуть,
Силой накренив земную ось —
Только вот не сразу, очевидно,
А потом, по факту, что сошлось.
Он зажжёт свечу для пилигрима,
Повод к спору делит пополам,
Всем удача ведь необходима,
Он её постфактум дарит нам.
Щиплет нас мурашками по коже,
Сыплет на макушки конфетти...
Жаль, что он, как правило, не может
То, что не случилось, обойти.

Неправильный апокалиптический сонет

Окончен мир — а завтра будут танцы
На поминальном с черепом столе,
Прощальное идёт парад-алле
Среди седого и больного декаданса,
Мир, глядя на тебя, трясётся, как желе:
Мол, как бы ты приличным ни казался,
А всё равно слегка навеселе.

А ты, непохмелившийся, простужен,
Всё ловишь мысль последнюю за хвост,
Мол, как же так, не будет больше звёзд,
И под окном большой весенней лужи,
Не станет лучше и не будет хуже,
Как если бы один остался вчуже,
А мир так восхитителен и прост.

Под куполом

Расчерчены все площади по зонам,
А планы так подробны — не прочесть! —
Два воинства под куполом зелёным
Готовятся к сражению за честь.

Там, под стеклом, опять бушуют страсти,
И ход времён привычно источён...
Хозяйка сверху их привычно дразнит
Фонарика оранжевым лучом.

Ей хорошо известен этот принцип,
Конфликт необходим им позарез,
Одни дерутся за Императрицу,
Другие — за Владычицу Небес.

И думают — воздастся им по вере,
А девочка бодра и весела,
Внимая стону раненых империй
Под крышкой изумрудного стекла.

Голос

Твой голос был когда-то звонким,
Теперь остался лишь на плёнке,
Через года и треск помех
Ловлю слова и этот смех.
У нас есть двадцать три минуты
До наступленья новой смуты —
Гладь слова станет шерстяной
И ты сольёшься с тишиной,
Вдруг станет голос мой заметен
На той же старенькой кассете,
И ты услышишь, милый плут,
Мои четырнадцать минут.

Нова

Я такое вижу, пусть нечасто,
Голый свет здесь рвётся напоказ.
Видишь, зверь, просвет в пустом пространстве,
Будто спицей выкололи глаз?
Это излучение знакомо —
Дырка для расплющенных небес,
Белый огонёк зовётся Нова,
Повезло, что там он, а не здесь.

Пусть клыки твои как ятаганы
И готовность к действию в крови,
Ты в атаке с ней не совладаешь,
Хоть весь прайд на помощь позови.
Если и прокусишь вдруг случайно,
Тем недолго будем мы горды:
Это Нова — пагубная тайна,
Смерть очаровательной звезды.

Ты ведь новичок в подобной ловле,
Не спеши зайти на виражи.
Погоди. Вот здесь я обескровлю,
Слева шов придётся наложить.
Повезло с работой нам сегодня,
Хватит на фату и серпантин.
Это Нова — лампочка господня,
Повод для провидческих картин.

Если б победил её ты даже,
И тогда, на память заучи,
Мы с тобою — просто персонажи
В этом свете пламени свечи
Злого, раскалённого, пустого,
Страшного — насколько видит взгляд.
Зверь, сегодня мы поймали Нову,
Жди — нас скоро где-то отразят.

Конец лета

От прохлады сжимается нежная жёлтая завязь,
Этот вечер так тих и при этом тягуче-багров,
Аромат твоих трав я сегодня забыть попытаюсь,
Шелест тёплых дождей и дыхание южных ветров.

Новый лист заскрипит, на оттаявшей ветке почкуясь,
И ему подпоёт юной бабочки ласковый взмах.
Протяжённость когда-то с тобою истоптанных улиц,
Белизну обозначенных общей строкою бумаг,

Свежесть кожи твоей — ты прекрасна, когда не одета,
И последнее вместе с тобою ночное пике
Я оставлю сейчас в душной памяти бывшего лета,
И войду в холода без печали, *один, налегке.*

Но при встрече случайной не станем презрительно-грубы,
И прошу: как бы рамки приличий не стали узки,
Не мани меня мехом своей горностаевой шубы
И румянцем тепла не сумевшей запомнить щеки.

Расставание

Твоих когтей и злого жала
Отныне больше не боюсь,
Меж нами кошка пробежала —
И был расторгнут наш союз.

Жить стало много интересней,
Занозы все извлечены.
Не утрашусь скрипящих лезвий,
Железной девы и чумы.

Заслышав песню кардинала,
Я красотой её сражён,
А ты всегда предпочитала
Их потрошить тупым ножом.

Не слышен больше в пышном гимне
Мне глас потусторонних вед,
И нежных нежитей не шли мне,
Уж очень мрачен их привет.

Чтение

Ленты, краски, цветы, и казалось, что так будет вечно,
Капнет на руку воск, но не чувствует, что горячо:
Она любит читать — в полумраке, при пламени свечи,
Ей всё видится — кто-то всё так же стоит за плечом.

Оглянуться — признать, что не веришь; она не такая,
Но обычных её ощущений достигнут предел.
Пробежит разворот — и пятнадцать секунд ожидания,
Потому что он там, и ещё дочитать не успел.

Расслабленность

Закат греет океан,
Смешки разноцветных дам,
Шестая неделя в курортном блажном дыму,

Блестит на руке картье,
Он пьёт коньяк в полутьме,
И бабочки пляшут ночные стриптиз ему.

Не видно, что потрясён,
С бокалом наперевес,
Лишь краем сознания фиксируя свой распад,

И кажется, это всё –
Не цель, а ещё процесс,
Сбор данных и сон в предвкушение нездешних правд.

Инсульт

Губ твоих тугая платина
Заслонит огонь тоски —
Безглагольно, отлагательно,
Не вдаваясь в пустяки.

Ароматно-абрикосово,
Позабытому сродни,
И рубины ржавой россыпью
Будут путано дразнить.

Верховодит, как королева —
От такого уже отвык!
Поддевонное, зазевное,
Признающее лишь язык.

Частота в сто четыре герца
Бьёт в ушах — не спасут врачи,
И исправленная терция
С новой силой зазвучит.

Мне от тебя ничего не нужно...

Мне от тебя ничего не нужно,
Ни вечеров, ни жары, ни стужи,
Ни пауков, ни гадюк, ни галок,
Ни силы сильных, ни страсти слабых,
Карт с указанием тропинок млечных,
Слов, мягко брошенных в бесконечность,
Мягких объятий, игривых взглядов,
Мне от тебя ничего не надо.

Алых закатов, поющих соек,
Ребусов, вписанных в треугольник,
Слов одобренья, любви, защиты,
Давних надгробий седые плиты,
Самоучитель «Дели и властвуй»,
Знание времени и пространства,
Путь от идеи к упрямой цели,
Информация о том, что там на самом деле,
Последний звонок одинокой маме,
Способность пулю схватить зубами,
Дар никогда не казаться лишним,
Секунда истины в полёте с крыши,
Возможность сесть и в чужие сани,
Оживление камня одним касаньем,
Свет, разгоняющий вечную тьму, —
Я восхищён, но твоё не возьму.

Птица над пропастью

Жизнь – как фляга пустая с надписью “stainless steel”,
Лишь дойдя до края, увидишь – не этого ты просил.
Словно тысяча кос, рвёт пространство душа в свет.
Ты хотел бы задать свой вопрос, но терпения нет.

Пить здесь воздух высокогорный для тебя – как глотать огонь,
Вечереет, и дух твой вздорный вновь лепечет: «меня – не тронь!»
Пламенеет закатная медь. Всё могло бы сложиться иначе.
И не в силах надежду узреть, ты взыскуешь хотя бы удачи.

Но удаче твоей цена – медный грош да глоток воды,
И к другому уйдёт она, колебания ей чужды.
Мой совет тебе – успокоиться, ожидает нас всех одно:
Путь закончится пропастью – так уж предрешено.

Путь – как вой протяжный в лесу под большой луной,
Но его ты однажды сменяешь на лад иной.
Снова вижу в глазах твоих страх, но уже ничего не случится.
Видишь яркую точку в горах? Там, над пропастью, белая птица.

К форме

Есть грань меж запахом и внешностью цветка —
Она остра, хотя невелика;
Когда бы каждый мог её потрогать,
Едва ли ежесотая рука,
Как ни была б изящна и легка,
Разрезанный тогда сжимала локоть.

Но красоту узрешь и впотьмах,
Пусть вид её чахоточный зачах,
Она глаза охаживает розгой;
А кто видал стекло у ней в кишках,
Замолкнет, ощутив лишь только взмах —
— Ещё далёкий, палки дирижёрской.

Я эту смычку на пределе сил
Увидел раз, хотя не ощутил —
Не оттого ли цел ещё покамест?
Не удержать в ладони вязкий ил,
Пусть жизни цвет давно уже не мил,
Меня ещё поддерживает зависть.

Послепраздничный сонет

сердце девичье не камень
не игрушка не магнит
обними его руками
чувствуешь ещё болит
чувствуешь ещё пылает
и искрится на ветру
искупай в зелёном чае
пусть остынет поутру

девочке большого роста
пригодился ножик острый
с искоркой на острие
провернуть на девяносто

сердце девичье как блёстка
в новогодней мишуре

Баллада о превосходстве

Все усилия вложены были немножечко мимо,
И над толщей воды пробуравило воздух весло.
Слишком ярко искрит, что должно бы явиться незримым,
И от этого кажется — зрение нас подвело.

Продолжается путь, и не стоит нам ныть понапрасну,
Если в главном не вышло — придётся дерзать в остальном.
Слишком часто случалось и мне разбивать своё счастье,
И от этого кажется — счастье легко на излом.

Вот смотрю на тебя, озадачен, насуплен и мрачен,
А тебе все сомненья по поводу плана чужды.
Но не выдержать мне перемен, пусть они и к удаче —
Слишком резко в глаза мои бьёт свет далёкой звезды.

И без слабости этой не мыслим, не славим, не пишем,
Появилось желанье — отсюда бежать во всю прыть.
Слишком громко скрипит, что должно бы явиться неслышным,
И от этого, кажется,
я
начинаю искрить.

Зимнее

Пришла зима —
Пора потерь,
И вновь для нас закрыта дверь.

Печали нет,
И ветер злой
Смеясь, любитесь тобой.

Не бойся, плачь —
Затем мороз
Оставит льдинки вместо слёз.

Удар-отскок,
Удар-туше
Колючим взглядом по душе.

Тебя от стужи
Сберегу —
И пляшут точки на снегу.

Пост-

Этот миг на такой же, но давний похож,
Он предчувствием странным возвышен.
Слышен шорох листвы. Приближается дождь
И сейчас застучит он по крышам.

Дождь смывает с земли человечьи грехи,
Неудачи, несчастья, соблазны.
Мне же радости нет в колебанье стихий,
Все усилья природы напрасны.

Потому что и эта печаль в сентябре,
И по телу волною истома,
Свежий воздух и близкий туман на заре,
И раскаты далёкого грома,
Поцелуй, норовящий сбить с ног, словно шквал,
И предчувствие близкой весны —

Не впервые сейчас это всё испытал,
И уверен, что так же и ты.

Ищущей ночлега

Самый воздух здесь нем.
Время думать о том,
Что находится, там, взаперти.
Я не знаю, зачем
Ты пришла в этот дом
И чего в нём желаешь найти.

В этом месте пустом
Ночь ползёт, как змея
И скрипит проржавело кровать.
И уж точно, добром
Он не встретит тебя —
Но тебе ведь и не привыкать.

Всё, что ты здесь найдёшь —
Плесень, гарь и труха,
Всё давно уж сгорело дотла.
Как неточенный нож,
Ненадёжна, плоха.
Я не знаю, зачем ты пришла.

Средь потресканных стен
Ветхий бродит фантом,
Еле слышно о чём-то скорбя.
Я не знаю, зачем
Ты пришла в этот дом.
Но возможно, он впустит тебя.

Орнитологическое

Чтобы ты могла летать и резвиться
Всех своим чарованьем магнитя
Окольцую тебя словно птицу
Выбирающую путь по наитью
Запишу тебя в книгу и подпись
Я поставлю в четвёртой колонке
Нет не то чтобы я беспокоюсь
И не то чтобы мне одиноко
Ты задышишь теперь полногрудо
А не то что со мной еле-еле
Так лети хоть куда но отсюда
Этот выбор других не беднее
Не снимай лишь кольцо золотое
Даже если бы оно проржавело

Чтобы вспомнилось что были знакомы
Как найду твоё измятое тело

Желание-2

Эти маленькие крылья ловят каждый ветерок,
Ты, пожалуйста, скажи мне — я тебя поймать бы смог?
Или сразу станешь пылью,
И тебя я не пришиллю —
Просто глупо чары вылью и останусь одинок?

Этой пагубной улыбки избежать не удалось
(Золотые мои рыбки! Мозговая моя кость!)
Руки тряски, пальцы липки,
Ты теперь моя улика,
Будет путь сквозь ежевику нам с тобой всё так же прост.

Этот ворох обещаний к облакам меня увлёл,
Так поведай же в дурмане — что внизу за огонёк?
Может, странствуют цыгане?
Может, блики на экране?
Может, кто-то убегает от пожара наутёк?

У меня есть две монеты и весёлая игра,
А ещё — смотри — воздеты мускулистых два крыла.
Мы летим с тобою в лете,
Небеса оттрафарета,
И мне кажется, что это вновь вернёт для нас вчера.

Сон

Раз уж ты так внезапно приснилась мне,
Расскажи, зачем, почему, откуда?
Да, я вижу сам, ты пришла извне,
Да, я вижу сам, золотое чудо,
Мыслью о котором давно живу —
Постеснялось, видимо, наяву.

Раз уж ты так настойчиво снишься мне
То скажи тогда, что в ответ ты хочешь?
Ночь за ночью видеть тебя больней,
Чем чередованье немых чудовищ,
Что сулят мученья и много бед,
А к утру растают — и следа нет.

Если ты вдруг некстати приснишься мне,
Например, во сне буду чем-то занят, —
Проведёт по коже моей вельвет,
И тебя отложит до завтра память,
И потом наказан я ей сполна:
Целый день живу ожиданьем сна.

Так давай, родная, наедине
Вырезать картинки из скользкой жести:
Раз уж ты бессовестно снишься мне,
Будем с тобой сниться отныне вместе:
Лишь представь, телами эфир рябя,
Два фантома замкнуты на себя.

Потусторонний сонет

Сверкал обновкой, как весенний заяц,
Соперника остротой уколов,
Я пил коньяк из тифлек красавиц
И белое вино из их пупков.

Пусть даже рок и скалился зловеще,
И ангел не казал свои крыла,
Я брал на руки самых разных женщин,
И ни одна в обиде не была.

Предпочитая выпивку водиче,
Шагал дорогой тёмной и кривой,
Я знал: настанет час – всё прекратится,
И тьма меня накроет с головой.

Когда-то заглянув за тот предел,
К серьёзности я сильно охладел.

Расплата

...И опять настаёт
Этот час после стольких недель,
И опять не готов,
Изуродован, скомкан, конечен
Мой последний восход,
Мой последний текучий апрель:
Звуки этих шагов
Я услышу задолго до встречи.

Мне не нужно взаймы,
И тогда я просил не всерьёз,
Нас краплёная карта
С тобой навсегда повенчала,
Нет ни страха, ни тьмы,
Ни чарующих пагубных грёз,
Мне всего-то и надо –
Возможность начать всё сначала.

Сквозь небес бахрому
Продирается утренний свет,
Гаснет звёздная ртуть,
Я в последний раз вижу такое.
Знаю цену всему,
Был уже и зарыт, и отпет,
Я готов всё вернуть.
Забирай моё сердце без боя.

Бессонница

Небо покрылось корочкой инея,
Солнце к рассвету безудержно гонится.
Нас трое в квартире – я и любимая,
И третий лишний – её бессонница.

А вокруг ночь стоит такая – не понять, февраля ли, мая,
И поют нам с любимой песни ре-минорные провода.
Я лежу – и проходит время. Что наступит потом – не знаю,
Но едва новый день наступит – меня новое ждёт «когда».

Вид из окна полон трещин асфальтовых,
Несущих картину извечного хаоса.
Спешат на работу врачи и бухгалтеры,
А у меня всё глаза слипаются.

И пока я дремлю разбитый, совершая полёт орбитой,
А вокруг жизнь ключом забила, колеиста и весела –
Та бессонница будет рядом охранять мой покой небритый,
И покуда я беззащитен – оградит от любого зла.

Рай (сонет без сонета)

Увижу звёзды, яркие и малы,
Миры им заключая для игры –
Забава, фишка, выдумка, курьёз,

Кружа за рукавами близких грёз,
Вяжу лучами руки и узлы,
Их мягкий, липкий и чадающий пыл –
Ручьёв чужих кирпич – чумазый ил.

Пичуги плач – завидуй-ка, жульё! –
Вбираю, рад, – алмаз, пылай живьём,
Улыбка, рви загадку, и зари

Любимая, архаику узри:
Я, выбирая, зря из двух увлёк
Рыдающую – взгляд и блики щёк
Запру, раздумав, маками в раёк!

Сонет дамы червей

На поле боя лягут короли
И с ними войско — фоски да валеты.
Рапирой слов свой разум не коли —
Не жалуй фавориту эполета,

Пусть сердце надрывается не где-то,
А в строго обрисованной дали;
И платья с тихим шорохом легли —
Другой рубашкой ныне ты одета.

Пусть заживут сердечные укусы
И заиграет радостный фокстрот,
Ведь все в раздаче знают наперёд —

Величество, ты — каждому обуза:
В который раз игрок — юнец безусый —
Тебя с проклятьем на руку берёт.

Анархия

Ты — бесспорно лучший
Лучик среди ночи;
Никого не слушай,
Делай, что хочешь.

Благородства залежь —
Воду пить с лица.
Что ни пожелаешь —
Пусть сбывается.

Несравненный в кубе,
Торивший маршрут.
Кто тебя не любит —
Лично порешу.

Смелость с силой поровну —
Козырной задел,
Без стекла копчёного
Солнцу в глаз глядел,

Без клинка и пороха —
В сечу и в разнос,
Кожа снегом вспорота —
Выбросить пришлось.

Косточки поломаны —
Мясом в землю ляг.
Отвернётся в сторону
Милушка моя.

Все твои мечтания —
Сажа да зола,
Память нынче ранена,
Милость — не пришла.

Ты не станешь старше,
Милый эталон,
Всё равно не страшен —
Тела-то лишён.

Письмо

образ милой поэтом туземным воспет
я сперва удивился а после привык
твоё имя у них означает рассвет
представляешь насколько неточен язык

то есть это вербальный но в принципе блуд
посчитал что того захотела сама
он и видел тебя только раз пять секунд
фото три на четыре средь прочих бумаг

и отверг перед белыми давешний страх
госпожа улыбается только ему
между купчей на хижину в дальних лесах
и письмом в первобытную эту тюрму

представлялась улыбка ему и коса
больше ведь всё равно разглядеть не сумел
как он пел мне бы стоило всё записать
но хватало и прочих немедленных дел

пару дней продержался и то лишь едва
а потом был расторгнут торговый союз
он плюёт от отчаянья злые слова
и швыряется в море пригоршнями бус

мне теперь как агенту поставлена цель
и с методикой этой неплохо знаком
приглашаю невесту на пару недель
пусть увидит завистник тебя целиком

Холм

Ты поднялся на холм, и куда теперь?
Только в небо,
растворись в стратосфере, стань тонким,
как синий шёлк,
что другие потратили –
холодны и нелепы...
Что их ждут душонки?
Кто взвешен и был тяжёл?

Меж холодных звёзд развалился
твой полустанок,
ожидая, рисуй лениво
над ним круги.
Что ты знал из писем –
на практике вышло странным,
где палил огниво –
память теперь сожги.

Будто жизнь сама
обратилась в статику
(обесценю),
будто ты – за пределом грамматики и числа...
Ты спустился с холма,
и куда теперь? –
только в землю,
только в землю, которая холм этот родила.

Колокольчик-лезвие

Вопреки сценарию, замыслу, мелодике,
Тихому признанию: «Я сейчас умру»,
Колокольчик-лезвие режет звук на ломтики,
Слышим не симфонию — просто мишуру.

На такое в публике были не натасканы,
Одиночка каверзный с ними неучтив,
И осколки звонких нот падают на лацканы,
Им уже не воссоздать целостный мотив.

Колокольчик-лезвие, для чего стараешься?
Чем тебя обидели альты и басы?
Зря ты праздник превратил в час греха и хаоса,
Нет в тебе привычной нам ласки и красы.

Вся твоя мелодия — это просто пауза,
Там и слушать нечего—подтвердит любой...
Публика расходится, дирижёр стреляется,
Колокольчик-лезвие продолжает бой.

Сонет возвращения

Как знать, весна вернётся или нет?
Быть может, напоследок приходила
Лишь попрощаться, и теперь светило
Замедлит ход рассчитанный планет,
И на неё наложит свой запрет
Под резолюцией: «Давно уже всё сгнило»?

Жила себе — и тихо померла,
До крайности в исход такой не веря,
И если вдруг захочется тепла —
Придётся путешествовать в Канберру,
Цвета остались — белый, чёрный, серый,
Природа — беззастенчиво-гола.

Я полагаюсь только на молву,
Так и с тобой: вернёшься вдруг — живу.

Напутствие

Если можешь — не рождайся в эту сладостную тьму,
Здесь убьют под звуки вальса — и не скажешь, почему.

Там, где ты сейчас витаешь, только свет да тишина,
Искра сна в пустом бокале навсегда тебе верна.

Там тебе не ведом холод, страх тебя не исказил,
Ты всегда цветущ и молод, шаловлив и полон сил.

Стоит ли сюда стремиться с самых дальних берегов —
Чтоб узреть всё те же лица? Дух, ты к этому готов?

Кстати, если остаёшься с той ты стороны стекла,
Всем скажи: Земля от Солнца вам привет передала.

отрывок

и каждая стена была несущей,
и каждый угол прятал свой секрет:

под сенью ослепительного зала,
призвав к себе в свидетели панно,
внимал тому, что ты тогда сказала,
что было мне усмешкою дано,

что кончилось задолго до начала,
что жалило змеёй себя за хвост,
когда ты мягко бёдрами качала,
и думала, что я не так уж прост,

вокруг вздымались стены, гобелены
скрывали перекрёстки и ходы,
и ночь вползала вязкой чёрной пеной,
мы были отчуждённые и горды,

и всё там наполнялось этой гущей,
казалось, что системы в целом нет —

Карта

Ждёт кораблик внезапного старта,
Тешит парус прохладный борей:
У меня есть пиратская карта
С описанием древних морей.

И пускай те моря незнакомы,
А сокровища – давних валют,
И, конечно же, «ЗДЕСЬ ЕСТЬ ДРАКОНЫ»,
Где одни лишь пингвины живут –

Всё равно набираю команду
И командую якорь поднять,
Потому что иных вариантов
Не нашёл, к сожаленью, опять.

Я согласен, быть нужно постарше,
Чтобы эту начать круговерть,
Карту папе показывать страшно,
Этим взрослым – лишь дай посмотреть,

Сразу скажут: «Музейная редкость!
Детям вверить такого нельзя!»
Я им планы не дам исковеркать,
Полезайте-ка на борт, друзья.

Песня берсерка

Разобьёт боевой порядок холодной дрожи удар волной,
Пусть почёт словно соты сладок, мне положен смертельный бой.

Монолит этой сладкой злобы, в небо влитый, готовый стричь,
Пусть звучит боевой мой вопль, в сердце битвы гремящий клич,

Всех тесня, ударяюсь оземь, землю месят, бьют наугад, –
Пусть меня окружают восемь, лучше – десять таких солдат.
Был никем, но душа созрела, на морозе нашёл семь стрел,
Пусть затем не отыщут тела, что я сбросил и улетел!

Автоскрипtum

Я бы мог удержаться, забыть, свернуться,
Избежать, затаиться, стерпеть, устоять,
Не кривиться зубастой усмешкой безумца,
Не тащить из печёнки ножа рукоять,
Я бы мог позабыть, отсидеться, отвергнуть,
Не заметить, не ждать, не стремиться, не знать,
Не бежать на призывный огонь фейерверка,
Не пытаться ответить, порой невпопад,
Подождать, пока память в болоте утопит,
И стоять себе в белом, бесстрастен и строг,

Только кем бы я был, не дерзнув этот опыт
Воплотить как двенадцать рифмованных строк?

Мёртвая преданность

То, что скреплял зажим,
Что держал шуруп —
Мы освежим
Холодом наших губ.

То, чему нипочём
Свет из-под края век,
Мы разобьём
Силой далёких рек.

Если укроет грим,
Если раздастся хлёт —
Мы оживим
Волей небесных звёзд.

Если не стал своим
Скорбный тебе удел —
Мы утаим
В тысяче наших тел.

Незачем быть живьём —
Срок не такой большой,
Мы принесём
Власть над своей душой.

Если несовместим
Этот с тобой венец —
Страсть умастим
Соком своих сердец.

Молоко и коньяк

У тебя, коль хрипишь и душою размяк,
Есть два доктора лишь – молоко и коньяк,
Пусть лекарства не очень, и вместе горчат –
Но давно уже прочим не веришь врачам.

Ты глотаешь покорно и морщишься весь –
Щиплет горло шипучая тёплая смесь,
Но врачуется вдруг (не забыть про бадьян!)
И душевный недуг, и телесный изъян.

Ты лишь внешне похож на таких же, как ты,
И природная ложь заменяет бинты:
Панацея в бокале литого стекла
Никого из развалин спасти не смогла.

Что ты сделаешь, если иссякнет запас?
Умирай и воскресни – хоть прямо сейчас.
Не найти здесь зимой – на исходе призы –
Ни коровы живой, ни приличной лозы.

Живущая на воздушном шаре

Всё так глухо и просто,
Не дождёшься ни слова от пальцем прихваченных
губ,
Ни страны, ни погоста,
Вообще пейзаж на подробности очень скуп,
С высоты её роста
Твой любимый город похож на гниющий труп.

Так сладкоголоса –
Хоть пакуй её фразы по семь и пускай в печать,
Ей довольно солнца
Там, где небо прочертит аэростат,
Но тебе придётся
По второму заходу что было переиграть.

Ты раскрасил сажей
Белый снег под лимонно-жёлтой луной,
Брызг её гуаши
Достигает тебя исковерканный и больной,
Но она тебе скажет:
«Поднимайся ко мне, здесь так холодно быть одной»

Пуля

Той, что убьет, не услышу ведь, правда?
Будет немой, что воздаст сполна.
Мне – лишь одна из всего миллиарда
Строго по графику суждена.

Срежет спокойно, без гама, пыла,
С телом надёжный создаст союз.
Мало ли – сколько всего их было?
И от одной ведь не увернусь.

Разные, впрочем, возможны грани
Если удачи есть на пятак:
Может, способна кого-то ранить?
Если меня – да не будет так.

Я предпочёл бы момент – и в дамках,
В пальцах почуять кусочки льда.
Через минуту – опять атака...
Ты подтверди, не услышу, да?

Дэ

Когда ты отнимешь все буквы,
Оставь мне последнею – дэ:
С течением крайней минуты
Автограф доверю воде.

Когда ты отнимешь все краски,
Оставь мне последнею – синь,
Касаньем руки, без опаски,
В волну уходящую скинь.

Когда соберёшь ты все камни,
Не надо откладывать мне,
Исполнишь два первых желанья –
Достаточно будет вполне.

Молитва языческих капищ
Протяжным распевом течёт,
Но гласных ты вряд ли оставишь,
А дэ – это твёрдый расчёт.

Репликация

Среди проплывающих мимо наяд
Видны золотистые искры;
Моё оправдание – медленный яд,
Твоё равнодушие – быстрый.

Клинок затупился и тихо ржавел,
Добычу впустую тревожа;
Твоя восприимчивость – призрак во тьме,
Моя – обнажённая кожа.

Отрава и шпага друг другу сродни,
Как два рукава у сорочки;
Мои запятые – растрата чернил,
Твои – длинношеие точки.

Металл раскалённый тягуче-пунцов,
Ни взять, ни измерить, ни взвесить;
Твоё расщепление – восемь часов,
Моя репликация – десять.

Неправильный зимний сонет

Объясню тебе сейчас, в чём запахло:
Все рисунки на асфальте замело
И не видно, где цветы, где облака,
Где возможность лишь, а где наверняка,
Где по городу ходила босиком
Та, с которой я когда-то был знаком;
Где утраты, а где ждёт надёжный куш:
Только снег, позёмка, дыры мёртвых луж,
Ты всю осень спал, проснулся лишь сейчас –
Белизна вокруг, насколько хватит глаз.
Весь пейзаж подснежный скрылся и застыл –
Наступить на что угодно можешь ты.

Всё осталось где и было, это так,
Ну же, осторожней дли свой шаг.

Ассоциатор

Ведёт цепочку ассоциатор
Несвоевременных размышлений,
Она плетётся витиевато,
И красной жижей бежит по вене.
Себя забывший в азартном раже,
Слова он крошит в мензурке шало,
Её предела не видно даже
Тому, кто видел её начало,
Никто не знает, что там в итоге
Потом осядет в сухом остатке:
Мелькают суффиксы и предлоги,
Роятся знаки и опечатки.
Не различая беду и благо,
Весну и зиму, аврал и праздник,
Карандашами он рвёт бумагу,
Один оставшись в пустом пространстве.

Ветер

Песней своей разбивает он стёкла звонко,
Голос его – шиповник: остёр, колюч,
Ветер взрывает землю, рыхлит щебёнку
И разгоняет стаи окрестных туч.

Он агрессивен, страшен, немилосерден,
Но и пронзителен – в общем-то, неспроста:
Ветер поёт, и на этом его концерте
Нам с тобой выпали пафосные места.

Ноты выводит чётко, протяжно, гулко,
Но две минуты назад были тишь да гладь,

Кто устоит, лишь увидев твою фигурку,
Кто сможет песню громкую удержать?

Жертвоприношение

Умирать таким как ты не страшно:
Завяжи глаза чужой рубашкой
И представь: ты на руках у мамы,
Раны заросли, исчезли шрамы.
За руку возьмут, направят мягко,
Был ты гвоздь – осталась только шляпка,
Там, куда уводят эти тени,
Ни печали нет, ни осужденья.

То ли дело я – мне это чуждо,
Смерть моя – как яркая игрушка,
Хороша собой, хочу признаться,
Молода, шустра, зеленоглаза,
Мы с ней основательно знакомы,
Встретишься – передавай поклоны.

Корунд

Ты напрасно с укором свой голос мягчишь, орун,
Среди многих камней я свой выбрал давно – корунд,
Из него и точу себе имя, и этих рун
Ты не сможешь прочесть вовек:
Костью ломаной надпись царапает твой чугун,
И не надо считать, что веду её наобум –
У него есть цвета, у других камней – только цвет.
Синим пламенем крошит морскую скалу сапфир,
Красной влагой зловещей течёт под землёй рубин,
Я обучен в породе видеть цветной пунктир
И копаю, неколебим:
Даже если ногтями земную скоблю кору,
То скорее до мяса я тело своё сотру,
Удовольствуюсь чем другим.
Разве ты не видишь – я понял твою игру,
Твердокаменный херувим?

Ты – загадка не в тайных ласках, не в звуке струн,
Среди всех камней мне откроет тебя корунд,
Так маши руками, щурь глазки, открой свой ум –
Имя вот, гляди.

Защита

Ты весь мир окружала заботой,
Забывая своё естество,
Беспокоило странное что-то,
Что казалось надёжно мертво.

Это долго могло продолжаться –
Ковыряться, царапать, колоть,
И щипать под мелодию вальса
Твою нежную мягкую плоть.

Не спасёшься от этой занозы,
Не сбежишь от немого врага,
Узкоглазы и темноволосы
Те, которых укрыли снега.

Есть эпохами дареный метод –
Если с грузом массивных цепей
Ты в смолу, улыбаясь, одета,
То не щупать им шкурки твоей.

Значит, время застыть и остаться,
Своё тело отдав янтарю –
Беспокойство на кончиках пальцев
При касаньи тебе подарю.

Эмигрант

Восход над морем был так ярок,
Что светом воздух был согрет.
Попутный ветер – мой подарок,
Не обернись – вот мой завет.

Умри, терпи, затем воскресни,
Твой путь я в атласе прочту:
Плыви туда, к другим созвездьям,
От Девы к Южному Кресту,

Туда, где не было печали,
Где врут не письма, а часы,
Куда друзья твои умчали,
Кораблик с парусом косым.

От неуёмного искуса
Тори свой путь за пядью пядь,
Чтобы когда-нибудь вернуться –
И через год отплыть опять.

Что осталось мне от лета...

Что осталось мне от лета,
Кроме тишины?
Ненарушенное вето,
Облака и сны,
Аромат тяжёлых лилий,
Ров да борозда;
Сотня способов увидеть
Чёрного дрозда;
Шум за стенкой городской;
Ослепивший блиц;
Шкурки, траченные молью,
Крашенных лисиц;
Рукоять ножа из рога;
Встреча под дождём, —

Да, не так, чтоб очень много,
Но зато моё.

Память-3

Мне нечего сказать – не в том вина,
Что ты опять останешься одна
И лёд покроев внутренность жилища,
Но упустил связующую нить –
Меня бы смог лишь в этом обвинить
Тот, кто во всём мой след упрямо ищет.

К твоей издѣвке был давно готов,
В мерцании светил, среди миров
Смог различить узорчатую привязь,
Была бы воля – я бы изменил
Тот миг, когда мы на пределе сил
С готовностью друг другу подчинились.

Но с той поры осыпалось стекло,
Дороги рыжей пылью замело,
Попутчики нас бросили на марше;
Цветы теряют тонкий аромат,
Лишь их слегка к земле приклонит град –
Мы стали на одну измену старше.

Мечтается: вернуть бы счастье наше,
А истину забыть я был бы рад.

От белого до белого-2

От белого до белого — пятнадцать алых капель,
От красного до красного — бушующий поток.
От синего до синего — покрытый тиной камень,
От серого до серого — хотелось, но не смог.

От чёрного до чёрного — ещё одна петуния,
От жёлтого до жёлтого — разбито всё вокруг.
От выстрела до выстрела — секунда на раздумия,
От холода до холода — прощальное тук-тук.

От инея до инея — есть время и для пламени,
От мокрого до мокрого — растрёпан и двулик.
От не было до не было — одно воспоминание,
От заново до заново — один последний миг.

От белого до белого-2 (ремикс):

Пятнадцать алых капель —
Бушующий поток.
Покрытый тиной камень.
Хотелось, но не смог.

Ещё одна петуния,
Разбито всё вокруг.
Секунда на раздумия —
Прощальное тук-тук.

Есть время и для пламени,
Растрёпан и двулик:
Одно воспоминание,
Один последний миг.

Рыба

Плавала и мутила,
Вот — и покончим с этим.
Рыбе не хватит силы,
Рыбу затянут сети.

Рыбе в ушах звонче,
В рыбе кипят страсти.
Рыба хватает молча
Ряски пятно пастью,

Держится так упорно,
Что передаст мембрана?
«Ей поперёк горла
Думается, рано.»

Обращение

Красной линией
стекаю
в небеса.
Где ты, милая,
серёжки,
где коса?
На руке твоей
не тает снег.
Волей чьей испорчена навек?
Сам я воспарил
и невесом.
Дорогая,
что
с твоим
лицом?
Волос свит,
печати на груди.
Взгляд твой говорит — добра не жди.
Сам я помню — виноват, что не успел.
Держит плющ
опору
наших
тел.
Здесь вода
перевернулась
в красный воск.
Кто тебя такой увидел?
Босх?
Сам теперь,
застенчивый гобой,
не рискнёт
заговорить
с тобой.

Потеря-2

мысли проносятся вдаль обезумевшим яростным
шквалом
стоит глаза притворить и как будто двух лет не
бывало
я тебя слышу не хуже второго альбома пинк фloyd
я тебя помню свирепой жестокой взбесившейся
злой

мы отгуляли своё по осеннему стылому саду
перед посадкой замкнулась похоже навеки глассада
вышел отрывистым резким скрипящим последний
аккорд
ты далеко
как же ты от меня навсегда далеко

мой антифриз всё отважней ползёт по раздувшимся
венам
мой монитор хочет видеть тебя как всегда
непреренно
мой аппарат без тебя ещё замкнутым быть не
привык
ты постоялец последний безумной моей головы

мало ли что мы давно уже были в надёжной разлуке
мало ли кто был и с кем и с каким результатам
застукан
мало ли как стало ясно что больше стараться не след
мало ли где отпечатался красный скрипучий твой
след

Звезда трипхопа

Звук воздух в ключья распорол,
Застыло действие в полароид,
Звезда трипхопа смотрит в пол
И тихим голосом выводит:

«Навеселе и на краю
Стою, открыта вашим взглядам,
Я по ушам у вас спую –
А после в плейлистах осяду».

Повадка альбатроса, востребованность оникса,
импульс этот творческий свободен от причин:
В бэкстейдж ты не вернёшься, этой песней лишь
запомнишься – значит, пой лучше всех – или молчи.

Послушай, это не шугейз,
Не стоит быть такой закрытой,
Ты не одна старлетка здесь –
Искусству нужен рынок сбыта.

Наивный декоратор, простодушная распутница,
слова твои неопытны, но тем и горячи:
Ты постареешь завтра, а потом и позабудешься –
значит, пой лучше всех – или молчи.

Меж ней и вами – парапет,
Она открыта всем вопросам,
Её желание – допеть,
А зрителей не надо вовсе.

Минуты бенефиса овациями встретили, голосом
бьёшь не хрусталь – кирпичи,
Твой образ сохранится как штамп десятилетия –
значит, пой лучше всех – или молчи.

Мне приснилось сегодня...

Мне приснилось сегодня, что кровь не идёт,
И закрылись все раны, что ты мне нанёс,
Я лежу, продолжая обратный отсчёт,
И любуюсь булавками ласковых звёзд.
Восемнадцать. Семнадцать. Шестнадцать. Пятна...
Пусть под сердцем никто не заметит пятна.

Мне сегодня приснилось, что словно бы вдруг
Я попала в ловушку протянутых рук,
В тёплый ласковый плен, как в пелёнку дитя,
Но твоих среди сотен узнать не смогла,
И от ласки такой открестилась шутя —
Мне чужие касанья — лишь брызги стекла.

Сегодня мне приснилось, что ты не предавал,
Что прошлое — лишь примесь на отблесках зеркал,
Что стоило быть строже и выдержать режим,
Что лёд растаять может, а ты — не быть чужим,
Что перечёркнут косо поступок тот тобой...
Но сон остался грёзой — привет, чужая боль.

Сегодня приснилось мне — я улетаю,
Теряются числа под натиском чувств.
Не нужно ни солнца чужого, ни рая,
Лишь место, откуда к тебе не вернусь.
Двадцать девять. Одиннадцать. Семьдесят пя...
Снам давно уже стоит оставить тебя.

Невеста

Не разглядеть свечи. Такая мгла —
Пространство затерялось и пропало.
Любовь моей невесты так мала —
Не сыщешь и с огнём под одеялом,

Но говорит, что это я жесток,
И вёсла рву из тоненьких уключин...
Смогу ли ощутить тот кровоток,
Что сердцем её крохотным запущен?

Смогу ли я такой увидеть свет,
Что глаз её надменных не зажмурит?
Сквозь пелену давно ушедших лет
Пройдёт ли та струя светлей лазури?

Явилась. И, как прежде, довела
Меня до той же старенькой кровати.
Любовь моей невесты так мала —
Но одному, мне думается, хватит.

Географическое-2

по тропинке дальней себе бреду
где сквозь камни режутся камыши
непростые девицы у вас в ходу
нет у них ни голоса ни души

это даже удобно ну в смысле тишь
и никто стакан не мешает взять
только ты так печально столбом стоишь
не пытаясь даже податься вспять

то есть ты послушай а как душа
у младенца есть а у мамы нет
вот теперь мне чудится в камышах
отраженье ваших чужих планет

не позвать его не умерить плач
не держать ответ за его грехи
если мальчик стало быть он горяч
если девочка значит глаза сухи

оттого мальчишки порой грустны
у девчонок ужасы велики
а у нас желающий тишины
лично обрезает им языки

Пой (1)

В который раз подводит этот звук —
Ты зря его в припеве прилепила,
Лишь раз сыграл — и сразу же потух,
Секунда — в кляксу вылились чернила,
Пой, госпожа, о славных временах,
И пусть в глазах не отразится страх,
Но лишь огонь полночного светила.

В твоём дыханье — шёпот тысяч ласк,
В улыбке грустной — тяжесть многих знаний,
И отблеск, что покуда не погас —
Для многих путеводной свечкой станет,
Пой, госпожа, о тысяче побед,
Что обещал нам в прошлом этот свет,
Пока не встретил искру чёрной стали.

Я видел непредсказанный итог
В жучиных письменах, в полёте птицы горной,
Но объяснить, увы, его не смог —
Не нам орут победные валторны,
Спой, госпожа, что нам спасенья нет,
Исполни текст потусторонних вед
Внезапно перерезавшимся горлом.

Красный сонет (2)

Кровь госпожи — как ворох лепестков:
Железное кольцо ловить готов
Я пальцами, и чують мягкий бархат
Её желаний тайных — аромат,
Что и при жизни были нарасхват,
Остаток пламени от утлого огарка.

Припомнив эту песнь пахучих страз,
Потом ещё захочется не раз
Её по старой памяти пристукнуть,
Цветочной речью можно пренебречь,
Но не прикрыть струящуюся течь
И не сдержать потока Алой Буквы.

Мои слова! Вы — тоже лепестки;
Пущу вас в мир с разрезанной руки.

Рисунок (1)

Ей в забытьи привиделось такое —
Едва успела взять карандашом.
Оно своё потребовало вскоре,
Удар в минуту в сердце небольшом.

С тех пор она угрюмая, больная,
Но видит отдалённые миры,
И смотрит на картинку, понимая,
Что скрытое секретно до поры.

Сонет возраста (2)

Ты доживёшь до полных девяноста
Под этой обескровленной луной,
И красота забудется, как блёстка,
Что вдруг волной отброшена взрывной,

И будешь ты смотреть на вещи косо,
И будешь злобной, сморщенной, больной
Всё ждать конца (а он придёт весной),
Любить деревья (это будут сосны),

Ловить привет от самых страшных чудищ
И говорить им тёплые слова,
Пока гудит протяжно пёстрый дутьш,

Пока с деревьев облетит листва —
Раз вспомнив, ты уже не позабудешь
Того, что приключилось в двадцать два.

Отчаяние

Посреди каждодневной толщи –
Утомлённому злой жарой,
Приходилось бывать и жёстче,
Перестраиваться порой.

В этот раз опустились руки,
Тихо в ножнах ржавеет сталь,
Пусть другие танцуют буги,
Мне не справиться, как ни жаль.

Ощущаю продрогшей кожей:
Случай выпал и вправду злой,
И клинок покидает ножны,
Чтобы всё разрешить собой.

Сероглазой промозглой ночью
Ожидая свою зарю,
Умоляю: прости мне, Отче,
Я не ведаю, что творю.

Хлыст

Ирине

В твоих тяжёлых косах – увесистые гребни,
В твоём зовущем взгляде – всевидящая властность,
Влечение и гордость в твоём холёном теле,
Отчаянные песни в птенцах твоих горластых,

В твоих нездешних фразах – презрение и тайна,
В груди твоей широкой – груз сладких обещаний,
Невнятица и страхи в душе твоей бескрайней,
Престранные детали в красе твоей фазаньей,

В твоих призывных песнях таится амнезия,
В твоей усталой позе – повадка горносталя,
В твоём хрустальном шаре – все силы и стихии,
И я покоюсь мирно у ног твоих, родная.

Война

— Жанна, Жанна, где твой поясок?

Задрожала, встала на носок,
Ищет утешения в мольбе,
Мчится прочь в удушливом купе,
Где был пояс – платье разошлось,
Было слово – оказалась ложь,
Где играли дети во дворах,
Нынче запустение и страх,
Голубая кровь – как кюрасо,
Тени укрывают горизонт,
Заползёт под пальчики игла –
Дочка распоясанной пришла.

— Жанна, Жанна, где твой поясок?

— Отобрали, папа. Мир жесток.

Сонет разочарования

Слабеет еле слышимый напев,
Мечта была бесплотна, но крылата,

Сгубило песню скверное вибрато,
Как время истончает барельеф —
Всё сущее на тление заклято,

И не спасает твой весёлый блеф,
Самой себе признаться в этом надо:
Была не дамой, а десяткой треф.

И вот, от ожидания ослабев,
Ты пишешь письма, но без адресата
С небес – но это, впрочем, не тебе —

Раздастся громогласное стаккато...
И самым дорогим в твоей судьбе
Стал тот, кто лишь использовал когда-то.

Прорицатель

В искупление многих моих утрат
Дан зрачок чтеца и висок седой,
Прочитал по звёздам я: Китеж-град,
Прочитал по воздуху: под водой.

Мир теперь – как книга со всех сторон,
Дымчатый кристалл, голубой опал,
Это рыбы пели мне: Вавилон,
А морские гады: недавно пал.

Не спросили, как мне такой рефрен,
Что я вижу в тайном сплетенье фраз,
Мне младенцы грезили: Карфаген
Добавляя тихо: неровен час.

Лишь не слышно мнений про Третий Рим,
Виден только сумрак и тайный страх,
И молчат все про Иерусалим,
Словно правды нет в этих городах.

Сонет масштаба

мне искушение больше не указ
к нему теперь едва лишь пригляжусь
как вижу пламя вместо милых глаз
и слышу гром где прежде слышал пульс

где волосы мне виден только лес
где кашель различаются стихи
так образ что на сердце был исчез
он заменён на буйство всех стихий

приходится вслепую мне гадать
что значат метеор и водопад
что время повернуть сумело вспять
предположенья часто не попад

я был тобой настолько увлечён
что все масштабы стали нипочём

Васильки

Пусть я пойти на многое готов —
Ты равнодушна (в общем-то — за дело),
И искренность таких желанных слов
Твой взгляд смягчить покуда не сумела,
Но стало мне известно: красота,
Что ценишь ты — не каждому видна.

Не стану приглашать тебя на бал,
Что всем желанно — над тобой не властно,
И васильки, что я тебе собрал,
Собой заполнят время и пространство,
Захватят мир своею синевою,
Лишь выпьем молока — и я весь твой.

Казалось бы — невзрачные цветы,
Брызг кобальта по стенке ярко-жёлтой,
Но именно за то их любишь ты,
Без пафоса, без блеска и без помпы.
Унять бы неуверенности дрожь!
Букет обычен — этим и хорош.

Ящик с игрушками

Искрит рубиновый твой локон
и завлекает высота:
в такую ночь не нужно окон –
уравновешены цвета

снаружи и внутри чулана,
с изнанки и с лица всех мест.
Сон – опоздал, проснуться – рано,
уместен только этот блеск.

А к небесам вознёся стержень
(надёжен, но аляповат),
и равновесия не держит
приятель общий, акробат.

Но серебро ему наградой
за то, что на асфальт прилёт:
в такую ночь чем чаще падай –
тем звонче будет кошелёк.

К тебе влечёт простая жажда,
и пусть уже не молода,
ночь может кончиться однажды,
мы посчитаемся тогда.

Бессонница-2

Бессонница не ведает преград —
Случится при любом исходе дела,
Не возымеет силы шоколад,
Она в тебе знакомца разглядела,
Известного уже по сотне встреч,
И вновь спешит (ей кажется — развлечь).

Шутя твою защиту поборов,
Тебе сыграет (жалобное) престо,
И мерный ход сосчитанных часов
Подарит лишь досаду — без протеста;
К чему из глаз вытряхивать пшено?
Ведь всё уже бескровно решено.

При этом, репутацию ценя,
Смекает, что кураж ненаказуем;
Заполучив тебя на склоне дня,
Не дарит и единым поцелуем,
И ты готов (подумав) рассмотреть
Альтернативу — свадьба или смерть.

Но вновь рассвет — концу свиданья рад,
И страсть уже как будто охладела...
Бессонница не ведает преград —
Случится при любом исходе дела.

Жертва

Путь домой от фабрики так долог,
Но её шаги всегда упруги,
Говорят, она фанатка похоронок —
Собрала уже четыре штуки:

Мужа, брата, сына, снова мужа,
Люди называют её баньши,
А в каморке с плесенью и стужей
Кончились родные — что же дальше?

Ввалится лицо; немее лоно
(зря сейчас оскалится, начальник!)
Тихо поджидает почтальона —
Может, кто сподобился из дальних.

Ужин — каша и спина минтая,
В ситец обескровленный одета...
Говорят ещё — цена такая,
Ей одной платить за всю победу.

ИНТЕРМЕДИЯ

интермедия

воздуха меньше от дерева к меди
пару раз дунуть уйти неузнанным
это всего только интермедия
место для паузы между музами

смутный оазис предвечного хаоса
сгусток смолы в удивлённом мякише
это та точка где не встречаются
позавчерашний ты с послезавтрашним

лишь замороженный стойкий теперешний
что-то отметишь сквозь бред нашаманили
это не то что нашепчешь девушке
ни при интимах ни на совещании

здесь не бывает весны и лета и
осень с весной нескоро высунутся
это всего только интермедия
пара словечек за гранью дискурса

Я напишу тебе верлибр...

Я напишу тебе верлибр
на белом краешке листа,
ты сможешь умилиться – либо
понять, что жизнь была проста;

в чёрной радужке твоих глаз мне видится
пульсация космоса,
в чуть заметных искорках – вспышки сверхновых,
в мутной слепой плёнке – модель Млечного Пути,
я не чувствую в них одного – жизни,
зато ощущаю притяжение этих чёрных дыр,
банально, но именно так жертву влечёт к хищнику.

Нам нет тепла под одеялом,
покоя в вечной мерзлоте,
не удовлетвориться малым
тому, кто жив, но пустотел.

Вспоминаю тот день, когда мы встретились впервые –
просто материализовалась у меня на кухне,
как будто на протяжении лет семи варила там кофе,
всегда в одно и то же время,
и мой мозг с этим впечатлением не спорил,
«Ты чем-то недоволен, – сказал он мне, –
вот сам и спорь».

Ты декорируешь цветами,
когда я сплю, весь этот дом,
снаружи – блеск, под маской – камень,
сначала – боль, удар – потом.

Точно знаю, что однажды поутру не обнаружу тебя
рядом:
ни твоего холодного тела,
ни твоих космических глаз,
ни запаха твоего кофе.
иногда думаю: скорее бы уже.
иногда понимаю, что это будет конец всему.

Кстати: прошлой ночью, пока ты спала, заходила твоя
сестра
(у неё глаза из чистого света, а тело горячее, как
землеройка) –
и мы с ней очень неплохо провели время,
очень неплохо.

Революция

Все мои дни
проходят совершенно одинаково:
бреюсь, наскоро пью суррогатный кофе,
поднимаю воротник и иду на службу —
под одним и тем же моросящим дождём.

Никаких выходных мне не положено:
из-за ошибки в работе центрального процессора
(слишком незначительной, чтобы начальство
вызывало ремонтников)
этот дождь и этот вторник
будут продолжаться вечно —
до следующей перезагрузки.

Сама работа (читатель уже догадался)
тоже не радует разнообразием —
одни и те же бланки, отчёты, служебки.

Казалось бы,
чего ради стоит жить такую жизнь?

Но я не ропщу,
вот моя награда:
каждый день, вернувшись домой,
я вижу в постели — тебя,
в ажурных чулках,
красном корсете,
кожаных перчатках,
и ни в чём больше,
зовущую, манящую, как амазонка с картины
Делакруа.

Ты ведь — тоже часть этой ошибки,
не заметной в мире никому, кроме меня:
за отпущенные сутки я так никого
и не смог убедить
перезагрузить чёртв процессор,
хотя и пытался это сделать не менее трёхсот раз.

Зато — каждый день меня ждёт
одна и та же
маленькая революция!

Я обязательно думаю:
как хорошо,
что тебе было за что просить прощения.

Падаю в твои объятия,
утомляюсь и вновь набираюсь сил,
начинаю как эксплуататор,
а к полуночи я — уже угнетённый класс!

Потом, высушенный окончательно,
засыпаю, уткнувшись в твою тёплую ключицу,
чувствуя себя раз за разом
одним и тем же
Троцким.

Семьдесят третий

Всё, что тебя окружает –
вывески, улицы, техника, люди –
на самом деле ненастоящее.

Мысль, конечно, не нова,
но ты ведь и сам давно уже обо всём догадывался:
вывески лгут,
улицы расположены контринтуитивно,
техника работает на принципах, которых не
понимаешь,
с людьми и так всё ясно.

Окружающий мир – всего лишь декорация,
и выстроил её ты сам,
почтенный любитель научной (и не очень)
фантастики.

А в действительности
ты всё так же в семьдесят третьем
спишь на этом скучном заседании
сельхозтреста;
присутствующие, переглянувшись, условились – не
будить,
а записать тебя по всем вопросам повестки дня
воздержавшимся.

Карнавал

Полосы разноцветного конфетти,
мишура из хлопущки, и смешной «средневековый»
костюм
скрывают истинный облик гостя на этом карнавале
—
клыки, когти, шипы, чешую.

Не для того разве придуманы подобные празднества,
чтобы истинный страх мог ходить среди людей
неузнанным?

Сегодня он не пугает до обморока ваших кошек,
не портит в колодцах воду, не украшает плесенью
запасы зерна,
не перетирает тайком волоски на смычках
скрипачей-виртуозов —
разве это само по себе не повод к веселью?

Для него самого это, впрочем, тяжёлый труд —
на целый день отказаться от любимого дела.

В следующий раз, когда случится выходной
(он надеется, не раньше, чем лет через десять-
двенадцать),
упомянутые в начале этого текста конфетти, мишура
и костюм
станут уже частью его упомянутого там же истинного
облика,

а когти, чешуя, клыки и шипы — бутафорской
маскировкой,
он считает, что это — отличная идея.

Выпив малинового лимонада, он почти забывает,
зачем здесь находится,
но укол ножа под ребром и избавление от кошелька
быстро напоминают:
очевидно, он — подсадная кукла.

Люди всё те же — за версту чуют не умеющего
постоять за себя чужака,
завтра у вас опять будут портиться зерно и вода.

А вот кошек он не будет трогать ещё по крайней
мере неделю —
уж очень вкусен был лимонад.

незабывайка

должен сказать,
что ни одно материальное свидетельство
твоего существования –
ни засохший рогоз в вазочке на антресолях,
ни квартира на садовом,
ни пара совместно организованных детей,
ни зубная щётка, которую никак не соберусь
выбросить,
ни фотографии в телефоне –

не идёт ни в какое сравнение
с твоим любимым битом:
сто двадцать пять ударов в минуту.

я ещё неуклюже шутил,
что, должно быть, тебя на сельской дискотеке
лошадь копытом ударила
за ухом
в середине девяностых.

ну так вот, стоит случайно услышать это идиотское
тынц-тынц –
и представляю тебя,
в чёрном платье с пряжкой,
с роскошной заколкой (скрывающей след от
копыта?),
пьющую третий за вечер лонг-айленд
без каких-либо дальнейших последствий.

как ни стараюсь, но добиться того же ритма в своих
текстах
никак не удаётся:

возможно, дело тут в форме,
возможно, дело тут в содержании,
возможно, дело тут в том, что не так и стараюсь, на
самом-то деле,

а возможно, чувствую, что там, где ты сейчас
находишься,
все любят вальс,
и вряд ли ты стала исключением,

а уж вальс-то я исполнить умею.

Призрак

На месте серой пустоши когда-то стоял красавец-город:
Шпили на башнях, вечная суета, надёжная крепостная стена.
Ныне его названия не сохранила ни память людей, ни книги,
ни карты,
Но дух последнего из жителей (тоже безымянного) иногда
песней напоминает о себе:

*Не покидай меня, любимая, не оставляй меня, молю,
Меж звёзд мы будем пилигримами блистать, подобны хрусталю.
В твоё предательство не верю я, печаль сгорит в огне горнил,
Пусть сроки все давно отмерены – рассвет ещё не наступил.*

Катастрофа застала его в тот момент, как он шёл на смелое
ночное свидание:

«Будь что будет, — думал он, — а я сделаю что должно».

Юное сердце было таким горячим, что не остыло, даже
перестав биться.

Неизвестно, услышит ли девушка его мольбу — да и вопрос этот
задать некому.

*Не оставляй меня, любимая, есть полчаса ещё для ласк,
Здесь тишина подобна инею, и ничего душе не даст;
Она, молчаньем искалечена, не повернёт движенье вспять,
Сквозь пыль времён холодным вечером могу я только вспоминать.*

**— Милый, меня той ночью ты не назвал женой:
Был бы союз наш мёртвым, ныне же он — живой.**

**Кто я тебе — невеста или давно вдова?
Время давно оставить нам надоевший пост:**

**Я для тебя надену лучшие кружева,
Я для тебя расту в блеске рассветных звёзд.**

Фэнтезийная география

На далёком красном континенте — который, как говорят, стоит на клыках и бивнях вымерших подземных исполинов — когда-то они держали его на себе, не давая провалиться в магму, старались изо всех сил, и ныне продолжают делать это уже мёртвые —

на том континенте есть такая страна, по законам которой выращивающий синие цветы приравнивается к вору, и должен отработать на общественных полях неделю за каждый такой цветок,

при этом тамошние девицы на выданье ценят именно синие венки

(считается, что как раз красоту этих девиц и крадёт цветовод);

а ещё в той стране однажды правили подряд тридцать семь монархов

с одним (очень длинным) именем на всех,

так, что каждому досталось лишь по две буквы,

и когда имя кончилось — династия прервалась,

и королевский дворец занесло безжалостным розовым песком.

В этой стране есть город, возвышающийся прямо посреди озера,

безо всякой опоры, свободно колеблемый волнами, —

город, где живут звездочёты, наблюдающие за небом

и рассылающие отчёты в самые отдалённые уголки мира,

у атмосферы над городом очень выгодная рефракция,

возникающая из-за разницы плотности слоёв воздуха —

отголосок позапрошлой магической войны.

На берегу того озера стоят деревеньки с крестьянами — надо же господам звездочётам что-то есть!

Население деревенок выращивает: корешки в форме фруктов, гигантские кислые ягоды и четвероногих птиц, навоз которых идеально подходит для подкормки синих цветов (его доставляют оттуда желающим контрабандой).

На окраине одного из таких поселений,
недалеко от хрустальной шахты,
стоит домик моего приятеля — парнишки в прочих
отношениях ничем не примечательного.

ВЕНОК НЕПРАВИЛЬНЫХ СОНЕТОВ

Магистрал (Сонет чтения)

Иные вещи нужно брать с листа,
Их чтение приравнено к дуэли,
Искрит в огне сухая береста,
В которой предки мудрость лицеизрели,

Торопится к полудню часослов,
Сокрыты вавилонские таблицы,
Таят деревья рукопись стволов,
И истина не против отвориться,

Но нет ума, способного найти
Урока цель, что был когда-то дан,
И предпочесть законы экзерсисам,

И мысли умирают взаперти,
Как будто кем-то был грядущий план
Подробно и давно уже расписан.

1.

Иные вещи нужно брать с листа,
На слух не уловить порой нюансов,
Унять дрожанье рук, считать до ста,
Узнав, что этот лист не одноразов,

Что в будущем вернуться предстоит
К его пробелам, точкам, заголовку –
К себе тебя притянет, как магнит,
И опояшет шупальцами ловко.

И тут уже сражение – кто кого,
Кому провал, кому золотая высь,
Раз вы сквозь время встретиться сумели,

Послушайся совета моего:
Мой друг, ты этих книг поберегись –
Их чтение приравнено к дуэли.

2.

Их чтение приравнено к дуэли,
А написание – картель,
Порой годами еле слышно тлели,
Меняя кегль.

Утратив свой почтенный первообраз,
Молчат во тьме они сейчас,
К прочтению потомками готовясь,
Сменив окрас.

Бывает долгим это ожиданье,
И радуются каждому намёку,
На то, что их оплачены счета,

И вздрагивает каждый временами,
Когда внезапно, но неподалёку
Искрит в огне сухая береста.

3.

Искрит в огне сухая береста,
Поёт стило при тусклом этом свете,
Он входит в роль. Мораль её проста –
Перед великими благоговейте.

Великого он пишет не с себя –
С того, кто пьесу купит без раздумий,
И пусть его ничем не оскорбят
Черты не стали, а скорей латуни.

Ему не нужно памяти в веках,
Хватило бы на перья и постой,
На новую мелодию свирели;

Но всё же пишет будто свысока,
И дела нет до истины простой,
В которой предки мудрость лицезрели.

4.

В которой предки мудрость лицезрели –
Таких уж нет, иные родились,
Иные родники, иные трели,
Другая жизнь.

И те, что предначертаны потомкам,
Пусть тяжек и почётен этот труд,
Как ни были бы радостны и тонки –
Но пропадут.

Отсчёта точка – бусина на чётках,
Ей поверяют мили и сажени,
Тьму подземелий, отблеск куполов,

Ведь слышно, как уверенно и чётко,
Не в силах прекратить своё служенье,
Торопится к полудню часослов.

5.

Торопится к полудню часослов,
Спешит успеть, нарушив строй молитвы,
Поверх в смиренье склоненных голов,
Минуя чьей-то веры переливы.

А мог бы соблюсти привычный строй,
Явить давно обещанное чудо...
Но он летит отравленной стрелой,
Поломано перо, свеча задута.

Среди людей забавы ищет бес,
Вопит и пляшет, время замыкая,
Его призыв – сигнал для чаровницы,

И в глубине отвергнутых чудес,
Где пепел, пыль веков, труха сухая,
Сокрыты вавилонские таблицы.

6.

Сокрыты вавилонские таблицы,
Таится мудрость в мутной глубине,
Когда-то ожиданье прекратится –
И станет правда с ложью наравне.

До этих пор я льну ко лжи как к мёду,
Купаюсь, растворяюсь и тону,
Лишь уголки нетронутой природы
Порой мне дарят сон и тишину.

Пугаю книги немощью и астмой,
И пусть твердят, что этот путь запрещен,
Отправиться всегда туда готов,

Где, лапой не затронутые властной,
Массивные, держа себя в секрете,
Таят деревья рукопись стволов.

7.

Таят деревья рукопись стволов,
Скрывают под корой упрямо руны,
И я, одежду эту распоров,
Считал себя любимчиком фортуны.

Там было откровение небес
В зелёных перламутровых потёках,
Как будто предок в этот день воскрес
И снизошёл до нас со звёзд далёких.

Чего искал, в момент один постиг,
Пусть даже был с находкою жесток,
Хранит надёжно важное тряпица;

Кто ищет, не сдаваясь ни на миг,
Тому не воспротивится поток,
И истина не против отвориться.

8.

И истина не против отвориться,
И ложь себя не думает скрывать,
Одни и те же знаки на страницах,
Одна и та же подпись и печать,

Не различить ни дуемою, ни сердцем –
Затуплен меч и бесполезен щит.
На что бы ты в расчётах ни оперся,
Ничто сомнений этих не решит,

Не охладит запала буйной страсти,
Не прекратит насилия на бойнях,
Не сделает единым ассорти,

И без тебя дерзали слишком часто:
Её искало множество достойных,
Но нет ума, способного найти.

9.

Но нет ума, способного найти,
Нет сердца, что в себя вместить сумело,
Того, что и не кроется почти
В узоре из травы и мела,

Средь очевидных каждому констант,
Полезных мыслей, хитреньких задумок,
Себя зашил в нелепый фолиант
Никем не узанный рисунок.

Его устройство так давно мертво,
Что даже позабылась эта плата,
Как век назад прошедший ураган,

Но вот не проникает естество –
Так сможет ли открыться нам когда-то
Урока цель, что был когда-то дан?

10.

Урока цель, что был когда-то дан,
Была такой – молчите и внимайте.
Но каждому воздастся по трудам,
К примеру, каждой вере – по стигмату.

Нравоучений тягостный напев
Разносится москитами повсюду,
И вот мы замолчали, очерстнев,
Готовые ко тьме и к Абсолюту.

Нас слышат равнодушные века,
И правда разливается сырой,
И черепами ход времён унизан,

Но если цель наивна и тонка,
Придётся знаний рушить хрупкий строй
И предпочесть законы экзерсисам.

11.

И предпочесть законы экзерсисам,
И радуго увидеть на луне,
Дано тому, кто гладок и прилизан –
Не мне.

Я с юных лет всё движусь по спирали,
Осознаю себя за пядью пядь,
Мои печали вам дано едва ли
Понять.

Мне пели песни лилии и сныть,
Своей рукой отскрёб пятно от Солнца,
И звёзды сыпал в небо из горсти,

Но стоит лишь глаза порой закрыть,
Как что-то изнутри о череп бьётся,
И мысли умирают взаперти.

12.

...И мысли умирают взаперти,
Как жалкий позабытый алкоголик,
Оставь надежду. Вот твои культги,
Вот книга романтических буколик.

Тебя не позовут на эпилог,
Твои слова упали сразу в воду.
Пока ты сыт, тебе ещё тепло,
Но лишь пока. И ходу, братцы, ходу.

Но пусть на завтра ждёт тебя нокаут,
И кровью сладкой, между пальцев липкой
Ты всё вокруг поделишь пополам,

Но всё вокруг внезапно замолкает,
Составлен с грамматической ошибкой
Как будто кем-то был грядущий план.

13.

Как будто кем-то был грядущий план,
Измерен, взвешен, радостно составлен!
И пальцы по накрученным узлам
Ползут и правят радостно детали,

И ловят уши каждый малый чих,
И радостно дают ему оценку.
Лишь тот, кто знает многое, затих,
Не слышно и движенья из застенка.

И я кричу, не слышимый совсем:
Не стоит торопить событий ход!
Воздайте всё, что должно, фронтисписам,

Тем более, что он, известно всем,
А многим – так и вовсе наперёд,
Подробно и давно уже расписан.

14.

Подробно и давно уже расписан,
Составлен, утверждён и уточнён
План действий в отношении дефиса,
Не катаньем, так, стало быть, мытьём.

От радости совсем до точки тая,
Ничтожность отправляется на взлёт:
Какая-то, простите, запятая
Мнит о себе и ходу не даёт.

Щебечут соловьи, цветут левкой,
А ты устал под гнётом этой ноши,
Но между тем изнанка-то проста:

Каких бы предков ты не беспокоил,
Их голос не во всём тебе поможет –
Иные вещи нужно брать с листа.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ВОСЬМИСТИШИЙ

Явление

Пусть жизнь уже на середине,
Рутина выдаст оборот –
Среди разгула звёздных линий
К порогу милый снизойдёт.

Он будет на коне крылатом,
В набриолиненном венце,
И в разговор отборным матом
Печальный заведёт фальцет.

Поучение

Коль в сути ученья сомненья остались,
К источнику выйди сперва,
Там встретит тебя серебрящийся старец,
Расскажет секрет мастерства:

«Слова – неужели чего-то да значат?
Дешевле сухих орхидей!» –
И чаю заварит на самой прозрачной
Холодной кастальской воде.

Вдохновение

Пейзаж был писан будто тушью;
Река в пески влекла струю,
Раздался голос равнодушный:
«Сейчас талантом наделю».

Тот убежал, кто был проворней,
Меня же оторопь взяла,
И вот – пою скрипучим горлом
Сухие, острые слова.

Очарование

Я с музой свёл чарующие шашни
И результат шепчу карандашу,
Затворником живу в высокой башне,
Задумчивые строки там пишу.

Зайдёт, призывно косы распуская,
В прозрачности подобна янтарю...
Мне тело милой – тоже мастерская:
И языком, и пальцами творю.

Неумение

Призвание моё утопили чернила
(я знаю, что начал не слишком научно),
Полтысячи лет (как и прошено было)
Учусь комбинировать знаки в созвучья.

Пусть старый учитель надменно кривится –
Хвалу заслужить и не буду пытаться:
Я так и не видел над пропастью птицу,
Я так и не понял красот ассонанса.

Соблюдение

Я тебя не покину, что бы там
Ни ерошилось сердце дочкино,
Обещала – сочтёмся золотом,
Оказалось, что – уголёчками;

Но и в их переливах радужных
Остаёшься строга, запальчива.
Ты получишь блестящих камушков –
Подставляй-ка тугие пальчики.

Пародирование

Ты был совсем не так уж прост,
Но скручен пагубно и ловко,
Из всех путей закрыть вопрос
Тебе осталась лишь издёвка.

Слова изящны и легки,
Как пятизвёздочное пойло,
Но покалеченной строки
Уйдёт ли зрелище спокойно?

Воспоминание

Вы всё смотрите – будто не знаете,
Что себя ежечасно корю:
Не сберёг ни улыбки, ни памяти,
Записал только песню твою.

Как скривилась – не очень-то вежливо!
В том едины расчёт и просчёт:
Эта песня струится по-прежнему,
И меня она переживёт.

Оставление

Не торопись собрать рюкзак,
Начисти панцирь.
Ведь муза может опоздать
К тебе на танцы.

Она влечётся, как лоза,
К другим поэтам –
Ты вряд ли сможешь отказать
Ей даже в этом.

Оспаривание

Ты начал неплохо, теперь не смолчи,
И будь не расчётлив – спонтанен.
Эмоции – это всего лишь ключи
К загадочной маленькой тайне.

А эти слова – неприличный нарост,
Торчат, возмутительно-хмуры:
Протест против солнца, протест против звёзд,
Протест против литературы.

Сотворение

Свою позицию упрочь –
Листы ещё чисты,
Взаимы возьмём мы эту ночь
У вечной темноты.

Чтоб снова спотыкался стих
И этот час хранил,
Мы выпьем с музой на двоих
Бутылочку чернил.

Упрощение

Спасенья ищешь в эпатаже,
Лишь чуть плетётся твой болид.
Твоё чутьё остро всё так же,
«Ты упростился» – говорит.

Но публика как прежде рада,
И ты под щебеты гитар
Свой мусор выдаёшь за правду –
Лежалый, порченный товар.

Отождествление

Ты внезапно тогда нагрянула
В перекрёстке простых сует,
Пьяный принял меня за пьяного –
Будто общий у нас секрет.

И по чувству сошлись, и норовом,
Ход строки стал теперь прямой,
Мёртвый принял меня за мёртвого –
И всё ходит теперь за мной.

Нахождение

Я отыскал в паутине моргания
То, чем доволен вполне –
Самое лучшее, самое главное,
Самое нужное мне.

Но отошёл от обиднейшей привязи,
Бывшая стрекоза.
Чтобы ещё раз такое же выразить,
Мне не нужны глаза.

Девочка со спичками

девочка со спичками,
как всем известно,
исполняла свои желания, переводя товар впустую —
в счёт будущих отцовских побоев.
впрочем, отец был вовсе не так жесток, как ей
думалось —
оттого и желания её сбывались понарошку.

тепла первой спички она почти не почувствовала,
да и желание было простенькое —
оказаться у печки в тепле.

ирония ситуации оказалась в том,
что это была печка из другой сказки —
«гуси-лебеди»,
и пирожков в ней уже не было,
их все съела более удачливая героиня.

Песенка печки

Порядок действий твой – опасный,
Вокруг предпраздничная мгла...
Такой пейзаж под снежной маской
Определить ты не смогла,

Но угадала основное:
Добро даётся нам в кредит...
Тепло моё не успокоит,
А сердце лишь разбередит.

вторая спичка далась много легче первой,
и девочке явился гусь с черносливом на богатом
новогоднем столе,

юмор заключался в том,
что он прекрасно пел,
невзирая на отсутствие (или негодность)
критически важных для этого органов.

Куплеты гуся

Вам ошибка такая знакома?
Ваш покорный попался впросак!
Мне не стоило бегать из дома —
Я попал в аккурат под тесак.

Но печальные мысли отрину
О больной стороне естества:
Бог для каждого точит кончину,
Для него все мы — просто еда.

после третьей спички явилась ёлка:
не получив ни тепла, ни еды,
девочка захотела не получить ещё и праздника.

комизм такого желания очевиден.

Заговор ёлки

Красавица, знай, что я детям не буду служить,
Покорно играть, запираясь в ловушку из лжи,
Сгибаются руки под весом стальной мишуры,
Вас было немного, и все остальные – мертвы.

Звезда на макушке заменит мне тысячи звёзд,
И смысл такого доступен, хотя и не прост.
Ты там, где не встретит уже никакой выходной,
И зря испугалась сегодня вернуться домой.

четвёртая спичка подарила девочке
«возвращение» близкого человека –
бабушки.

Весьма саркастично, что так никто и не знает –
обладают ли такие фантомы собственной волей,
или же просто следуют
однажды заложенному алгоритму.

ДИАНИН БЛОКНОТ (поэза в шести взглядах, с приложениями)

Пролог

Желаний смутных слышу голоса —
Лишь утром выхожу во двор, боса,
Не могут дать покоя ни минуты.
Чиню перо, заброшены дела —
Покуда дрожь в руке не уняла,
Огонь чернил растопит эти пути.

Блокнот от этих слов давно раздут,
Да что ему ответить, негодяю?
Один лишь раз мне исподволь шепнут —
А я на шесть ладов вам повторяю.

Взгляд первый

Навсегда оставайся таким, как сегодня,
Чтобы в сердце вовек пребывала весна,
Мне улыбка твоя — как награда Господня
За минуты, что счастья была лишена.

Мне объятья твои — что волнующий парус,
Поцелуй — след звезды, что уже отмерцал.
Замолчу вдруг, рукой непослушной касаясь
Так давно ожидавшего это лица.

Взгляд второй

что бы ни случилось я такая
расскажу без фарса и вранья
лучше волчья пагубная стая
чем одна обиженная я

не декоративная ведь краля
не батончик сладкий пралине
вскладчину гадюки собирали
яд для сотни весь достался мне

как бы ни сложилось ты запомни
то что было это насовсем
камешки таскать с каменоломни
проще чем смарагд для диадем

нам с тобой знакомые не рады
говорят не выглядим четой
но не отличаемся от правды
острой исковерканной литой

Взгляд третий

Вот уж неделю как мне не очень, разум мой
выключен, обесточен, и запломбирован тёмным
твоим свинцом. Силы, что верно, найти бы надо —
или сходить на концерт эстрады, или в забавный
выкрасить свет лицо, или украсть в магазине кило
сосисок, или с прохожим на крыше встречать
рассвет — дел очень много, но даже в примерный
список не попадёт столь желанный наш тет-а-тет. А
ведь хотела тебя — как кошка, как хочет солнца побег
горошка, как хочет влаги просыпавшаяся соль. Не
получилось, опять не вышло, лягу Офелией (пусть не
пышно) — как уплыву, снова косточки измусоль.

Взгляд внеочередной

С персоналом был довольно мил,
Что-то про депрессию шутил.

В кабинете номер тридцать два
Кончились весёлые слова.

Взгляд четвёртый

Вьётся разлуки нить.
Время давно остыть.
Я забываю послушно всё то, что было,
лейтесь впустую, предательские чернила —
то, что планета вращение завершила,
вы забыли мне сообщить.

Пусть разойдутся швы.
Надо же, как черствы —
лишь промолчали (надеялись — не замечу?)
Что же, я срикошечу,
про эту чужую встречу
сообщить мне забыли вы.

Переломаю крылья.
Корчусь в дорожной пыли.
Не ожидайте, что выкажу я испуг,
сколько бы ни было в прошлом от вас услуг,
только о том, что закончилось чувство вдруг,
мне сообщить забыли.

Взгляд пятый

Огонь свечи ладонью заслоню
От ветра и дождя с жестоким градом.
Попасть хотела просто в колею,
Но оказалось: этого не надо.

Храню тепло я, стоя на краю,
Как тайну нерождённого — цикада,
Штрихи невоплощённого уклада
Не бередают теперь семью мою.

Но жирандоль пока что не разбит,
И кажется: из-под могильных плит
Свечение её разносит алым,

Теперь в жилище углом, обветшалом
Свеча моя пока ещё горит,
Ни тьмой не одаряя, ни пожаром.

Взгляд первый (реприза)

Ты не смог таким остаться навсегда,
Как просила глупенькая я.

Пусть нелепо — я ещё горда,
Ухожу, обиду затая.

Проще выпить море из горсти,
Чем с тобой вернуться к шалашу.

Что сказала — ты меня прости,
Чем богата — в слинге уношу.

Взгляд шестой

Разорвана на части. Унёс меня поток.
Что делать, если счастья развязан узелок?
С ухмылкой павиана ты потянул края —
Твоей была Диана, но больше не твоя.

Уйми свою икоту, сосчитан уж предел,
Ты пыжился, и вот уж — убить меня сумел.
Течёт вода из крана, уплачена цена,
Твоей была Диана, но больше — не она.

И в заморозках мая листай мою тетрадь,
Она — смотри! — такая, как ты не смел мечтать,
На платье два волана, и скачет во всю прыть,
Твоей была Диана, но больше ей не быть.

Стал много чище воздух, что подтвердит любой,
Я так хотела просто счастливой быть с тобой.
А получилось странно (цветущие плющи) —
Твоей была Диана, но больше не ищи.

Кода

...вот и вернулась из этих сердечных странствий,
Как и сказала — всё так же горит мой свет.
Это всего лишь неправильное лекарство —
В меру горчит, только вот улучшений нет.

Пусть даже скажете — этот сюжет банален,
Стиль мой осудите, в прах его раздробя,
Это всего лишь было тогда не с вами,
Вряд ли вы это скажете про себя.

Лишь на минуту увидите меня двулицей,
Одновременно – в глуши и среди эмпирей...
Это всего лишь только роман с горчицей,
Публика нынче не любит, что поострей.

app.1

Литератор N – Диане

Как ночью июльской пряно!
Всё тихо и дремлет тут.
Не спит лишь моя Диана –
Лирический гложет зуд.

Она в колдовской забаве
Отнюдь не устроит врак –
Лишь карандашом поправит
Всё то, что идёт не так:

Подарит влюблённым время,
Ундине – порыв волны,
Пulsацию крови – вене,
Даст сказок – кому нужны,

Голодному – алых вишен,
Бессмертному – сламсудаск...
Лишь мне, кто её опишет,
Она ничего не даст:

Ни губ, в полусонье пьяных,
Ни нот полночных шума...
Ты снова не спишь, Диана.
Я вновь о тебе пишу.

арр.2

Сонет Павлина — Диане

Павлинья жизнь – красива, но проста,
Качается по старой амплитуде,
Но нынче в сердце мне застряла та,
Чьи стрелы – смерть, и в пёрышки обуты,

К ней тянется мой клю... мои уста!
Я весь в мольбе о тайне и о чуде!
Пусть будет путь извилист, многотруден,
Искать его я вовсе не устал.

Пою осанну в день ей раз до ста,
С усилием обустрою пьедестал,
Изнемождён, податлив, словно студень;

Не говорите, будто безрассуден:
Охотнице дам перьев из хвоста,
Врагов кончина – пусть красивой будет.

арр.3

Второе послание Павлина Диане

Неважно всё. Я видел красоту.
Пускай на миг – но честно промелькнула.
О ней воспоминанья заплету
Я в песню, что не стихнет среди гула.

О ней скучать я буду по ночам,
Рассказывать друзьям, писать картины,
Жалеть, что расписной её колчан
Не дал стрелы, с которой мы едины.

Я в сердце уязвлён! — но всё живой,
Беспомощен! — а с виду неизменен;
И это ты одна тому виной,
Что больше к счастью не найти ступеней.

Но перья вдруг восторженно взмету,
И мысль не раз шепнёт мне призывая:
«Неважно всё. Я видел красоту.
Пусть лишь на миг — и всё-таки бывает».

app.4
К литератору N

Добрейший N! Минуло столько лет!
Несётся время пролитым эспрессо!
Меж нас двоих я — лучше как поэт,
А вы, чего уж там — как поэтесса.

Ценю, что возвышали, не вина,
Что стряпали и беды, и удачи.
Но строки, что писали за меня,
Скажу вам честно — в общем-то девчачьи.

Казалось бы — тюрьму свою покинь,
Да в город возвращайся — что уж проще?
Но я — сильнее ваших героинь,
Они достойны разве что пощёчин.

Ещё «роман с горчицей» не забудь,
Пускай впрямую и не выгоняли,
Но радостен бесхитростный мой быт,
И руку дам поцеловать едва ли.

А помните: вечерняя заря,
Цветов апрельских ласковая завязь...
Возможно, сочинили меня зря,
Теперь — смотрите! — в вас я не нуждаюсь.

app.5

Персонаж

Была, должно быть, пьяной — к тебе меня влекло,
В душонке — тараканы да битое стекло,
И сам ты неустроен, да не бывать одной:
Из жалости, должно быть? Переспала с тобой.

Ты сразу подтянулся, в себе уверен был,
Но ты не знаешь вкуса Дианиных чернил,
Строка моя резная тебе — опасный яд,
Стихов моих не зная — не смог меня понять.

Послушай, дорогуша! Негоден мне размен,
Ведь ты ничем не лучше, чем литератор N:
По крайней мере, этот ко мне не приставал,
И с внешностью валета не всаживал кинжал.

Немногого же стоишь! Пустышка, а туда ж!
Запомни: ты — всего лишь Дианин персонаж.
Смотри, тебя стираю из первой же строки:
Да как тебя и звали? Не помню же ни зги.

app.6
Городской сумасшедший

Происходят порою престранные вещи
(жизнь моя состоит из них ровно на треть):
Повстречался мне в парке городской сумасшедший,
И не сразу безумство смогла разглядеть.

Он вначале казался больным, но нормальным,
Ну подумаешь — странный какой-то старик...
В нём на миг промелькнула какая-то тайна,
Как он вдруг закричал о писании книг,

Верещал о чужбине, едва успокоясь,
Говорил, что какие-то пишет статьи...
Преодо мною — зачем? — хвастал сонмом любовниц,
Сразу после он свой воспевал простатит.

Я с него обомлела. Мне было неловко,
Но предательски ноги уже не несли.
Что ж, должно быть, стоит у меня блокировка
Если вижу безумие, даже вдали.

А ведь этот так близок — подай только руку,
И дотронешься... Бррр! Его губы в сопле!
Собралась и ушла. А он всё, улюлюкав,
Посылал мне какие-то гадости вслед.

app.7

Я могу быть уверенной только в себе,
Я одна знаю А, если слышала Б,
Я одна не убью, не сожгу, не предам,
Я одна — из знакомых мне дам.

И за это меня вызывают на бой
Дамы прочие, славные, дружной гурьбой:
Вы уже догадались, что в общем-то им
Образ мой — неудобоварим.

Вы постоите, послушайте! Но — тишина;
Всемером нападают, я снова одна,
Мне им не доказать, что для целей таких
Не насилие нужно, а стих.

Хоть теперь прочитайте! Моей нет вины
В том, что вы от рожденья — пороком больны;
В том, что светится ночью волнистая прядь —
Вам не стоит меня обвинять.

Коль под сердцем кинжала торчит рукоять —
Вы не смейте меня обвинять.

app.8 **Подмена**

Предчувствие уже дырявит кожу,
Так глупо сучусь — в глазах пестро:
В ещё не наступившем даже мае
Меня однажды птицелов поймает
В силок (с гадюкой ненавистный схожий),
Заломит мне поникшее крыло.

Искать подход начнёт, конечно, сразу:
Покажет ордер — подпись да печать...
Он будет ждать лишь ласки да забавы,
Ясны угрозы, похвалы шершавы,
Поскольку я пою не по заказу —
То кара не заставит себя ждать.

В дубовый ящик сердце заколотит,
Повесит петли, цепь, замок врезной:
И, пленена охотником весенним,
Жива твоим лишь буду подозреньем,
Что будто бы не я пишу в блокноте,
А некто, притворяющийся мной.

app.9

Тщетный сонет литератора N.

Твои глаза мне — шёлковый капкан,
Сравнение, поверь, не будет странно:
Ты извлекаешь, будто из кармана,
Одним лишь взглядом — цель моим годам,

Одним лишь словом — лаву из вулкана,
Мечтается: приду к тебе незван,
Что будет — будь, а впрочем, если там...
Читателю потребна мелодрама.

Твоим вниманьем безнадёжно пьян,
Тону — меня глотает океан...
А может, это просто гул фонтана?

Но гаснет свет. Тускнеет амальгама.
Свой скромный дар к твоим кладу ногам,
Моя равнодушная Диана.

Апр.10
Романс неизвестного

Жужжание злого роя...
Все шепчут наперебой:
«Тираж урезают вдвое»,
«Корректор ушёл в запой».
Итак, поделом разяве —
Редактор без чувств упал.
Диану в журнал не взяли -
И где теперь тот журнал?

Её кавалер покинул —
Чего там, не в первый раз,
Но выехать на мякине
Кривая ему не даст.
Сердечная рана — да уж,
Плачь, сердце! Ладошка, выюжь!
Диану не взяли замуж —
И чей теперь это муж?

Становится речь короче,
Застыну в силке немом,
Ведь мой персонаж не очень
Доволен таким письмом.
Виниться не перестану
Последней своей строкой,
Меня не простит Диана —
И кто я теперь такой?

app.11
Сонет песни

Пока ещё никем не уличён,
Хоть ряд терзаний, верь мне, — нескончаем ж!
Стою за померанцевым плечом,
Пою тебе, но ты не отвечаешь.

Пронзительней и ярче песен нет,
Но думаю — “ужели мало стуж ей!”
Чем громче голос, звонче инструмент, -
Тем кажешься темней и равнодушной.

Скорее бы забвеньё или смерть!
Другому даришь сердце с ноткой грусти...
Всё, что на сердце — обречён я петь
Лишь той, что даже взгляда не отпустит.

Но верю: в час, когда замолкнет песня,
Увидишь, удивлённая, что здесь я.

ДВУШКИ

Сонет побега

– Пылинкой стал в объятьях злого шторма,
И выбраться не думай из сети,
Движение безвольно воплоти:
Мечты твои – лишь серебро на чёрном,
Любовь – снялась вчера со скуки в порно,
Друзья сбежали (это не зазорно),
Надежда – умирает взаперти.

Но он в усы лишь фыркнул непокорно,
И сердцу гордо приказал: «Лети!»,
Пусть по прямой сокрыты все пути –
Врастают в небо крохотные зёрна,
Телесность заменяет свою форму;
Расплавившись в огне живого горна,
Он ускользнул из призрачной клетки.

Поводок

Друг от друга мы на расстоянии поводка,
разорвать никому его не удалось пока –
что бы ни выросло в гуще привычных дней,
пусть не согласны муж твой с моей женой –
не отпускай меня. Лучше, прошу, убей,
мне без тебя свет тёмн и зол покой,
и когда один норовит разорвать ту связь,
то другой его одёргивает, смеясь.

Чувство, понятно, такое не на века,
но без него не струится моя строка,
это такой ненадёжный и слабый клей –
«Быть хоть кому-то нужным. Не спать одной»,
можно ли что-то представить себе глупей,
случай банальный, верёвки захват простой?
К нам не заходят сплетни, не лишнет грязь,
только чернила в тетрадке текут себе пузырясь.

Основной вопрос

Дух умозрителен; материя бесстрашна.
Смотри: вот отраженье средь могил,
Старинная, запутанная басня,
Что гений под наркотиком творил, –
Аида восхваляет Эвридика,
Пьёт горький чай на летовской воде,
И зрит Харон, как в отраженье блика
Цветы к ромашке тянет чистотел:
Материи не мыслится вопрос
Вне полночи, без гибели и слёз.

Ум хрупок; колея его опасна,
Заметь: он быстро выбился из сил,
В изломанной затянутости спазма
Не импульс, а инерцию явил.
Чарует образ слаженностью лика,
Сверкает опыт в белой бороде,
Но видят все, от мала до велика –
Критерии давно уже не те:
Коль ум силён – он плесенью порос,
А слабый что? – держалка для волос.

Прогресс

Проницаемость самых надёжнейших стен,
Установленный предком фамильный тотем,
Ускользнувшее с глаза во дней черед,
Именная стрела, что отыщет везде,
Красота, что себя раскрывает сама,
Аромат чеснока, базилика, вина,
Шелестящий под ветром полуночный лес,
Упования сна и внезапных чудес,
Строй идущих на штурм разукрашенных слов,
То, что каждый узнать про себя не готов,
Небо, утонувшее в хороводе страз –
Навсегда останутся тем же, что сейчас.

Драгоценных объятий чарующий плен,
Тёплый девичий взгляд, обещанье колен,
Клятвы в дружбе (а впрочем, равно – во вражде),
Свет, которого ты не увидишь нигде,
Неподвижность уснувшего в тине сома,
Для удара летящая сверху волна,
Ожиданье ответа от мёртвых небес,
Нерассчитанной ноши пугающий вес,
Спозаранок побудка, хороший улов,
И простая надёжность стальных кулаков,
Даренный приятелю у костра рассказ –
Всё ещё изменится десять тысяч раз.

Художник

Знаешь, ты так ничего и не понял,
Даже с помощником — алкоголем:
Ум твой — не знающий правды голем,
Сердце — осенний пожухлый листик;
Ведь и с поллитрой не разобрался,
Муза твоя погибает пальцы,
И выдвигается в ритме вальса
В сторону кем-то забытых истин.

Ты удивил только силой воли,
Правду услышав — железный, что ли? —
Снова выходишь один на поле,
И достаёшь акварель и кисти;
Так подари им иные танцы,
В сумерках мёдом пускай сочатся,
Дырки скрывая в пустом пространстве,
Но для начала — глаза очисти.

Всё, что можно и нельзя

Всё, что можно и нельзя —
Это нам с тобой стезя:
Рыбье брюхо, запах сена,
Шёпот звёзд над головой...
Что в душе твоей висело,
Был пока ещё живой?
Мягкость кожи, буйство красок и прохладный водоём;
Крик подбитого пегаса; осознание, что умрём.

Удаляешься, скользя...
Осторожно: здесь — нельзя!
Запустив огонь по венам,
Как проверишь, что живой?
В колыбели что скрипело?
Что хранило облик твой?
Только лишь дождавшись часа, вновь на волю
восстаём;
Жаль, судьба твоя чумаза — чище сыщешь лишь внаём.

Тысяча способов

Тысяча способов быть красивой:
Уметь наедаться одной лишь сливой,
Казаться беспомощной; курить через мундштук;
Иметь шкатулку для хранения штук;
Целоваться не глядя; освоить книксен;
Кошке сердечко нарисовать на миске;
Улыбаться призывно; щеголять головными уборами;
При непрошеной ласке отнюдь не ёжиться;
Ещё девятьсот девяносто, которые
Здесь перечислить нет никакой возможности.

Тысяча способов быть счастливой:
Уметь выбирать только лучшее чтиво,
Курить самокрутки; уходить как-то вдруг;
Предпочитать из орехов фундук;
С ножа не питаться; уйти за кулисы;
Относиться спокойно к чужим идефиксам;
Матом ругаться; размножаться спорами;
О самочувствии не тревожиться;
Ещё девятьсот девяносто, которые
Приняв эти десять, отыщешь без сложности.

Судьба

Там, где пляшут и смеются,
Где целуются, поют,
Мармелад клюют из блюда,
Смотрят праздничный салют, —
Кружку я по тем испеню,
Мне завистливость чужда,
Но меня там, к сожаленью,
Не бывает никогда.

Там, где плачут и сдаются,
Где толкают и плюют,
Где сластей не знают вкуса
И не создают уют —
Вот тому шальному плену
Отдаюсь я навсегда,
По пути мне только с теми,
Ведь судьба, она одна.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ СТИХИ

Тучи деревенские

Ах, как вы мне нравитесь, тучи деревенские,
Силою своею вы городским не пара!
Вы монументальны, вы воистину советские,
И вы состоите сплошь из водяного пара!

Припев:

Тучи мои тученьки, рваные дороженьки,
Как мальчишка вновь босой ношусь я по траве.
Я устал и выдохся, утомились ноженьки —
И лишь только тученьки солнце скрыли мне.

В холода и в оттепель надо мной вы ходите,
И приветствую я вас, увидав в оконце.
Небо тушами своими вы облагородили,
Как бойцы на дзот, кидаетесь на солнце.

Припев.

С детства солнечные дни для меня постылые,
День лишь только пасмурный для меня хорош.
Вы друзья мои навек, тучки сизокрылые,
Вам готов всегда отдать я последний грош.

Припев 2 раза.

1972

Я спросил у дятла

Я гуляя в лесу вдруг подумал о бренности жизни,
А вокруг всё летали стрекозы и ползали слизни.
И подумалось мне: что за жизнь мне отмерил мой рок,
Чтобы всё, что возложено Партией, выполнить в срок?
Я кукушкам не верю, нет веры приметам солдату,
Но спланировать жизнь – я уже объяснил, было надо.
И решил, что считать кукованье – поповство пустое,
Я вот дятла по-свойски спросить – это дело иное.
Я к дуплу подхожу – клюв оттуда торчит. Это дятел.
Настучал червячков и в дупло по-хозяйски упрятал.
И спросил я его: «Ты ответь, ничего не скрывая,
Сколько лет мне осталось, пока не дойду я до края?»
Ничего не ответил он мне, только клювом в деревья стучится.
Да и что ты мне можешь сказать, о несчастная глупая птица?

1957

Я вернулся из боя

Бой окончен. И страх уж давно позади,
Кто остался – дожил до отбоя.
Новый орден тюльпаном расцвёл на груди
У меня. Я вернулся из боя.

Командир за собой нас в атаку поднял,
Не впервой нас вести за собою.
Но упал под завесой сплошного огня.
Он – не я. Я – вернулся из боя.

В наступленье пусть лезут врага корпуса –
Будет больше и вдвое, и втрое.
Я протяжным «Ура!» разорву небеса –
Это я. Я вернулся из боя.

1965

Дождик

Дождик занимался уж неделю,
Тучи покрывалом застыт небо.
Дождик нужен маю и апрелю,
Вот уже и капли льются слепо.
Но недолго рад я был погоде,
Вдруг все капли как одна иссякли.
Дождик, ты ведь нужен так природе!
Дождик, дождик, ну давай, покапай!

Босиком не бегать мне по лужам,
Не пускать кораблики и щепки.
Дождик, ну пойми, что ты мне нужен,
Не нужны озёра мне и реки!
«Нужен дождь» – устало молвил папа –
«Засухи всю землю раскололи».
Дождик, сколько можно моросить и капать?
Дождик, дождик, ты б пролился, что ли!

1965

Я с гармошкой пройдуь по деревне

Словно лев цирковой по арене,
Симпатичный, как жук в янтаре,
Я с гармошкой пройдуь по деревне
И сыграю на каждом дворе.

Что бы стоило дома остаться?
Но сегодня в деревне гроза.
Я спою про войну и про танцы,
И твои голубые глаза.

Здесь такого не слышали сроду:
Все попрятались, дождик стеной.
Но люблю я такую погоду,
И к тому же – гармошка со мной!

1951

Камнедробилка

Камнедробилка ломает камни.
От этого грохота трясутся рамы.
Бригадир, работой горд, поскребёт щетину —
Из камней построят тех новую плотину.

И могучая река бег свой остановит,
Напоследок только зверем в клетке взвоят.
Берега рекой умоются и разгорячатся пылко —
Труд идёт, работа спорится, поёт камнедробилка!

1970

Нужные руки рабочих

Ты услышал хлопки среди ночи
И не можешь уснуть от помех?
Это – нужные руки рабочих,
Что построят дорогу для всех.

Это – руки рабочего класса,
Что приблизят к нам завтрашний день.
Эй, рабочая славная масса,
Свои руки ты к небу воздешь!

Пусть увидят враги и буржуи,
(Пусть боятся сильнее и сильнее!)
Как в полуночном небе танцуют
Хороводы от спичек огней!

1970

Я не лётчик

Я пою о дивном крае,
Где цветы и лопухи.
Я не лётчик, но влетают
Прямо в мозг мои стихи.

Пусть от юрты степной до жилища тунгуса
Моей песни протянется нить!
Не моряк, но стихи мои льются
И готовы весь мир затопить!

Ведь мой стих – словно жидкое олово,
Не какая-нибудь трескотня!
Не танкист, но как танка тяжёлого
Все буржуи боятся меня!

1972

Строчка, как пуля

Я сажу на стуле. Это – не игра.
Строчка, словно пуля – вжик из-под пера!
Хоть и не краюха – радует народ.
И буржуй на брюхо сразу упадёт.

Ручка моя перьевая врагу автомата страшней,
Пою о красотах ли края, а то о числе трудодней.
Мой стих, что пишу на стуле, красив и приятен глазу,
И строчка моя, словно пуля, разит наповал и сразу.

А ручка моя перьевая – так та со штыком винтовка,
И я ей стихи сочиняю талантливо, остро, ловко.
Так помни, народа масса, что даже и в мирное время
Работаю я, как сберкасса, бичую буржуйское племя!

1937

Тихий гимн

Тихой песней хочу я воспеть европейцев предместья,
Замолчи, инструментов медь, я таюсь, хоть и здесь я.
В рядах, неуклонно тающих, крепнет желанье воли.
Это – тихий гимн товарищей, что томятся в глубоком подполье.

Эта песня – о тех, кто таится, шифруя пароли и явки,
Псевдонимом – название птицы, у игры непомерные ставки.
Кто не хочет пахать на буржуя, не несёт своих денег банкиру
Кто собою рискуя, зажжёт негасимую искру – пожаром для
мира.

Я писал бы ещё про отвагу, буржуев, пароли,
Что мой пульс учащён и про сложности жизни в подполье.
Только кончились строчки, что задал писать мне редактор.
Вот и место для точки. Подельный и чёткий я автор!

1938

Ты новое платье одела.

Такое, ты видишь ли, дело —
Ужели тебе я немил?
Ты новое платье одела,
Я – тёртый картуз нацепил.

Пройдёмся с тобой по деревне
Под ручку, как щука и язь.
Ты просто считала деревья,
Я семечки лузгал, плюясь.

Стремишься казаться ты выше
И плечи прямишь при ходьбе.
Твой дедушка, видно, из бывших,
Анкету испортил тебе.

Дворянство тяжёлым довеском
Тебе не дало ничего.
Как славно, что в мире советском
Крестьянкой быть лучше всего!

1937

О, эта сельская гитара

Стоит унылая хибара,
А из хибары звук летит.
О, эта сельская гитара!
Она мне сердце бередит...

Простой аккорд, но как за душу
Берёт клещами, не спросясь!
Тебя всегда готов послушать,
И в пляс пуститься, не чинясь!

Мелодия зайдётся трелью,
Пляшу, насколько хватит сил.
Как жаль, играть я не умею,
А то бы сам я всех манил!

1959

Край мой родной

Жил с малых лет у озера в деревьях,
С трёх лет пою тебе, родимый край!
Я счастлив петь тебе, я рад до одуренья,
Я – житель твой! В себя меня вбирай!

Где лес стоит – протянутся бетонки
От города до каждого куста.
Твоя листва и птичий гомон звонкий
Тревожат мою душу неспроста!

Пусть лес поёт, как бабы в огороде,
И шлёпает, как салом мужики.
Заботу ты проявишь о народе
Войне, чуме и смерти вопреки.

Твою любовь познает каждый встречный,
Твои законы внятны и просты.
Тебе, мой край, готов дарить я вечно
Гимн радости, любви и доброты.

1973

Любитель орехов

«Мы все в пустыне. И где оазис?
Когда дойдём до заветной цели?» —
А он усмехался и грыз арахис,
Роняя скорлупки с ладони в землю.

Теперь мы брошены здесь навеки,
Уста немеют и слепнет око.
Он сладко-терпкие грецкие орехи
Один за другим разгрызает громко.

Мятежникам ходу бы дать отсюда,
Воды остаётся на две недели...
А царь ест миндаль с золотого блюда,
Гласу народа ничуть не внемля.

Так что же будет в пустыне с нами?
Он не ответит, грызя лениво,
И всё смеётся, светя зубами,
И запивает фисташки пивом.

Он любит орехи. И что вам странно? Пусть
гибнет от голода наша раса. Нам есть, чем
дальше кормить тирана,
И значит, путь будет продолжаться.

1989

Случайности

От печали к радости, скрипка, накуролесь,
Чтобы дамы смеялись, крутились, стремились в пляс.
В силу разных случайностей мы собираемся здесь,
Не важны детали, музыка, лейся, искрясь, струясь.

И танцует кто-то, в полёте стремясь трезветь,
Новый мир открылся, сверкающ, прекрасен, чист.
Пусть немеют ноты, летят стихи, зеленеет медь,
Замирает сердце, трясутся руки, летает твист.

Но приходит некто неясный, большим пятном
Он ложится на свет, забивает собой глаза.
Чёрно-белым фото представится всё кругом –
Никого здесь нет, только дерево и гроза.

1988

Родник

Шумело что-то в голове,
Слова никак не шли.
И вдруг в лесу явился мне
Родник, шумя вдали.

Течёт, бушующ и смирён,
Воды неся финифть.
Прохладной влагой опоён,
Поймал я счастья нить.

Бывает так: в груди печаль,
Сжимает сердце боль.
Что ж, будь июль или февраль —
Меня ты успокой.

Блеснёт опять среди камней
Воды твоей струя —
И сразу лучше и светлей,
И снова счастлив я.

В твоей судьбе — простая честь,
Но я на том стою:
И среди людей такие есть,
Что льют свою струю.

1984

Несколько слов о себе

Много функций есть полезных в той стране, где мы живём:
Кто-то лечит все болезни, кто-то чистит водоём.
Кто в мечтах об урожае, кто возвёл теплоцентраль,
Кто-то шайбы забивает, кто-то производит сталь.
Мне ж даны природой силы быть нужней, чем сталевар;
Без сомненья, справедливым признаю я этот дар.

Лишь прерву своё безделье средь житейской суеты —
Исчезают все сомненья и трепещут все умы.
Век пребуду патриотом, дух покуда не утих...
Слово за слово, и вот он — появился свежий стих!
Люди тянутся, влекомы перспективой сбавить сплин;
Сталеваров — миллионы, а поэт такой — один.

О величии момента мне стихи писать с руки —
Все дела родной планеты мне понятны и близки.
Голосистее Кобзона и точней, чем служба ТАСС —
Собирал бы стадионы, только в деле этом пас.
Я могу такие штуки, что трепещет шар земной...
Сталевар — урод безрукий по сравнению со мной!

1987

Конфуз

Мне доводилось быть серьёзным
В кругу друзей, среди подруг,
Но быть меня просили слёзно
Не тем, кто глуп и близорук.

И я вставал на табуретку
И говорил прастую речь
Слава май звучали метко:
Йа душу в них хател облеч.

Ахочий до аладисментоф
Былкал протаса кучуро,
Калконе выпрастал парентав
Беспело солото крыло.

Паркара жукая чегена,
Серпера тахлая бастак
Местрон кастак. Какова хрена? —
И завиршалось дело так.

С тех пор, бывая при знакомых,
Житейским опытом снабжён,
В виду имея давний промах,
Я паркулача сталабжон.

1990

Заявление

Пока палачи этот правят бал,
Пока не истёк тот срок,
Едва ли кто-то такого ждал —
Теперь я не за совок.

Предвидя обмороки среди дам,
Ещё раз даю зарок:
Я против власти, чего уж там,
Едва ли ей дам пирог.

И в третий раз повторю: для тех,
Кто душит мою страну,
В сознание моём оправданья нет —
Наветчику и вруну.

Однако неписан ли мне закон?
Ведь я нахожусь в ярме,
И ген подчинения мне вживлён —
Я буду сидеть в тюрьме.

Записывай явку мою, филёр:
За городом, в трёх верстах,
Стоит мой шалаш — да почти шатёр,
Я в нём нахожусь в бегах.

Вокруг шалаша прорастает лес,
В нём — я, подчинён судьбе,
Сижу и служажу Talking heads —
Зовите свой КГБ!

1982

Колыбельная для Джона Доу

Новые с дежурства в морг трупы привезли —
В этом хмуром городе счастливы лишь тени,
Но порою кажется, даже и они
В дождь такой сжимаются, страдая от мигрени.

В морге их переоденут, сделают разрез —
Инструмент как молния, весел и остёр.
Ангелы-хранители видят нас с небес,
Чертыхаясь, делает запись коронёр.

Смертью здесь торгует каждый оптом и вразвес,
И она с рождения каждому знакома.
Спи спокойно, ситизЕн оф Юнайтед Стейтс,
Порождение стекла, мрака и бетона.

Многим показателен этот твой пример,
Правила известны всем и предельно строги.
Но в страну волшебную, в наш СССР,
Смерти вашей буржуазной нет прямой дороги.

Нас здесь ждёт бессмертие и почести в веках,
Пусть на основании русского космизма —
Человека нашего не коснётся страх,
И в его на вас взгляде — укоризна.

Ты же спи себе, усни, твой закончен сказ,
Отвечай, если вера есть, за первородный грех.
Завтра случится это снова ещё не раз —
Спи спокойно, Джон Доу, с одной душой на всех.

1978

Поля

Под ногами — земли родной комья,
Зовом родины малой влеком,
По полям побегу босиком я
И зарююсь в пшеницу лицом.

Комбайнёр, не смотри-ка ты косо,
Руки к небу в восторге воздень.
Зацелую гречиху и просо,
Обниму и овёс, и ячмень.

Всех скорей на полях я в покосе,
Без опаски скажу это вслух.
Меня любят коровы и овцы,
Мной довольны индюк и петух.

Прорастайте, земли нашей яства,
Разлетайся вдаль по полю, весть,
Что горжусь я всем сельским хозяйством:
Ведь оно позволяет нам есть.

1975

Болотная птица

О чём ты, болотная птица, поёшь,
В грязи, средь лягушек и ряски?
Твой голос на скрежет зубовой похож,
Впиваются ногти мне в мясо ладош,
Мне песня твоя – как зазубренный нож,
Что в сердце вошёл без опаски.

Пусть голос протяжен, и чист, и высок,
Чего ж ты ячмень не клюёшь?
Мне песня твоя – словно пуля в висок,
Как шашку поймать грудью наискосок,
Как чувствовать сердцем, что я одинок,
Как танку фашистскому – ёж.

Листая страницы проверенных книг,
Надеюсь на скорый рассвет.
Но песня вторгается, радостный крик,
И вот я сижусь, головою поник,
Забыв про визиты Татьян, Юль и Вик,
Невзрачен, небрит, не одет.

Прошу, прекрати же ты песню свою,
Дай спеть о любви и войне.
Как ты, всё равно ведь я вряд ли спою,
Хоть петь мне случалось, и даже в строю,
Но песня моя словно честь холую:
На фоне твоём – не вполне.

1969

Глухая ночь

Глухая ночь,
И день слепой.
В кино идём
Да мы с тобой.

Но ночь глуха
И вечер нем:
Ни кинотъятра нет,
Ни тем.

И ночь глуха,
И стыл очаг:
В лесах покойники
Кричат.

В глухую ночь
И сумрак туп:
Да я ль тебе
Совсем не люб!?

Ведь ночь глуха,
И день наш слеп.
Вот — потроха.
За ними — склеп.

1974

Ответ на просьбу (Подруге в альбом)

Средь цветов благоуханья и жужжания шмелей,
Где роса листок к травинке прикрепила будто клей,
Близ скопления полосатых, словно зебрушки, берёз,
На виду большого дуба – потрясающий колосс! –
В тени крыл под облаками пролетавшего орла,
Наблюдая, как заката зарождается зола,
Ты просила – эти просьбы были внятны и просты:
«Напиши мне восемь строчек, восемь строчек суеты!»

1986

ВЕЛЕРЕЧИВОСТЬ

Велеречивость

Быстрых движений во тьме не видно —
Ни в этот самый, ни в прошлый раз,
Скроена ладно, да слабо сшита —
Не удержаться ей от проказ,
Велеречивость не знает ритма —
Это не танец, а просто спазм.

Эхо излишеств в боку не колет —
Щедрых авансов не жди, дитя,
Метки твои на любом глаголе
Станут видны только жизнь спустя,
Велеречивость не знает боли —
Нож себе в щёку воткнёт шутя.

Меркнут твои постепенно краски,
Звуки всё тише слетают с губ,
Бабочкой села кому на лацкан —
Тут же свернулась в гниющий струп:
Велеречивость не знает ласки —
С ней каждый первый бывает груб.

Но не боишься огня и стали,
Это — упрямство в душе твоей,
И не стесняешься строчек ранних,
Что иногда валуна бедней;
Велеречивость стыда не знает —
Хочешь, разденется до костей?

Вижу, безвольно крыло повисло,
Выдохлось в пару минут вино,
Вновь не сошлись на балансе числа,
Только ей это не тяжело,
Велеречивость не хочет смысла —
Ей всё понятно и без него.

Сонет-эпиграф

Иной признанья ищет в толще
Породы слов — старатель-ас,
А нужно быть всего лишь проще,
Понятней для народных масс,

Покуда песня не допета,
Быть ясным даже утюгу! —
Однако сам своим советом
Я как всегда пренебрегу.

Я нахожусь на пике формы,
Не раз побитый, да живой,
И ворон чёрный, ворон вздорный
Пускай не вьётся надо мной;

И первое моё лицо
Опять протянется столбцом.

Конверсы

Пусть говорят – ванильны
отблески озорства,
ты – персонаж мультфильма,
и не вполне жива.
Главное в обстановке,
и запишу я так, –
розовые кроссовки,
милая Дейзи Дак.

Время не спать ночами,
гул несогласных стих,
не было обещаний,
да и не ждали их.
Ты ускользнула ловко,
ласковая змея:
розовые кроссовки
сносишь и без меня.

Конверсы эти – скрепа,
вмиг распознают ложь,
я подчиняюсь слепо
оттискам их подошв.
Миг – и наизготовку,
миг – и опять остыл,
розовые кроссовки,
тряпочные цветы.

С классикой на контрасте
(в чёрном одно пятно),
ты вознесёшься к власти,
это предрешено.
Бесятся заголовки,
все голосуют «за»,
розовые кроссовки,
бежевые глаза.

Осень

Нике

От проёма дотемна,
желатиновая осень,
красота твоя видна —
спорить нет желанья вовсе.

От твоих непостоянств
пикнуть — не имею шанса:
только встанешь —
в ухо: бац! —
вновь извольте поваляться.

От твоих простывших рож
и мерцающих созвездий
спасу нет. Ну что ж, итожь!
Я отвечу этой песней.

От стекающих небес
к замерзающим ладоням
плыл кораблик — и исчез...
Возвращайся, мы не тронем.

Свет гаси, шуми, желтей,
собирай в завесы тучи!

Мне без сырости твоей
было колко и скрипуче.

Подруга

ни словечка
лишь фьюить фьюить фьюить
песней вечной
не пытайся удивить
шепчут травы
начинай не торопясь
нам пора бы
выходить с тобой на связь

в старом дубе
обнаружилось дупло
вряд ли будем
говорить что повезло
шорох лисий
заплутал в отнорках строк
наших писем
нескончаемый поток

беспокоюсь
скрип родительских сапог
мне твой голос
ближе стать уже не мог
ты вполне
скрепила эту бечеву
и во сне
и до полудня наяву

ты в бикини
очень сладкая внизу
но другие
видят только стрекозу
скачет тряско
бьётся тяжело
что им ласка
и жемчужное крыло

вы бы знали
какова её краса
крепче стали
много яростней туза
резче пули
облака белей
и танцует
как и мысль моя о ней

Сонет отрицания

Забудь сонет. Не складывай сонета,
Пусть слышен будет голос, а не это.

Не уместить всей правды этой форме,
Дичают листья, засыхают корни,
И руку со стилем пожрёт артрит,

К чему, словес красивых переслушав,
Плести узор ангорских тонких кружев,
Покуда сам дерюгою укрыт?

Потомкам будет тайна павианья
Твоё неоднозначное признание,
Неловкость и постыдный интерес,

Из них достойнейший раз на исходе мая
Сожжёт твоё наследье не читая,
Чтоб ты на миг случайно не воскрес.

Сонет утверждения

Верстай сонет; не сдерживай сонета.
Едва ли на него наложат вето.

Попробуй вдумчиво, не как-то между делом,
Шараду образов одним представить целым,
Обставить с теплотой, не торопясь,

Тебя одну, безделица простая,
Всей роскоши иной предпочитая
Четырнадцати строк простую связь.

Иной, живописуя нечто синим,
Хоронит ценность краткости в трясине,
Стихам своим бессмысленный конвой,

Грядущее, зоилам в назиданье,
Поймёт, что предок был талантлив крайне,
И восстановит из бэкапа образ твой.

Перед операцией

Мишке

Солнце и свежий ветер. Выдался день погож —
Время без промедленья готовить стальной зажим.
Знаете, доктор, каждый ляжет в итоге под нож,
Если, конечно, не сгинет раньше от прочих причин.

В позе своей, должно быть, кажусь вам слегка нелеп,
Вы понимаете — в этом я не виноват.
Так уж случилось, доктор, что это я на столе,
Кровью своей и желчью порчу ваш белый халат.

Ваше участие прочнее родственных уз,
И наплевать, что дороги не будет назад.
Слышите, доктор, я вас ни капельки не боюсь,
Так что скорей включайте грёбаный аппарат.

Сделайте всё как надо. Мне засыпать пора,
Боль удалилась — а это уже экстаз...
Я понимаю, доктор, это для вас — игра,
Только и вы поймите: кто-то играет в вас.

Чёрный маг

Девять запретных знаний, восемь из них постиг,
Десять предсмертных криков, девять сожжённых книг.
Семьдесят пять замучив, сто животов вспоров,
Двадцать четыре слова, пять мёртвых языков.

Двадцать одно признание, пять из них сделал сам,
Триста пятнадцать женщин, жертвы семи ветрам.
Семьдесят два пентакля, крест и неровный круг,
Тысяча двести сорок только лишь правых рук.

Пять тысяч триста двадцать самых крутых бойцов,
Тридцать четыре города, семьдесят городов,
Двести семнадцать жестов, силы пяти стихий,
Тысяча тридцать восемь схваток и дел лихих.

Виден деяньям мага явственный мне предел,
Вот твои два кинжала, вот твои десять стрел.
Вот три тропы, что надо, тебе, мой смельчак, пройти.
Он ведь постиг всего лишь восемь из девяти.

Люди со странными именами

Вижу безумное в панораме
Близкой в часу седьмом:
Люди со странными именами
Мой окружают дом.

Сразу понятно, что дело плохо,
Хоть ударяйся в плач:
Есть там Нуло, Авентир, Полвздохий,
Булко и Кандыбач.

Здесь же – Отчаянье-и-Смиренье,
Краббинс, Альковный Стрит.
Вот на жильё моё сыплют тени,
Ими весь вид облит.

Вижу Зиготу, Вотьму, Кармана,
Иж-ты, Баркота, Слю.
Как среди них мне увидеть странно
Крошку Лети-Я-Сплю!

Тени в мой дом постепенно вплыли,
Словно несёт вода.
Милая Лети! Скажи, не ты ли
Их привела сюда?

Я не забуду обманства сети,
Как ты хитришь остро,
Даже коль стану одним из этих,
Скажем, Пеструхой Кро.

Мой друг

Мой друг — фанат материнского молока,
В поисках его тратит массу усилий.
Если видит маму с младенцем — наверняка
Сделает всё, о чём бы ни попросили.

Мама, бывает, теряет с этих дел,
Зато ребёнок обычно вовсе бывает не против:
Погремушку дашь, конфету, чего он хотел,
И в общем доволен, себя так облагородив.

Вот на этом месте мама от счастья пухнет,
И стремится позвать в постель, если нетрезва.
Это всё затем, чтобы ночью пройти на кухню,
Холодильник вскрыть и дерябнуть стакана два.

То есть вы понимаете — в этом ведь зла-то нет,
Типа как выпить кефиру или какао,
Только мой друг заряженный пистолет
Незаметно берёт с собою под покрывало.

Говорит, по ночам младенцы, опасный сброд,
Перегрызть пытаются глотку ему упорно:
Норовят отомстить за то, что чужие запасы пьёт,
Я не верю в целом, но сам не рискую горлом.

Зима

Сыплются хором, будто вперегонки,
Тают – нелепо так,
Щиплют лицо холодные лепестки,
Надо ускорить шаг.

Груды их тел хороводивших так густы –
Кажется, тьмы древней.
Здесь отступает страх и цветут цветы
Белых ночных огней.

Город окутан скатертью и молвой,
Птицами заселён.
Мне бы хотелось его разделить с тобой,
Нежный мой, сладкий сон.

Я так давно отчаялся и продрог,
Кожу свою в цвет молочных небес окрашу:
Там, высоко над границей мира – Бог,
Похожий на простоквашу.

Кафка

Усмешка много чего скрывает:
И страсть нагую, и силу духа,
Усталость пальцев, мечту о рае,
Несправедливую оплеуху,
Когда все близкие замолчали
Или внезапно повеселели —
В ней можно прятать свои печали,
Свои желания, мысли, цели.
Пусть даже в чём-то она — плацебо,
Но спазм удержат тугие кольца:
Когда бы гром ни раздался с неба,
Он о печать её разобьётся.
Её увидев, затихнет склочник,
В ней утонув, никуда не деться...

Лишь одного в ней не спрячешь точно —
Желанья тайного быть индейцем.

Серебро (деревенская плясовая)

Без опаски в лес я пройдуь ночью,
Тёмная лощина будет мне целью.
Там от глаз сокрыто серебро волчьё:
Цепи, кольца, кубки и ожерелья.

Я тайник разрою своей рукою,
На железо любое тайник тот злится...
Обделён деньгами судьбою злою,
Буду нынче бражить и веселиться!

Подбоченясь, к милке пошлю сватов,
Уж теперь не скажет, что я – нищий!
Кумушкам на зависть, на злость хватов,
Накормлю всех самой желанной пищей.

Кланяться святому прекращу сану –
Я богат, любому стать могу бедою!
А потом уж сам волком я стану,
Что нажил – в лощине заветной скрою!

Всесезонный автопортрет с друзьями.

Мокрый ветер ночного проспекта
И холодные капли в лицо —
Загулялись сегодня мы где-то,
И неясно теперь, где кольцо.

Но, прохладу среды отвергая,
Пива холод вливаем в себя.
Всё равно — в ноябре или в мае,
Это — я. А вот это — друзья.

Письмо Френсиса Дрейка Елизавете I

«Добрых Вам суток, Ваше Величество!
Как там проходит ваш век золотой?
Всё уменьшается наше количество,
Весь распорядок — за битвою бой.
Корабль наш — тесный и душный барак,
Но Ваш авторитет, несомненно, возрос.
Ваши глаза позабыть не могу никак,
Огненный вихрь Ваших волос...
Звание рыцаря — ждёт ли оно меня,
Или опала, гонения, смерть?
Жизнь провожу я, весь мир единая,
Чтоб над всем миром Вам власть возыметь.
Сердце же шепчет: «А кто унаследует?»
Мысль эта острая, словно мигрень.
Это письмо отправлять мне не следует,
Чтобы на Вас не отбросилась тень.
Допишу и сожгу... Точно так, решено!
Дурень ты, Френсис... Что б делал ты с ней?
Даже думать такое — и это грешно!
Величеству всё же, конечно, видней.
Засим прощаюсь. Вечно Ваш....»

— На abordаж! На abordаж!

Босые танцы на снегу

Я вспомнить всё ещё смогу —
Как гладиолусы цвели,
Босые танцы на снегу,
Улыбки смутные в пыли...

Цветы рассыпались в труху,
Улыбок свет оскалом стал.
Когда-то яркому стиху
Слова я новые влетал.

И смысл новый стерегу,
От старого остался прах...
Босые танцы на снегу,
Теперь вы – пляски на костях!

Фейерверк

Счастье улыбнулось где – то –
Свет померк.
Украшал собою небо
Фейерверк.

Чьей-то радости цвести,
Она хмельна.
Всем, кто рядом, в этот миг
Стала видна.

Как доступная знакомая,
Одна,
Эта радость невесомая
Ясна.

И, как водится,
Никто не устоял.
Всяк, кто был – захороводился,
Гулял.

Всякому покорна слову –
Прочь, ханжи!
Что в продажности такой плохого?
Ну, скажи!

Это осень

Каждый год — одна и та же осень,
Я сейчас вам напишу её портрет.
Это — осень упадка, бушующих сосен
И прочитанных ветром газет.

Это осень дождей, осень серого неба
И простуд, что приходят некстати.
И она не печальна, скорее нелепа,
Как ошибка в известной цитате.

Разноцветное платье чудной красоты
Подчеркнёт только эту нелепость...
В это время дороги грязны и пусты,
Лист на душу осядет, не целясь...

Но хотя умирает — ещё не мертва,
Приодета седым хрусталём,
Ароматы цветов, чистота и листва
Не появятся вновь без неё...

Never walk alone (Некроинсектология)

Я привык бродить один...

А. Романов.

Я не стал бы бродить один,
Теребя своё сердце за струны,
Оболочки домов – хитин,
Так мне кажется вечером лунным.
В первый час, как закат отмерцает
И луны диск широкий встаёт –
Словно трупы жуков – трамваи,
Словно труп стрекозы – самолёт.
Насекомым становится город,
Люди-ганглии, узел – метро,
Как ланцетом учёного вспорот...
Улиц внутренности – серебро.
Паутиною златотканой
Переулков сеть мельтешит,
Глаз фасеточных свет поманит,
Шорох лапок сотен машин...

Я не стал бы бродить один.

Кошка

Тане

Когда затихает музыка — становится меньше дрожи,
Когда выцветают краски — становится меньше счастья,
Когда отпускают спазмы — становится меньше боли,
Когда прекращается запах — становится дальше добыча,
Когда умирает кошка — становится меньше кошек.

Когда начинается музыка — становится больше чувства,
Когда налагаются краски — становятся радостней взоры,
Когда пульсируют спазмы — становится горше опыт,
Когда ощущаешь запах — становится злым ожидание,
Когда рождается кошка — просто одной становится больше.

Но когда ты, промокший, простывший,
Возвращаешься домой с негостеприимной улицы —
Кошки домашней ничего нет выше,
Прочие ощущения — не рифмуются.

А потом, уже высохший, со всех сторон обмурлыканный,
Аккуратно ласкаешь пушистого стража.
И кошка сыграет тебе на пикколо
Мелодию тех, кто узнал нечто важное.

04.12.2016

Ведьма (ещё одна деревенская плясовая)

Музыка играет, радостные лица
И монеты сыплет кто-то из горсти...
Лишь моя зазноба в пляске не кружится,
Книги хитрые читает дома взаперти.

Вот подружки-девушки вдруг собрались вроде
В лес с лукошками пойти, скачут во всю прыть.
Но моя любимая по ягоды не ходит,
Ходит в лес она одна — с волками говорить.

У неё простые люди вызывают жалость —
Страхи их, желания, и слова их вздорные.
Прошлой ночью у межи с ветром целовалась,
Он ей ласково трепал косы непокорные.

Старость не щадит людей, к ней не подготовиться,
Лишь, казалось, день прошёл, смотришь — уж не та!
А моя жена всё краше с каждым днём становится,
Только лишь меня влечёт эта красота.

ВЕРОНИКА (анагриф)

Нике

ВОРОН РОКА

Крик как в кино. Орава
Ников. Ревн, Нева!
Вера ворА кровава,
Ровно Нерона века.
Кара – и Ника криво
Веник реке, не венюк...
Кавер на рок? Ревниво!
Верно, анкор. Кивок.
Кони-варана нрава,
Каравана навар – «Рено».

Не ври-ка, Варавва-варвар,
Вера в крови – вино!

Отказ

Ты звала меня в дом, лишь впервые увидев,
В ожидании ответа насупилась строго.
Только с доме твоём пляшут тени такие —
Не бывает и в сумерках страха такого.

Ты меня приглашала улыбкой игривой
Всё оставить, с тобой прогуляться по саду.
Только сад твой бурьяном порос и крапивой,
Я ответил, что счастья такого не надо.

Не вдаваясь в причины отказа буквально,
Предложила прогулку в великой обиде.
Только улица, где ты живёшь, так печальна —
Я весёлых людей никогда там не видел.

В третий раз не снеся, от меня отвернулась,
Злые слёзы мешались с пушинками снега.
А я дальше пошёл, бормоча и сутулясь,
Глупый путник, нигде не нашедший ночлега.

Как зеркало

Как жить без сердца, не любя,
Знать музыку, не слышать обертонов?
Как в зеркало, гляжусь в тебя,
Об этом, впрочем, Юрий пел Антонов.

С тобой готов встречать рассветы, зори,
И всё равно, что ты такая строгая.
Я хотел бы город для тебя построить,
Но об этом пела «Технология».

Чтоб сердца родного отверзлись печати,
Все бы ноги избил, исходил бы полмира.
И назвал бы прекрасным твоё красное платье,
Был бы в этом второй после Титомира.

Ты такая... Ты — судьбою данная,
Твоё тело — сахар и жасмин!
Вся любовь моя — печаль нежданная,
Именно об этом пел Кузьмин.

Есть загадка в этом универсуме,
И поверь мне, разгадать её непросто...
Почему все чувства, что рвут сердце мне,
Спеты не позднее девяностых?

Бездна

Как быть хотелось честным,
Теперь я слаб и наг.
Заглядываю в бездну,
Опасен каждый шаг.

Всё тёмное, что было
Куском души моей,
Изогнутым застыло
Среди других теней.

Зайдётся сердце в крике,
Ладони треплет дрожь.
Мы дики и двулики,
А где других найдёшь?

И вот свободней стало —
Ну что ж, давай, дыши!
И отхожу устало
От пропасти души...

Вирелэ

Ты трёхстрочной строфой
Стих разрежь, как фрезой,
Тактом.
Вот сижу на скамье
И пишу вирелэ —
Так-то.

Чтобы в эти шесть строк
Запахнулось, что смог
Чаять,
Мысль поймаю, как мяч,
И придётся напрячь
Память.

Вирелэ я пресёк —
И чего это всё
Ради?
Сколько вокруг не гляди —
Окружают одни
Дяди.

Диалог

— Не знакома меланхолия, и скакать я рад везде,
Моя мордочка весёлая отражается в воде.
Никогда не стану старше, вот таков мой экзерсис,
Да, и мне совсем не страшен наш коварный Братец Лис.
Мне печалиться негоже, если что — в терновник скроюсь,
Он поймать меня не сможет — правда, матушка МидОус?

— Всё так, Братец Кролик, да только бывает иначе,
Кустарник ведь колок, и вечной не будет удача.
И, может быть, там голодный поджарит тебя бойскаут —
Да, именно так, Братец Кролик, всё жизни оно и бывает...

Полемичное

Я взял ведро креветок и высыпал их на пол,
А за окном лениво весенний дождик капал.
И тысячи созданий, треща и извиваясь,
Ползут теперь на волю. Я ими не питаюсь.
Пусть радуются жизни, плодят своих детишек —
Они такие милые, пусть невелик умишек!
Я стал доволен напоследок,
Мной овладела благодать,
Когда хотя б ведру креветок
Я смог свободу даровать!

Естество

Хлебаю из лужи, покуда вы пьёте из чаши,
Годы спустя слышу то, что когда-то вы пели.
Мои *бумажные латы* — защита не хуже вашей,
Моя жена красивее ваших моделей.

Мои артритные лапки ловчее, чем ваши руки,
Мои неопрятные космы — почти как ваши причёски.
Слезятся глаза мои, злобны и близоруки,
Тело так слабо, черты мои так неброски.

Но я знаю, где север, где запад, где юг:
Разбегусь и тебе под колено — клюк!

Обойма

— Гул экзекуций – расставятся плюсы,
Головы бьются, как белые блюда,
И разрываются в брызгах костей.
Ну же, обойма! Лишь не опустей!

Что здесь анализ? К чему здесь твой палец?
Головы – завязь, свистя, разлетаясь,
В землю уронят свои семена,
Цели на мушке, с них каплет слюна.

Прочь все сомнения, жарко и в пене я,
Но, тем не менее, стрельбе назначения
Нет веселее, чем по головам,
Пусть их живучесть – порою обман.

Головы-маревы, гаснут фонарики
Головы-шарики, головы маленьких,
Головы взрослых – слегка впереди...
Что говоришь ты мне?
— Дозаряди.

Жестяной доспех

В сказках мало описан, да быть и не может иначе:
я — игрушечный рыцарь, и в этой связи малозначим.
Мой клинок — из фольги, не спасёт и при малой угрозе,
не убили враги, а в камине сторел мой оруженосец.

Жестяные мои доспехи и удар кулака не держат,
но случится отказ стратегий — снова все повторяют: «где же
рыцарь наш неприютный на верной фанерной кобылке?
Ах, добрался бы он под утро — как спасибо мы скажем пылко!»

Так что рвётся душа, и чепцы вновь бросают (по два):
я скачу совершать свой бесщётный игрушечный подвиг.
И такие дела решаю, что люди не могут сами:
мне дракон на волшебном шаре швырнёт конфетти, как пламя.

Но победу оформил я (вмятины вот на жести),
мы давно уже в сговоре — надо держаться вместе.
И удары обрушим ну разве что вчетвертьсилы —
две последних игрушки в большом настоящем мире.

Вампиресса

Наша страсть разгоралась исподволь,
к сожалению — на беду.
Разлетаются чувства листьями,
но любовь я не соблюду:
Ночь крылом до меня дотронулась —
изменился навек ландшафт:
вижу скрытую злую скоропись
посреди малодушных правд.

В этих знаках, что вдруг открылись мне,
в тайных знаньях Учителей,
прочитала: любовной примеси
не бывает для ночи злей,
после этого я не трусила —
заявиться ты мог, незван:
сердце вырвала алой бусиной
и скормила голодным псам.

Я предам тебя не из подлости,
не из гордости и вранья.
В диадеме чернеют волосы,
что зарёй влекли, багряня.
Мне клыки не смыкают прикуса,
домом — вечная темнота,
ты один мне сумел бы высказать,
в чём причина, что я — не та.

Как беспечно мгновенья тратили!
Что прошло — предала огню,
и останусь лишь наблюдателем,
беспокойства не учиню.
Но уверена, впрочем: помнишь ты,
как нам месяц с небес сиял...
Шею новой твоей зазнобушки
Если кто-то порвёт — не я.

Рок

В стране, где стал совсем чужим,
Я убегал, быстрее ртути,
И шестикрылый серафим
Явился мне на перепутьи.

Шептал: «надежды больше нет»,
Всю плоть стащил мою кроваво,
И лёгкий разломал скелет
Пустынным тварям на забаву.

Глаза сгодились для чернил —
Слова сверкали, будто смальта,
Затем мой дух соединил
Он с глыбой древнего базальта.

На мне - извечная печать:
«Конец времён — сравниет лица!»,
Но чтоб надежду слабым дать,
Душе живой — внутри томиться.

Не потревоженный извне,
Живу и ныне я той датой:
Явился мне в печальном сне
Вербовщик, серафим крылатый.

Луна над Сохо

скажу тебе весомо
потерян наш покой
мотнулся мэки с зоны
изогнутый такой
и в замиранье пульса
копает барыши
минута как вернулся
и вот уже грешит

а звёзды в цвет латуни
и рифмы в звук арго
и там и здесь бликует
нож-бабочка его
кривятся проститутки
весь на ушах отдел
он в городе лишь сутки
и вот устроил дел

чуть только не по масти
кранты и легашу
не ведая напасти
кричит распотрошу
а был спокойным вроде
шёл на удо когда
три дня как на свободе
а многим уж беда

но с неба голос стукнет
воссозданный для притч
пускай тебя преступник
настигнет паралич
и силуэт враскачку
ползёт подслеповат
неделя из тюрячки
и сразу же назад

Топазовый сонет

когда ты юн, цветущ и гол-
убитым быть – скатиться в хол-
одным перо, другим наказ-
никак, и вот: дрожишь ты рас-
тая в извилинах булав-
окно туда, где смерть поправ-
кино про верхний свой эта-
жизнь в треугольниках пента-
грамматики, что изуча-
стихи её перед венча-
ни емельяна, ни Степа-
на небесах горит топа-
зачем ты ищешь эту су-
тьму коротая между су-

Независимость

«Сбрей бороду — и сразу же в окно,
беги к шоссе, пока ещё темно,
скрывая пятки в тесных переулках.
Готовых подобрать тебя машин
остерегайся, лучше не спеши,
дорогу проложи в тоннелях гулких.
Бредя сквозь стену мутного дождя,
запомни, к жизни новой уходя:
теперь никто уже не потревожит,
твоих не будет требовать минут,
пусть поворот такой бывает крут —
с людьми ты станешь искренней и строже.
Твои портреты будут на столбах,
но следа не отыщется впотьмах —
а ты следи за розыском с восторгом,
получишь мир на брошенный взамен...»

Я отвечаю — «Это всё зачем?
И без того вниманьем не издёрган».

Нонконформизм

Здесь всегда ты будешь лишним, как чертёж змеи на вене,
Посреди полночной жатвы осветилась чья-то дверь...
Зря воруеть этот лифчик, дорогой мой Арнольд Лэйни –
Если вычислят, то вряд ли избежишь больших потерь.

Преодолевая косность – как останешься спокоен?
На свидании со смертью – сердце, полное травы,
 Попрошу вас, успокойтесь, дорогой мой Тайлер Дёрден,
 Я не просто так, поверьте, обращаюсь к вам на вы.

Главный приз давно уж роздан, мозг булавками исколот,
 В закоулках тёмных комнат ты у бездны на краю:
 Этот мир не нужен взрослым, оппонент мой Холден Колфилд,
 Лучшей гранью он повёрнут точно в сторону твою.

И в провидческой истоме, и в отчаянной забаве,
 И слывя непогрешимым, и пороком увлечён,
 Рик Декард не может вспомнить, что за тело он оставил,
 И была ли смерть машины человеку нипочём.

Состязание

Не смеются шуткам ската
Ни икринки, ни планктон —
Им бы про акулу надо,
Но не знает он о том.
Скат осунулся как призрак,
Ведь его игнорят все:
Он смешка не может вызвать
Даже в стайке карасей.

Рыбки гуппи не боятся
Ни пираньи, ни сомы,
Им не виден в ритме танца
Отблеск внутренней борьбы;
Так ей хочется быть хищной,
Самой страшной в бездне вод...
Но она — всего лишь пища,
То есть — всё наоборот.

Скат и гуппи сговорились
Состязаться о своём,
Минус побеждает минус —
Содрогнётся водоём!
«Мы поборемся, короче,
Каждый — в счёт своих обид».

Гуппи — бешено хохочет,
Скат — испуганно дрожит.

Апрель

Нас снег обнимет. Неужель
Мечты не сбудутся отчасти?
Холодным выдался апрель —
Ни света, ни тепла, ни счастья.

Капель польётся, мол, — с ленцой,
Он приведёт весну рассвета...
Ты обещал нам, Виктор Цой,
Так отвечай теперь за это!

Он покрывает коркой льда
Едва проснувшиеся лужи —
Апрель, ты зря пришёл сюда,
Пожалуй, был февраль не хуже.

Тебя с презреньем укорю
Такой язвительною местью —
Да, я не рад был февралю,
Но он хотя бы прям и честен!

А ты — надежду подарил
На солнце, радость и рыбалку,
Но карасей вморозил в ил,
И греться вынудил вповалку.

Рисуй снежинку на гербе,
Впрягайся в саночную сбрую —
И слушать песни о тебе
Без содроганья не смогу я.

Сервант

К тебе я храню целый список предъяв и укоров,
Ну что ты в прихожей в ботинке всё скачешь блохой?
Смотри, не задень меня, пьяный вернувшийся боров,
Ты можешь разбить содержимое, дятел бухой.

Ты нужен кому-то? Да нет же, тебя обманули,
Ты просто напился, как прадед, среди прочих рыгот.
Варенья и склянки достались тебе от бабули,
И ты разобрать их не можешь уже третий год.

Уж лучше бы ты упорядочил это пространство,
Расставил бокалы, протёр бы тарелочек ряд,
Чем квасить не впрок и с бухгалтершей глупой лизаться,
Я смерть от инсульта пророчу тебе в шестьдесят.

Блюз без блюза

Сижу на самом краешке скамьи,
душа твоим спокойствием согрета...
Кошачьей песни стон мой восприми! –
крошу смущённо мятные конфеты,

надсаден гонг всеведущих часов –
в монисто дней ещё один сестерций,
ответь же, душу пусть и распоров,
и успокой мятущееся сердце!

Не мне ты даришь царственный свой вид,
не мне ты станешь в радости супруга –
гитара в пьяном трепете не спит,
но ей не удержать того недуга:

Мистерия, надежды не тая,
по шкуре проведёт вишнёвой краской:
я – майский кот, каденция моя –
хотя когтей острее её края! –
сочинена природой не напрасно:
растерянный порой имея вид,
она меня вкусняшкой наградит.

Иммерсионный сонет

Иные – однозначность утолят,
В пыли времён от важности прокисли,
Иммерсия – преламывает взгляд,
Обрезанные склеивая смыслы,

Их ассоциативный долгий ряд –
Вода чудес на длинном коромысле,
И может обратиться тихо в рислинг,
Что хрусталём – не деревом объят;

Приоткрывает радужные дали,
Всё той же бурей плещется в бокале –
И ты её достоинство уважь:

Манометр, часы и компас наш
Столь часто никогда не совпадали,
Она творцу – и кисть, и карандаш.

Второй (неправильный) иммерсионный сонет

Казалось бы – написан тот сонет,
Но завершить – нарушить значит принцип,
С искусством оставаясь тет-а-тет,
Готовь ему отборные гостинцы,
Иммерсии давно пропал и след...
А, нет, глядите, снова появился:

Петляет в небесах среди комет,
И дух её надеждой обогрет,
Листает ещё чистые страницы,

А гимн до середины не допет –
От чужаков хранит она секрет,
Но нам с тобой не против покориться:

Там утомлённо ждёт идея принца,
В дыму своих дешёвых сигарет.

(Тая в корсете гибельный стилет.)

Третий иммерсионный сонет

Твои черты сокрыты от меня,
Не виден образ явственно, как прежде.
Но помню, что ты прячешь под одеждой,
От взоров жадных ревностно храня.

И позу эту — я тебе ваял,
Торжественную, мёртвую, на стержне.
Предполагаю: ты смыкаешь вежды,
И то глазам — надёжная броня.

Зарницы след с ночным сравню невольно,
Блик меди был ещё недавно ал —
При свете звёзд о камни бьются волны,

Но как бы сильно отблеск не мерцал —
Не различить иначе мне лица,
Как только в полосе иммерсионной.

Четвёртый иммерсионный сонет

Она для мыслей — раскалённый клей:
Соединя их — ожог наносит,
Не слыша ложь в стихах, мольбу в вопросе,
Уродует — но делает сильней.

К ней равнодушны и жара, и осень,
И ты над ней указ не возымей —
Ей то же самое, что без кавычек «прозит»
И мудрость слов, и пелена над ней.

Подход бывает столь амбициозен!
Но равнодушен шелест старых сосен,
Давно уже достигнут апогей:

Иммерсионизации моей
Неведом окон звон и скрип дверей,
Сенсорика не привлекает вовсе.

Художник

Без никакой причины веской,
И не сказать, чтоб поделом,
Мне срезали язык стамеской,
Отбили пальцы молотком.

Молчу, движения сверяя
С проклятьем боли удалой,
Луплю по клавишам рояля
Я окровавленной культёй,

А сам — в нештопаных рейтузах,
Средь пыли, мусора и крыс...
А кто-то чаёт этих музык!
И чей-то дух стремится ввысь!

Посвящение Роберта Бёрнса Джеку-Поторошителю

*Я жизни лучшие деньки
Провёл среди девчонок,
А ты их резал, тварь, урод,
Мерзавец и подонок!*

Привычка

Вот завершилась кома,
сказаны все слова.
Я выхожу из дома,
ноги несут едва.

И приложусь о землю,
и изогнусь в дугу,
чувствам природным внемлю,
тела не берегу.

Правда ведь — необычно
этот прошёл дебют?
Есть у меня привычка:
падать, когда не бьют.

Кофе

От каменных вершин до простеньких хибар
Одолевая путь в корзинах,
Даёшь нам предвкусить свой масляный отвар,
Тона пшеницы в крыльях стрекозиных,

Смородину, орехи, шоколад,
След коньяка на дольке ананаса...
С тобой идут и трудности на лад,
И выпрямляется изменчивая трасса,

И бодрость наполняет благодать,
А смелость — души воинов с ристалищ...
Лишь сердца женского ты не даёшь узнать,
И слов поспешных не исправишь.

Созерцание

В просвете краешек небесный,
Пятно травы, за нею — бездна,
Убереги меня, пустышка,
От края силой оттащи.
Мне сил самой уйти не хватит,
Горит рука, пропало платье,
А началось довольно пышно —
Деревья, амфоры, плющи.

Ты не моей покорен воле,
Ты сущетвист и оглаголен,
Твои одежды гасят волны,
От здешних сквозняков кипя.
Я знаю, тот, кто нас увидит,
Готовит мессидж и эпитет,
Пусть знает он, как это больно —
Терпеть спасенье от тебя.

Знай, зритель, ныне я смиряюсь,
Где жемчуг был, теперь стеклярус,
Иссохнет лес, погаснет солнце,
Затихнет певчий соловей.
Давай, следи за этим танцем,
Пусть в невозможности остаться
Остаток воли обернётся
Тебе наградою моей.

Не бывать любви и миру...

Не бывать любви и миру
на планете никогда,
сколько их ни декларируй —
на войну бегут стада,
сколько их ни декларируй,
это просто ерунда.

Не будет тихой гавани,
не устоит наш храм,
и если только ранили —
благодари, ведь сам

Подвержен ты насилию,
насилию,
насилию,
ты подчинён насилию,
ты, добровольно, сам!

Никогда вы не поймёте,
что грядущее — лишь прах,
мысли только о помёте
в ваших толстых черепах.

Вам стимулом — насилие,
чтоб злее и больней,
не добрые, не милые —
подобие зверей,

Подвержены насилию,
насилию,
насилию,
подчинены насилию
до гибели своей.

Карьера

Человек как мог высоко залез,
Не ищи его, он уже не здесь.

Достаёт своё вино, различает дали;
Докричаться до него сможешь ты едва ли.

Далеко внизу – белое кафе,
Там положат в чай мяту и шалфей,

Человек наблюдает с высоких крыш,
Как там кто-то кушает рыбу-фиш.

Сонет выбора

Пространству вариантов виден край,
И вот идёт последний диалог?
Заставят выбирать – не выбирай
Ни женщин, ни религий, ни дорог,
Ни лошади, ни должности в строю,
Ни слов, ни нападения, ни защиты,
Оставь возможность выбора свою
Тому, чьи карты более маститы.

Ему даны всё те же прах и тлен,
Узлы усилий в перекрестьях вен,
Шипы и лавр, гром перед обедней;
Твой выбор к своему приплюсовав,
Быть может, он откроет тот состав,
Что сделает дилемму не последней.

Элегия

Скрывается, играя и шая,
И только воздух наполняет визгами.
Ловлю её, как ночью воробья,
Замёрзла под ладонями земля,
И платья слишком смелого края
Мелькают издали:

Она лишь дразнит лялочкой трусов –
Потешно ноги задирает, бегая;
Шипом для пробы палец уколов,
В засаде мёрзнет старый птицелов,
Из интонации без слов
На свет рождается элегия.

Такие очертанья – просто ах,
В раздумье палец ищет переносицу,
Но чувствую опять-таки не страх –
Есть тайный знак в коленках и губах,
Цветок засох, но вовсе не зачах –
В ладони просится.

Предшественниц я знаю назубок,
С тобою позабудешь и о нынешнем.
Элегия, расхристанный конёк!
Тебя одну всю жизнь любить бы мог
(пусть смысл твой порою неглубок),
Да ты противишься.

Кофейный сонет

Одиночество лаской порвано —
на минуту звонок отсрочь.
выпив литр землисто-чёрного,
ухожу на дежурство в ночь.

За улыбку твою беспечную,
Сквозь овраги и бурелом...
У тебя с молоком да с пеночкой,
с шоколадным, поди, штрихом.

И достаточно антитезами,
Без того слова горячи.
Через сутки вернусь порезанный —
тут всё просто, давай лечи.

(видишь в чёрточках злого вензеля
ароматный огонь свечи?)

Посвящение diary.ru

Добрых слов нарушу строй
и отмечу тебе, милая,
что возобладать порой
надо в чём-то и насилию;

(не всегда компромисса ищи ты,
хотя бы из самозащиты) —

проблеск отыскав во тьме,
рассудить спокойно, нежненько:
«Я не против аниме,
но убил бы анимешника».

Наука

Творится мир — а после будут танцы,
Заря времён мерцает янтарём,
Творец предстал динамикой сторукой.
Узрев чреду ярчайших эманаций,
Я как и все молчу. Я покорён
Баристикой как точною наукой.

Песня питерской девушки

Нике

Финского залива расступись, зеркало! –
В душу мою взгляни.
Всё, что мне постыло, ты укрась лентами,
Тяжесть потерьними.
Всё, что не случилось – разлетись россыпью
Сотнями осколков стекла.
Вот такая мысль мне пришла осенью,
Жаль, что я была не пьяна.
Что ж, пришла пора проводить радостно
То, что как всегда невзначай
Вдаль уходит в небо косым парусом...
На руках меня укачай.
Брошусь я в залив рыбкою весело,
И в полёте что-то спою.
Радость прожила, все грехи взвесила,
И нашла судьбину свою.

Баллада о вчера

Ты отвернулась от меня...
Любимая, постой!
Да, я сегодня бос и пьян,
Но был вчера другой!
Был импозантен и красив,
Как диктор на экране.
Всем говорил «пардон», «мерси»,
И запонки сверкали!
Моим уверенным словам
Друзья твои внимали,
Был воплощеньем торжества,
И нервы крепче стали!
А день сегодняшней с утра
Я начинаю с бара.

Ведь тот, каким я был вчера —
Он был тебе не пара!

Полли

Полине

Моей малютке молока
Налить желал бы каждый,
Но наслаждается она
Томительною жаждой.

Во сне ей видится вино,
Как ножки ей укрою;
Успеть ей много суждено,
И кое-что — со мною.

Спросонья пасмурна она,
Хоть так же светлоглаза,
И просит молока тогда,
Не ведая отказа.

А после пляшет и кружит,
Порхает, как жар-птица,
Растрёпанный имеет вид,
Щебечет и ластится.

Пусть изменяется вода,
Пусть гору сточат мыши:
Я буду чувствовать всегда
Тебя такой, как выше.

Пусть будет долгой колея,
Вернёшь ты эту ссуду:
Пусть кто-то видит и меня,
Каким уже не буду.

Удача

(деревенский плясовой неправильный сонет)

Мне однажды в жизни круто повезёт:
Может быть, пропустит ненадёжный лёд,
Может быть, не тронет Та, Что Голодна,
Может быть, не смоем первая волна.
Я тебе сегодня, чудо-бунтарю,
От своей удачи толику дарю.
Пусть тебя не выдаст перезвон цепей,
Пусть твоя охрана будет поглупей,
Пусть бы дождь ожоги лаской оросил,
Вырваться на волю — пусть достанет сил!
Таёт в одночасье древняя скрижаль,
Ни о ком не думай: никого не жаль.

Знай, всего добившись после этих строк:
Что бы ты ни делал — за тобой должок!

Всемогущество

Ирине

Для того, чтоб ты была
Со мною –
Оказаться бы тебе
Нужным! –
Осушил бы, как бокал,
Море,
Надкусил бы, как пирог,
Сушу.

Я бы горы раздвигал
Взглядом,
Я бы на руки поднял
Небо,
Лишь бы только ты была
Рядом,
Было б радостно тебе
Это!

Я бы сбил плевком звезду
С неба,
Я б щелчком земле устраивал
Встряски,
Всем твоим желаньям следовал
Слепо,
Для тебя весь мир зашёлся бы
В пляске!

Хорошо, что обращать весь мир
Адом
Много лет, как нужды
Нету.
Ведь и так ты со мной
Рядом.
Спи спокойно,
Родная планета!

В альбом

Струна мне грудь пересекла,
Как финишная лента.
Что делать — не любил всегда
Брать в руки инструмента!
Я знал, что лучшим мне не стать —
Не позволяет тело.
А что не лучшее — считать
Могу лишь неумелым.
Ну да, случается порой
Мой стих в размер гитарный.
Но только чаще — не такой.
Не спеть его.

И ладно.

Мне всё равно (песенка, вольный перевод)

Нам никогда не спеть с тобой дуэтом
И ложь не позабыть, уж ты прости.
Пусть я всю жизнь пытался сделать это
И путь пройти.

Не спорь со мной, бороться не пытайся,
Пускай смириться и не выйдет никогда.
Да, я таков, и никого не красят
Эти слова.

Так разверни свои крыла, начнётся буря — кончен
шпиль,
Жива ты или умерла, осталась в сердце только пыль.
Я повторяю лишь одно:
Мне всё равно,
Мне всё равно.

Но обо мне не забывай,
Судьбы твоей последний край,
Следи за каждым моим шагом.
Пускай я предан и убит,
Пересечению орбит
Случиться надо.

Так разверни свои крыла, начнётся буря — кончен
шпиль,
Жива ты или умерла, осталась в сердце только пыль.
Я повторяю лишь одно:
Мне всё равно,
Мне всё равно.

Что ж, уйду в последний путь, как мир история
стара.
Найди меня когда-нибудь, пускай продолжится игра.

Так разверни свои крыла, начнётся буря — кончен
штиль,
Жива ты или умерла, осталась в сердце только пыль.
Я повторяю лишь одно:
Мне всё равно,
Мне всё равно.

Пускай сгорает всё дотла,
Пускай нам страшно и темно,
Жива ты или умерла —
Мне всё равно, мне всё равно.

Пускай сгорает всё дотла,
Пускай нам страшно и темно,
Жива ты или умерла —
Мне всё равно, мне всё равно.

Сонет к М.П.

Пусть текст молю — прошу тебя, запомнись,
Случается, хотя читаешь вслух,
Средь многих слов, составивших синопсис,
Порою различить не больше двух.

Наличие их — как лакомое брашно,
Звучание — как девы сладкой речь...
Значение не то чтоб очень важно,
И начертаньем можно пренебречь,

Ведь мысль и сон давно уже едины,
Удар и дело, рукопись и штрих.
Они пьянят, как солнечные вина,
Но глаз всегда цепляется за них.

Поскольку все мыслете и покой
Написаны недрогнувшей рукой.

Состояние

Вспотрошили меня, распороли,
Мои тайны предали огласке.
Я сегодня не чувствую боли,
А вчера я не чувствовал ласки.

Ты не бойся, рукой не трону,
Не заставлю искать обманок.
Я вчера опоздал к перрону,
А сегодня – на полустанок.

Не смотри на меня слепо,
И мою не лови робость.
Я сегодня не лечу в небо,
А вчера не полетел в пропасть.

И прожорливой своей карме
Сделал доброе по всей форме:
Я вчера тебя забыл, дарлинг,
И сегодня не смогу вспомнить.

Ракшаси

О друг мой, я знаю, что ты от неё в экстазе,
и ждёшь лишь момента её пригласить в кровать,
но знай, что она обманет, она – ракшаси,
её склонность к тебе – это тяга тебя сожрать.

Я слышал, что ты знаешь множество разных
женщин,
и думаешь, что добьешься – ведь не впервой...
Поверь, ты не сможешь найти ей такие вещи,
чтобы заставить смириться с такой судьбой.

Пусть говоришь, что моё извещенье глупо,
и словно небесный ангел она чиста,
её интерес – пожиранье гниющих трупов,
а средство для этого – милая красота.

Я знал её много лет, и поверь, не стоит
пытаться войти в число пребывавших с ней;
они все как шашки. А эта девица – доведь,
и все находили смерть от её когтей.

Я видел её и в минуты принятия ласки,
и ночью, где, всем религиям вопреки,
она танцевала на кладбище злые пляски
и в свете луны сверкали её клыки.

В плохую минуту тебе показалась милой,
я твоих мыслей понять всё пытаюсь ход...
Может, ты ценишь в ней прямоту и силу?
Что ж, если так, то пусть Рама тебя спасёт.

Осуждение

— Овощ в цвет повидла, летняя ты сыть,
Как тебе не стыдно баклажаном быть?
Ты ведь — слабое звено грядки небогатой,
Все друзья твои давно — огурцы, томаты,
Репки или свёклы, кабачки, картофель,
Ты один лишь подлю свой позоришь профиль,
Над тобой мы суд вершим, хоть и поздновато:
Ты горчишь, тебя сырым не кладут в салаты,
Хуже авокадо, хуже бергамота,
Мы тебе не рады в рамках огорода.
Не годишься ты в супы, холодец, жаркое,
И для каш не годен ты — что это такое?

— Я вас выслушал, друзья, и скажу вам честно,
Очень стыдно мне, что я не лечу болезней,
Порчу жизнь всем овощам внешностью неловкой,
Завтра же экзамен сдам, стану я морковкой.

Золотой пативен (имейл с незнакомого адреса)

Будь ты менеджер, токарь, водитель, судья или медик,
Приготовься к дороге и чистые брюки надень:
Золотой пативен за тобой этой ночью придет,
И не знает никто, где ты встретишь потом новый день.

Он нужды не имеет в причине достаточно веской,
И придет законам и правилам наперекор.
Я прошу, если сможешь, последней отправь эсемеской,
Что услышишь ты в скрипе его старомодных рессор.

Он шуршит по асфальту, он быстр, как бык на корриде,
Всё под весом его проседает, но тихо внутри.
Как и в тридцать седьмом, пативена никто не увидит,
Потому что дорожке себе о таком говорить.

Понимаю, ты будешь в нервическом пагубном раже
Лепетать запинаясь, по жизни ушедшей скорбя.
Но надеюсь, успеешь черкнуть, что тебе они скажут,
И за кем пативен отправляется после тебя.

Этот вечер (антиапликация)

Девушки зябнут, красивые морща шкурки,
Хмурясь упрямо –
Всё начинать сначала,

Всё здесь смешалось: лица, дома, окурки,
Души, рекламы,
Радости и печали.

Мы их до дома, конечно же, не подбросим,
Есть ведь в загашнике
Кое-что, в идеале.

В городе этом обыкновенно осень,
Что бы там в телеящике
Ни болтали.

Ошеломлённые, как под огнём картечи,
Средь абсентистов
Пусть проявляют радость,

И я скажу, дружище, что *этот вечер*
Вовсе не так аметистов,
Как нам казалось.

Старый склеп (апликация)

Разбито окно,
Вдалеке колея,
А подле растут кипарисы,

И нет здесь давно
Ни людей, ни огня,
Ни даже отчаянной крысы.

Ножу и гарроте
Подвластен любой,
Мы все подчиняемся гною;

Здесь кто-то находит
Желанный покой,
А кто-то – быть может, иное.

Здесь всё образует собой натюрморт,
Желто
В теновом силуэте,

Ход надписей стёрт,
И не вспомнит никто,
Чем славны покойники эти.

Под крышею склепа
Споёт алконост –
И слышится вопль испуга:

*Покроется небо
пылинками звезд,
И выгнутся ветки упруго.*

Субъективизм (басня)

— Прошу, измысли мне покоя,
А то Хрен знает, что такое! —

Просил Писаку Персонаж,
И задница дрожала аж.

Не так ли мы, под гнётом форса,
Пред Высшей Силою трясёмся?

Песенка шута-рифмоплёта

Я в язык вгрызаюсь, как зубило,
Иногда с пером, порой и без.
Если б я умел писать красиво —
Трахал б только фрейлин и принцесс.

Аккомпанемент дуды и бубна,
«Удиви, а после — превзойди».
Если б я умел сказать разумно —
Пил бы только с умными людьми.

Говорят, в себе уверен ложно,
Все мои баллады — просто срам.
Если б малым был небезнадёжным,
То б пошёл учиться к мастерам.

Строки, дух тревожившие, спеты,
Если надо — по уху влеплю.
Если б я был пафосным поэтом,
Я читал бы сказки королю.

Бьюсь порой над строчками часами,
Но себя зато опознаю.
Кто вы — я прошу, решайте сами,
У кого учусь, с кем пью и сплю.

Идеи

Как многогранны махинации ума!
Лишь только мысли склеится тесьма,
Как раз – и иная
Искрится, играя,
И тоже красива весьма.

Допустим, идея: прибраться.
И тут же вторая: а танцы?
И вот ты со шваброй
Вальсируешь храбро –
Больное дитя декаданса.

Идея ещё: в магазин бы...
Но сразу же после – «сюиты».
И ты в ритме плавном,
Забывши о главном,
Вальсируешь снова сердито.

Твой ум демонстрирует кукиш...
Но всё же смолчим - мы не судьи ж.
Любая идея
Танцует, живая –
Ты просто вальсировать любишь!

Головокружение

Я потерялся в брызгах строк,
Но положителен итог,
И устоять пока что смог
В ударах града.
Земля уходит из-под ног —
Того и надо.

Пускай кружится голова —
Мне омерзительны слова,
Что могут выдавить едва
Все эти люди,
Ведь правда их давно мертва,
Как жук в сосуде.

Не так уж голос и красив,
Но мыслей слаженный массив
Сплетаю я в речитатив,
Строчу записки,
Порой немного упростив —
Для самых близких.

Я не поддам стране угля,
Не стану ваш (наживы для),
И не заделаюсь, скуля,
Творцом пирожных:
Уходит из-под ног земля
Значений ложных.

Маски времени

У каждого времени – маска своя:
Прошлое – мим (слёзы льются, звеня),
Будущее – Арлекин (мысль ясна?),
А настоящее – маска для сна.
Время вражды – чешуя и клыки,
Время для дружбы – завязки крепки,
Время для жизни – дриады лицо,
Время для смерти – узор из рубцов.
Время обеда – наряд поварской,
Время гулять – образ сложен листвою,
Время индефинит – фея средь роз,
Время Сети – это маска-Гай Фокс.

Время разбрасывать камни – поэт,
А собирать – некто с кнопкой «ресет».

Нам лишь с тобою – без маски живи:
Не было времени нашей любви.

Рыбка

Ты придёшь под утро — а я не сплю,
Ласку жду обещанную твою,
У моста плещусь и играюсь пылко;
Я прошу, мой милый, не прекословь:
Пара слов, запретный дым — и любовь
Растворится пудрой в зеленоватой дымке.

В мире под водой — десять тысяч вер,
Но при этом он безнадёжно сер —
В нём прохладна кровь и сплошная осень.
Заходи ко мне, освети здесь мглу,
Я одна всю боль до конца пойму —
Рыбка золотая, что ты отбросил.

Трогай чешую, расчеши мне хвост,
Расскажи о свете наземных звёзд,
Называй меня искоркой вожденной,
Всё возможно, чувства разгонят сплин
До тех пор, пока станешь здесь своим
И без заморочек растаешь пеной.

Хэллоуин

Сэр Реджинальд Александр Грейвз –
Старый, почтенный дух.
Он у ограды, где ржавый крест,
Пугает ночных пьянчуг.

На кладбище старом так воздух чист!
Ровно два клуба в ряд:
В одном превосходно играют в вист,
В другом – хорошо в бильярд.

Следует выбрать и быть как штык,
В саван цветной одет,
Ночь накануне Дня всех святых
Призраку – выход в свет.

Между собою враги навек,
Линии гнут свои:
В одном за хозяйку Простушка Мэг,
В другом – Озорная Бри.

Круг посетителей разделив,
Обе они не прочь
Врезать сопернице – детектив! –
В эту шальную ночь.

Сэр Реджинальд Александр Грейвз
Слишком для клубов прост:
В одном собираются строго wraiths,
В другом – безраздельно ghosts.

Но (вы заметили?) наш герой
Русскоязычен вдрызг:
Он ведь написан моей рукой,
Что для британца — риск.

Так что нюансов английских слов
Грейвзу не осознать:
В одном ему каждый дать в лоб готов,
В другом — наподдать под зад.

Грейвз не пытается выбрать масть,
Он не настолько лих,
Нет и желаний подраться всласть —
Просто найти своих...

Оба союза скривили взгляд —
Дескать, неисправим.
В одном «ХэллОуин» говорят,
В другом — только «ХелловИн».

Сэр Реджинальд Александр Грейвз,
Как-то вдруг постарев,
После такого, вздохнув, исчез —
Видно, сбежал в РФ.

Большие гонки

Твоя как персонажа
роль к финишу летит,
мне жаль, но ставка наша —
отнюдь не фаворит:
она едва плетётся,
мотает головой,
зажаренная солнцем,
не доползёт живой.

Скрипят её суставы,
не за горами спад,
но на неё поставил
всё то, чем был богат:
чернила и наброски,
сюжет, карандаши,
но оказались плоски
цветы твоей души.

В преддверии финала
послышится смешок:
«Пока не стартовала —
всё было хорошо».
Что ж, пусть дела не очень,
бумага — не кино:
пока заезд не кончен,
не ясно ничего.

Замри, тогда увидишь
(момента нет важней!) —
перенесётся финиш
к изнемождённой ней,
ведь ты — творец умелый,
всё верно прорицал:
и роль бросает пену
с усталого лица.

Душа

Косу рыжую резко вспенив,
не сумела оставить тела,
только пальцами в нетерпенье
шевелила, а после пела:

«Что ты тянешь меня грузом?
Не заметил ли, что крылата?
Я насильно ношу узы,
Мне весьма непроста плата.

Ты беглянкой меня числи,
По-другому не смей славить,
Я твоих не терплю мыслей,
Мне твоя не нужна память».

Но носителя – не покинуть,
связи ласковой нет предела,
в сердце брошенном лишь лучину
зажигала, а после пела:

«Я – волна, ты же – мой атом,
Треугольник, где я – катет.
Не угодно ли быть братом?
Не пора ли меня сватать?

Мне бы ласки взамен боя,
Мне бы песен взамен крика,
А не только одно пустое
Обвиненье, что я – улика».

Занимайся техникой

Если с девушками вновь те же нелады,
Если грубо выбит дух с вышних эмпирей,
Если не нашёл в граните отблеска слюды,
Если нож, что носишь ты, шутки не острей —

Занимайся техникой, техникой, техникой,
С ней открыты небеса и разрешён полёт.
Ты страдаешь, бедненький? Выцветаеть,
бледненький?
Занимайся техникой — она не подведёт!

В час, когда гитара, утомившись, замолчит,
В час, когда ты много лет назад не был зачат,
В час, когда сбежали из кармана все ключи,
В час, когда вдруг сердце кровь откажется качать —

Занимайся техникой, техникой, техникой,
Она всегда в фаворе — это подтвердит любой,
Смыслящий в евгенике, что ты вяжешь веники?
Занимайся техникой — она всегда с тобой!

Знай, что без апгрейда жизнь не стоит начинать,
Знай, что ищут тайное в росчерках манжет,
Знай, что человек во многом — тот же автомат,
Знай, что слушать смысл есть лишь один совет —

Занимайся техникой, техникой, техникой,
Доберёшься с нею вплавь до дальних берегов.
В этом мысль заветная, даже пусть бесцветная:
Занимайся техникой — матерью всего!

Прохожий

Дождь конопатит всё громче и строже,
Ног отпечатки в земле так нестойки —
И пробирается серый прохожий
К семьдесят лет как заброшенной стройке,
Он по себе не оставил секрета
И не спасли ни сигары, ни вина:
Осенью – точно такой же, как эта –
Сентиментален стал неизлечимо.

Думает, там безопасно – хотя бы
Дух не мечтает о брошенном рае;
Каждый промозглый и мокрый октябрь
Что-то как будто за сердце кусает,
Хищник изысканный в радостном танце —
Словно булавка в подвешенной кукле,
Боль отпускает (и можно держаться)
Только в отсутствие всяческих публик.

Я ему грустью сознание не трону,
Но и потребности нет утереться,
В этот раз будет слегка по-иному –
Смысл есть даже у этого текста.
Станут сердечные муки короче,
Слышишь, читатель? Упрёки двояки:
Ты, наблюдая за ним между строчек,
Скорый инфаркт приготовил бедняге.

Алиса

Пора последних приключений. Алиса знает наперёд:
Ей путь — к изнанке книжной полки, пока писания свежи.
«Платформа девять-две четвёртых, и поезд дальше не идёт» —
Она сюда стремилась дольше, чем довелось пока пожить.

Музейный сторож перед смертью успел дорогу ей шепнуть
(Он был скромнейшим человеком, секрет не выдал никому).
В вагоне стынет напряженье. Под мышкой в градуснике —
ртуть,
Задумчиво сползает сказка в реальности большую тьму.

Алиса вздрагивает, словно коснулся кожи взмах бича
(Валет напротив потирает своё затёкшее брюшко),
Здесь полустанок между главок, минуту время помолчать,
Рельс дальше нет, но что осталось — преодолет и пешком.

Ей всё давно осторчертело — лишь болтовня и беготня!
И вот — она упорно ищет освобождающий патент,
Там — разрешение быть бездарной, и впредь миров не
сочинять,
Ничьих фантазий не тревожить, иметь надежду повзрослеть,

Вернуться в мир банальной правды и посеревших городов,
Где, если встретится Болванщик — покрутишь пальцем у виска...
А за Алисой наблюдают две Королевы и Додо,
Когда она оставит книгу — замену будут ей искать.

Самый скромный человек на земле
Изучает ярлыки на белье
Не в уборной а при всех не стыдясь
Пальцем водит где китайская вязь

Самый скромный человек на земле
Вчера сифилисом вдруг заболел
С проституткой загулял на слабо
Он не знал что так коварна любовь

Самый скромный человек на земле
Звуки издаёт прохожим вослед
Если кто-то обернётся из них
Наготове и язвительный стих

Самый скромный человек на земле
Не боржомом пьёт, а строго перье
И не водку, а сугубо вискарь
И не с тумблера – из горла, как встарь.

Самый скромный человек на земле
Из-за этого всего только злей,
Но характер проявлять не готов –
Покраснеет, убежит – и таков.

Кот

Виденье в косу сплетено,
секреты — в заросли.
Мой кот пьёт белое вино —
не показалось ли?
Лакает лужицу, звеня
(и где скопировал?),
гипнотизирует меня
зрачком сапфировым.

Мой кот пьёт белое вино —
а мог бы красное,
и нервы порванной струной
вразброс распластаны,
ведь в трансе так заведено —
звучи валторною!
Мой кот пьёт белое вино —
а мог бы ~~кровать~~ мою чёрное.

Кому-то, может, и чудно,
от нас далёкому:
мой кот пьёт белое вино —
да всё не в прок ему,
но ты покинешь свой предел,
вдохнёшь мелодию,
пока мой кот не протрезвел —
живая вроде бы.

Пантограммы

1.

Чудо рога — нож кидай.
Чу! Дорога, ножки дай!
Ос три — еле жив сто лет, а я?
Острие, лежи в столе, тая;
Сестра, хне — отвали,
Се — страх не от Вали.
Небо лис, утраты тенета,
Не боли с утра ты! Те — не та.

2.

На ладони — к снам играй,
На лад — оникс, на миг — рай.

На свет ошибок, алиби, гуди!
Нас — ветоши бокал и бигуди.

Наголо стрижен — и, хаос, ты ли?
На голос — три жениха остыли,

Кол, ось, — явно чисто, я тих.
Колосья в ночи стоят их.

Не бес? Носи! Ни йоты, грай:
Небесно-синий отыграй.

На мир — азом кнут, а верти-ка — льда.
Нами разомкнута вертикаль, да?

Развес тих, и такт опорен.
Разве стих — и так топорен?..

Бабочка

Насте

Золотая бабочка в дымке голубой
Схвачена загадочно тонкой бечевой,
В корпусе эмалевом сердце бьётся вон,
Пахнет разнотравием, слышится тромбон.

Неспроста туманится ветер штормовой:
Будут для сохранности протыкать иглой,
Вот тебе, строптивица, лягушачья сыть! —
Бабочке не вырваться, чудесам не быть.

От поимки слабая — не сдержать слова,
На цепи метафоры держится едва,
В полинявшем плащике, разрывая сеть,
Бабочка блестящая силится взлететь.

Не сдержать синтетике эту красоту,
Доводы патетики в косу заплету,
Обведи и вырежи фантик от суфле:
Золотые крылышки в синеватой мгле.

Метафизика

хороша была татьяна краше не было в селе
но увы она гуляла лишь одна навеселе
шляется себе как йети посреди кромешной ржи
даже волки и медведи не хотели с ней дружить

снова зеночки залиты и торчат часов до двух
не могли её обидеть ни комарик ни паук
как под ритмы злого бонга дух гуляет измождён
не плевался ей вдогонку лишь печальный дед семён

безопасность обнаружив пусть здоровью вопреки
не плела татьяна кружев отошениев людских
видно спуталась с волками детский голос восхищён
только ты читатель знаешь волки были ни при чём

распорядок твёрже стали а не ваша кутерьма
ей в сельпо не продавали научилась гнать сама
как овечья отара как гагаринский полёт
за волною перегара на прогулку вновь идёт

снова по диагонали ноги мокры от росы
если бы не презирали то сверяли бы часы
силуэтом на закате и видна издалека
что ни день она гуляет что ни вечер за стакан

но нельзя предаться лени и сказать привычке нет
дело в том что всё селенье есть её похмельный бред
оттого гулять годами и бухать не по уму
дед семён подозревает но не скажет никому

Метафизика-2

Знаешь, что бы ни случилось,
Я одно тебе скажу:
Мир читается как милость
По чудному чертежу.

Отблеск он сиянья Бога,
Но сумбурна та заря:
Прочности его не много,
Откровенно говоря.

Из-за этого младенцы
Все кричат, на свет явясь:
Им от этого не деться,
Есть особенная связь

Между отблеском и тенью,
Между памятью и сном...
Мир лежит, забытый всеми,
Как упавший лист осенний,
Как затынутость в катрене,
Наш, нелепый, целиком.

A kind of magic

Такому надо же случиться! Гуляет он, никем не зван,
По главной улице столицы одной из европейских стран —
На лбу имея букву «Алеф» и плотью глиняной тряся,
Всё население заставив поверить в то, во что нельзя,
С похмелья созданный раввином, поправший веру и закон,
Науками необъяснимый, молитвою одушевлён,
Из тамбуринов и свирелей весёлый извлекает звук,
С которого оцепенели все слышавшие как-то вдруг,
Вышагивает горделиво, заместо рук висят культы,
В таверну посланный за пивом, поскольку некому идти —

Среди чудес являясь чудом, наследье праздника Пейсах,
Рождён чуть-чуть не по Талмуду, весёлый голем-оркестрант!

Парочка

Часто кричат друг на друга, и бьётся порой посуда —
К их ссорам соседи привыкли два года назад.
Она говорит, что давно уж пора бы уехать отсюда,
Ему здесь неплохо и он предложенью не рад.
Она говорит, что лохматым ходить не пристало,
А он говорит, что от вечных капризов устал —
Давно он отчаялся ей отыскать тот подарок,
Что через полгода не вызовет новый скандал.
Она утверждает, его безразмерна совесть,
А он убеждён, что её тираничней нет.
Для них разговор по душам— как увидеть пропасть,
Пусть даже женаты без малого тысячу лет.
Она работает инженером, он служит в своей таможне,
Она верит в наследственность — он, что виновна среда...

В общем, порой догадаться почти невозможно,
Что именно эта любовь не умрёт никогда.

Хронологическое

Пойдём прогуляемся в поисках дальнего лешего,
Дорога к нему умостилась последними розами.
Детка, оглянись, подумай, что здесь намешано,
Детка, наше время не может остаться непознанным.
Хоть говорят, что прошлое будущим и беременно,
Только на деле вечно у них разладица.
Детка, лови на память эти приметы времени,
Что как не память с тобой навсегда останется?
Время идёт величаво неслышной своею поступью,
Мы же толпой день за днём демонстрируем чувства стадные.
Детка, это вовсе не странные девяностые,
Это странные восьмидесятые.

Весёлый Роджер

Ты почувствуй бриз, охлаждающий приятно кожу,
Будь готов, открывая книгу, что будешь бит.
Я не просто чёрная тряпка – я Весёлый Роджер,
И идущий за мной – флибустьер, а не просто бандит.

Не купец убежит от нас, а трусливый заяц,
А не убежит – по доске погуляет. Плюх!
На большой земле добывали любовь красавиц,
А не сифилитичных стервозных вульгарных шлюх.

Я видел паденье испанской короны, английской тоже,
Как лев издавал взрывающий сердце рык.
Я был там, плясал на ветру, я – Весёлый Роджер,
Моим молодцам доводилось пугать владык.

Ты можешь сказать: «Прихвастнул что-то ты, убогий,
Вся правда твоя – это если бы да кабы».
Но верю я, что читающий эти строки –
Не какой-то трус, а хозяин своей судьбы.

Прощание (ещё одна деревенская плясовая)

Видишь меня уезжающим, только глаза — сухи.
Ты говоришь, что мал ещё я тебе в женихи.
Дайте, деревья, силы мне, я ухожу один.
Так ты и знай, красивая: вырасту я большим.

Хохмами громкоголосыми пусть меня не хулят —
Я к вам вернусь до осени, кряжист и бородат.
Я к вам вернусь из хаоса, сед, на плече сова —
Мы тогда посчитаемся с вами за все слова.

Стану я леса владыкою, каждый чтоб благоволил,
Из-под коры моей выглянут струны зелёных жил.
Стану я мудрости кладезем, преодолев свой страх,
В ладонях моих закачаешься, как на речных волнах.

В общем, меня, последыша, не запряжешь в узду,
И никуда не денешься — я ведь везде найду.
Так что прошу, сударыня, брыкнуться — ножки врозь,
Чтобы лесным хозяином стать мне не довелось.

Поэт

Убить поэта может каждый:
Ножом, берданкой, костылём,
Кастетом, львом, розеткой влажной
И тем, во что поэт влюблён;

Упавшим кстати метеором,
Копытом диких табунов;
Тем, что прокаркал странный ворон, —
Почить поэт всегда готов.

Инфаркт ему подстроить в тридцать,
Взмочить в сортире; расстрелять;
Заставить свой нарушить принцип;
Забросить на него кровать;

Бензопилой его разрезать;
Заставить съесть кило гвоздей;
Поэт — не пятка Ахиллеса,
Он может кончиться везде

Да и ещё — когда угодно:
В гостях; за завтраком; у баб;
Во время подбриванья морды;
В пути с этапа на этап,

В байдарке; с похмела; в подъезде;
Перелезая чрез забор;
Поэт весьма непрочен, честно,
Конец его бывает скор,

Но и с агонией бывает:
Удушье; сепсис; бурный спазм;
Потеря крови; тьма в завале;
Переизбыток эктоплазм,

Притом скелет поэта хрупок —
Раз-два — все косточки вразброс,
И не выносит инфразвука
Его чувствительнейший мозг.

Короче, слы! Такое дело:
Наш путь опасен и трудён,
Ты, коли жить не надоело,
Не дайся музыкам живьём.

Предчувствие

Только знала бы ты, как тебя не хватает,
Не могу даже думать о чём-то своём.
Повстречаю тебя в послезавтрашнем мае,
Под парящим и сочным внезапным дождём.

Предложу тебе куртку. Ты скажешь: «не надо»,
И тогда обниму, чтобы стало теплей.
Вместе будем гулять по весеннему саду
И взъерошенных мокрых гонять голубей.

Нас с тобой разлучали то бури, то штили,
То холодный огонь, то пьянящий мираж.
Лишь сейчас наши чувства друг другу открыли,
Только что дал побег первый саженец наш.

Я наутро решу, что тебя не оставлю
И не выпущу больше из алчущих рук —
Мы притрёмся друг к другу, пусть мало-помалу,
И потерпит забот угнетающий круг.

Изъясняться не стану изысканным стилем,
И не буду болтать, что тебя я люблю —
Мы и так слишком много всего пропустили,
Чтобы тратить мгновенья на эту фигию.

Лермонтов

Моя судьба — глухая сеть,
Я сам — статист в дешёвой пьесе,
Не стоит на меня смотреть
Тому, кто слаб душой и сердцем.
На паперти валяюсь ниц,
На коже — сажа, грязь и копоть,
И из пустующих глазниц
На вас глядит двойная пропасть.
Я отступал за пядью пядь,
И вот — посыпались все смычки,
Давно мне нечего терять,
Живу я только по привычке.
Но то дорогое, что светит вовсю,
То, что вы считали потерянным сами —
По звуку найду и тотчас разобью
Тобой мне в ладони протянутым камнем.

К другу

Мой друг, к чему от суесловья,
Забыв, что только раз живём,
Ты говоришь, что от любовьюй
Давно устал и утомлён?

Твои слова звучат всё резче,
Как средь фламинго чёрный грач,
Мой друг, любить прекрасных женщин —
Не крест наш, а венец удач.

В себе узнай эротомана
И не теряй победам счёт,
Когда любезнейшая дама
Тебе на близость намекнёт.

В аду нас ждут не лёд и пламя,
Той пытки план довольно прост:
Мир мимо нас пройдёт рядами
Не нами вылюбленных звёзд.

Некромант

Что ты бледнеешь, как выцветшая пластмасса,
Что призываешь забытые божества?
Да, я такой, и за дело меня боятся,
Где я пройду – сто лет не растёт трава.

Не надо кричать и противиться тоже не надо,
И не беги, будет хуже. Послушай, постой.
Ты покорила душу чёрного, злого мага,
Впрочем, кто только не был его душой.

Знаю, вы все жаждой власти ко мне влекомы,
Всем вам дано лишь нахальничать и хотеть.
Жестом своей руки будешь легионы
Ты отправлять на верную послесмерть.

Как говорится, вместе съедим пуд соли,
Только с тобою я власть разделить готов.
Если своё сердце ты не отдашь волей,
Сам его заберу, с армией мертвецов.

Вот и попалась. Ну, стоило быть упрямой?
Что же смотри: покажу тебе как в бреду,
Слуги мои вылезают из каждой ямы.
Видишь, я среди них. И ответа жду.

Turning away

Как много времени угробил
На вас, по сути мне чужих!
Мне дела нет до вашей скорби,
До вашей радости и лжи.

Бегу от вас, друзей завидя,
Как от огня бежит паук.
Прошу вас. Просто отпустите
Меня из цепких ваших рук.

Я всё прошёл — и вот мой финиш,
Теперь пишу на чистовик.
Я отвернусь от ваших игрищ
И заслоню их от других.

И вы запомните: поэт, он
Для вас опасен, как гюрза,
И сатанинским жёлтым светом
Блестят во тьме мои глаза.

Прогулка

Был вечер утомительным и жарким.
Погоде и судьбе наперекор,
Две тени в опустевшем старом парке
Вели неспешный давний разговор.

Блестело небо цвета синей стали,
Задумчиво шептал своё борей,
И тени птиц с деревьев наблюдали
За ними с расцветающих ветвей.

Людей исчезла видимая стая,
Пусты дома, скамеечки, шоссе.
Едва ли тени это замечали:
Им хорошо друг с другом, безо всех.

Славянский блюз

Садись, дружок, ко мне ошую,
Да чарку мне налей большую,
Тебе хочу поведать сказ.

Вечор сидит моя вампука,
Готовит катышки из лука –
Мы все готовим так подчас.

Весёлый тихогром играет,
На дух от лука невзирая,
Печальный веет аквилон.

Поломан грош, алтын потерян,
Армяк помят каким злодеем –
На всё в натуре свой закон.

Во время нынешних вакаций
Хотелось мне порой признаться:
Наход привёл ко мне беду.

С вампукой, друг, те карты биты,
Смешались перси и ланиты,
Надысь я посолонь иду.

Утро

Сидели за столом в одном исподнем,
Ты так была печальна и мила.
На скатерти – я помню и сегодня –
Отчаянная роза расцвела.

Одним своим присутствием весомо
Нарушила предметов тихий строй.
Средь пятен кофе и кусков батона
Была она пожизненно чужой.

Ты – как она. Такая же вампука,
Но красоты был близок эпилог,
Когда на эту розу села муха,
И всё очарование ушло.

Оруэлловская лирическая

В сером городе унылом все скучают, даже смерть,
Номер твой покрылся пылью и его не разглядеть.
Два звонка весь день поделят, как обычно, пополам,
Слышен рёв турбин огромных и фабричный пёстрый гам.
Жизнь – печальная забава, проживу её с тобой,
То ли восемьдесят третий, то ли семьдесят второй!

День прошёл не хуже прочих, и теперь он позади,
Снова выполнена норма и доволен бригадир.
Ты опять ушёл под вечер, отпустив меня одну,
Разойдёмся по коробкам, приготовимся ко сну.
Мой же будет сон нескромен, без тебя верчусь юлой,
То ли восемьдесят третий, то ли семьдесят второй!

Ты серьёзен, я не знаю, чем могу тебя развлечь:
Помню, был ты очень странным в ходе прошлых наших встреч.
Я сказала тебе что-то, ты ответил невпопад:
Говорил, что индивиду лишь помехою толпа.
Будто сам ты не согласен в чём-то с этой толпой,
То ли восемьдесят третий, то ли семьдесят второй!

Говоришь ты много странных, никому не ясных слов,
Языком трепать способен, а работать не готов.
Вот надсмотрщик прошёлся, потирая седину –
Знай, тебя разоблачу я, пару слов ему шепну.
Если завтра ты не выйдешь, то пойдёт гулять со мной
То ли семьдесят четвёртый, то ли пятьдесят восьмой!

Лис

...К вторжению извне я был готов,
пусть эти псы и прыгали с апломбом:
в моей норе четырнадцать ходов,
пять коридоров и две катакомбы.

Презрения я подавал сигнал,
их неуспех был изначально ясен,
пусть даже в беге сильно уступал
я этим — откормившимся на мясе.

Один у входа прыгнул на шипы,
второй в ручей подземный провалился,
а третий и четвёртый так глупы —
не стоят даже и вниманья лиса,

пускай бегут — едва ли будут впредь
грозить тому, кто так умён и цепок...
А пятого я посажу на цепь —
пусть охраняет лисоньку и деток.

На посещение гастронома

Подойду в гастрономе к витрине вальяжно,
Разговор с продавщицей начну слегонца:
«Заверните скорее мне сердце говяжье,
Я ведь в жизни лишь девичьи кушал сердца».

Ворона

Не беги суесловья и скверны,
Не пугайся, инстинктом ведом.
Смерть — мне это известно наверно —
В мире выглядит стаей ворон.

Жизнь тебе промежуток очертит,
А потом уже выдаст расчёт.
Не поймёшь, где предвестница смерти
Ожидает, и верит, и ждёт.

Не предскажут кончину цыганки,
Где она — тебе не предреку;
Может быть, она где-то на танке,
Может быть — и на первом суку.

Будь ты принц, полукровка, подкидыш,
Переводчик, девица, злодей,
Но ворону свою ты увидишь,
Ведь вороны летают везде.

Нероманс

Такой весной лишь жди сюжетов,
заполнен мир вознёй людскою,
твой силуэт в окне приметив,
я лишь шаги свои ускорю.
Мелькают куртки, шарфы, роботы,
и вместо логики — эпитет.
Что не случилось, а могло бы —
спеши увидеть.

Увидеть, как в обрезках ткани
топорщатся ошибки метрик:
походка рваная в тумане
по направлению из центра.
Охвачен радостью весенней,
подхвачен общей пантомимой,
и сила, давшая движенье —
необъяснима

Он может думать, что в ударе,
всем улыбаться, делать сальто
под запах паприки и карри,
среди грязи на седом асфальте,
считая, что светла гримаса,
что всё вокруг — как на манеже,
и мехи старые годятся
для вин новейших.

Но дел у города хватает,
прохожие не видят мима,
стремясь уехать на трамвае,
и мы с тобой проходим мимо.
Идём, с потерей не считаясь,
алмаз найти в угле и саже
пусть никогда и не пытались —
но может каждый.

Затихла песня, скрипке вторя
другие времена настали,
и, чтоб не лезть в крутую гору,
мы будем брать своё вистами.
Была потеря ощутима,
с небес, не строя нам препятствий
печально смотрят серафимы
на это гадство.

Дождь с улицы людей прогонит,
струна не выдержит накала,
нас станет меньше, чем сегодня,
нам будет хуже, чем бывало.
Мы не заметили пропажи,
не ощутили этой дрожи,
и значит, был наш день вчерашний
напрасно прожит.

Предсмертное (пять слов)

От рожденья до смертного часа,
Все другие мечты поборов,
Донести до тебя я старался
Лишь заветные эти пять слов.

Те слова — как мелодия вальса,
Как таинственной розы бутон,
Я прошу, разболтать не пытайся:
Всё равно не поймёт их никто.

Не используй их и в обиходе,
Не показывай жестом руки.
Схоронил для тебя через годы,
Так и ты их вовек сбереги.

И однажды вдруг явится чудо —
И тебя защитят те слова.
Не поймёшь, это что и откуда,
Только ты сохрани их сперва.

Сразу легче и радостней станет,
Будет враг обречён и разбит.
Вот они: Варенуха. Рейкьявик.
Боевой. Осьминоги. Гастрит.

Герцогиня

Что ты лупаешь глупыми глазками
Неужели пугает опала
Нынче самое время опаздывать
Вряд ли что интересно с начала
Все попытки изгнать обесценены
Друг твой ящерка чем-то расстроен
И пришелец изменит ход времени
Лишь увидев в нас что-то другое
Что вы животные трусите
Видно боитесь старушки

Ах мои бедные усики
Ах мои бедные ушки

Ответ критику

Получив многократно по носу,
Заявить тебе, критик, рад:
Я не против бы стать «Макдональдсом» —
Все ругают и все едят.

Герой категории «Б»

Скрывая шрам на сердце давний,
Идёшь из дома купить вина,
Полна любовных переживаний,
Полгода как разведена.

Едва ли мир показался милым,
Кричат все что-то наперебой,
В глазах у прохожих – невнятный триллер,
С заходом в ужастик порой.

Чуть теплится, льётся каскадно
Их жизнь в преходящей борьбе.
...И тут он выходит из тёмной парадной –
Герой категории «Б».

Упала с глаз тяжёлая завеса,
И минусы и плюсы – все видны:
Немногословен, бреется раз в месяц,
Но понадёжней каменной стены.

Его глаза тебя атаковали
Под звон гитар и бляеные валторн,
И тёплый хеппи-энд не за горами:
У зрителей кончается попкорн.

Но вдруг с твоего он уходит экрана,
Походка его вдохновенно-легка.

Понятно же: жизни твоей мелодрама
Скучнее хорошего боевика.

Кувшин

Полечу камнем вниз,
Дым всё скроет вокруг,
Не нужна эта жизнь,
Если нет твоих рук.

Птица солнце закрыла,
Небеса беребя,
Мне не нужно светила,
Раз нет рядом тебя.

Пусть разрознены части
Всех небесных планет:
Мне не нужно и счастья,
Ведь тебя рядом нет.

Свет волшебный и новый,
Отмерцав, вдруг исчез.
Без тебя мир мне горек
Волшебства и чудес.

Пусть беснуется сила
От зари до зари:
Ты меня разлюбила,
Всё остыло внутри.

Льются сладкие вина,
Вьётся дымом флюид.
Мое сердце в кувшине,
Что у входа разбит.

Стих про рыбака на кладбище

Здесь не слышен ни шорох, ни голос,
Жизни нету на много гектар.
Это – будни. На кладбище роюсь,
С мертвецов собирая хабар.

А когда-то я был рыболовом,
Сеть закидывал, удочку тож.
Всё казалось таинственным, новым,
Каждый день на другой не похож.

И казалось, что будет так вечно,
Но спустилась и рухнула тьма:
По соседству с могилами речка
Прековарной водою текла.

В той реке, мертвецам безразлична,
Но живых перепутав дела,
Как цветное под Пасху яичко
Золотистая рыбка жила.

Я выслеживал рыбку как скаут,
Как за танком следит миномёт:
Говорили, мечты исполняет
И на мошку мясную клюёт.

Заморила меня исхудалость,
Стал невзрачным и призрачным я,
Но однажды она мне попалась,
Мошкой в пасти призывно блестя.

Был настрой на достойное чудо,
Может, деньги, а может, и власть,
Но она говорит: «Я не буду
Помогать, раз сумел ты пропасть».

Оказалось, в погоне за целью
Я погиб и в болоте разбух,
И последние месяц с неделей
То не я был, а с удочкой дух.

Путь от альфы прошёл до омеги,
И таскаю по кладбищу кладь,
Потому что друзья и коллеги
Труп в воде не смогли отыскать.

Здесь ухоженно, тихо и чисто,
Мухи реют, цветущий кизил.
Я, наверное, лет через триста
Стану рыбой в реке у могил.

Сонет надувного зайчика

Сделали — как выбили баклушу,
Детям непонятен, вам — потеха,
И мои резиновые уши
Не услышат голоса и смеха.

Нарисовано фломастером лицо,
Горло сдавлено суровой ниткой.
Мог бы от смущенья быть пунцов,
Как в ладонях мягкая брусника,

Только во мне крови не течёт,
Хвостик не растёт, не ноет печень,
Конструктивный мастерский просчёт
Сделал так, что я — бесчеловечен.

Впрочем, я посмотрю на себя и на вас,
Если, скажем, пустят отравляющий газ.

Равнодушие

Солнце всходит, пейзаж собой крася,
Всё так радостно, мило, пестро.
Город шепчет: «давай, просыпайся»,
И ты едешь опять на метро.

Так пребудет вовеки и присно —
То же утро и то же кино,
И пусть кто-то глядит с укоризной,
Но тебе ведь уже всё равно.

Ты скрываешь постыдную тайну
(нет, не бойся — в стихе ты не гей),
Шаг короче, натужней дыханье,
Ближе место работы твоей.

Пронесло, а потом вдруг задела
Мысль, как рожица мима хмура:
Никому никакого нет дела,
Что ты пьяный в дымину с утра.

Стивенсигалский сонет

Когда, судьбой и мыслями един,
Хожу средь вас — глядите лучше в оба;
Прекрасный муж, примерный семьянин,
Я вызываю зависть, а не злобу.

И я такой, поверьте, неспроста,
Во мне всё это издавна копилось,
В душе и сердце — только доброта,
В руках и прочем теле — справедливость.

Легка моя и грациозна прыть,
Неуязвим для стали и соблазна,
Готов помочь, усилить, защитить,
Со мной спокойно, тихо, безопасно.

Но нет преграды ярости моей,
Когда при мне насилуют детей.

Сонет удачи (эпитафия)

Непросто с этой жизнью расставаться,
Вознаграждён сполна я был зато:
Пусть не было ни славы, ни богатства,
Я был удачлив — тоже кое-что.

На спину мне не падал лист кленовый,
Не пил метил, а пил один этил,
На пустырях отыскивал подковы
И клады в огородах находил.

Счастливый жребий свыше был обещан,
И, пусть теперь нашёл меня финал,
Открытый поцелуям лучших женщин,
Таких, как ты, горстями зачинал.

А ты — будь снег, гроза, муссоны, тишь, —
Свою удачу смело провафлишь.

Сонет религиозной противоречивости

Я птицей был, летел смятенно над
Загробным миром на пути к иному,
И видел расцветавший райский сад,
В нём было место всякому живому.

Был волен всякий выбирать в раю
Без риска, принужденья и обмана
Религию и искренность свою,
И получить по нормам Торы иль Корана.

Так вера проникает к нам в сердца —
Свободной волей, не в церквах и досках.
И нет движенью этому конца,
Всё истинно фигурно, а не плоско.

А ваш был бог — Баал-Сагот:
У вас всегда наоборот.

Сонет предсказания

Открыта всем ветрам потерь,
Не помышляя о престиже,
Ты любишь правду — что ж теперь,
Придётся быть и мне таким же.

Я буду рассказать готов,
Готовый к иглам и нападкам,
Что лучший сбудется из снов,
Мечта не сменится упадком.

Что бутерброд — лишь маслом вверх,
На солнце все исчезнут пятна,
Что ждут удача и успех,
Что будет всё благоприятно.

Опасной, впрочем, не сочтёшь
Ты эту маленькую ложь.

Сонет предопределённости

Прибереги достоинство оленье,
Мой друг, иначе таинство умрёт.
Мне многих сущностей милей столпотворенье
Конкретности, известной наперёд.

Не демонстрируй ярости и пыла,
Миг выбора — он тесен, словно клеть:
Едва ли точно знаем то, что было,
И неизвестно, что пребудет впредь.

Лишь стоит уступить таким соблазнам,
Себе свободу дать и шансам разным,
Да посмотреть на чистый аналой,

Как Оккам бритву в сторону отложит,
Отбросит скальпель, вилку, шило, ножик,
И примется за нас бензопилой.

Застольная (искажённая аппликация)

Мы от горя лишь крепчали
В суматохе долгих дней,
Сколько б ни было печалей,
Да удача – посильней.

Мы себе добавим шарма,
Не проявим слабины:
Ведь напасть всегда коварна,
Только радости честны.

Нам опасность – не помеха,
Развлечениям – почёт,
Ищем праздника и смеха,
А беда – сама найдёт.

И с великим аппетитом
Всем несчастьям назло
Хрусталём *наполним битым*
Запотелое стекло.

Оправдание

В общем, такой замес:
Друзья прошлой ночью, шельмы,
Меня затащили в первое, что попало,
Где не был сроду,

Оттуда я слал эсемес.
Я там писал, типа, время пожить отдельно,
И про свою усталость,
И про свободу.

А ресторан – китайский,
Я аж присел,
Как принесли тарелку
Лягушких лапок,

И по такой опаске
Утратил всем
Знакомое по посиделкам
Чувство страха.

Шары тяжелы,
В бутылке змея чернела,
Я по неврозу
Наглухо разогрет...

В общем, ты слы,
Тут такое случилось дело:
Я отослал тебе просто
Свой пьяный бред.

От иероглифов сильно страдала грамота,
Смесь алкоголя
С лягушкой играла адажио,
Вот я и бредил, как сивая та кобыла:

Дремучая Азия, знамо там:
Этим китайцам дай только волю –
Зальют хоть курицу водкой заживо,

Скажут, что типа всё так и было.

Рост

В стороне от тропки волчьей
Свет для саженцев померк;
Знают все, деревья молча
Торят путь себе наверх.

Движим жаждою земною
Сам собой, никем не зван,
От суглинка к перегною
Лезет юный великан.

Если рядом смерть случится,
Сам собой – надгробный крест,
Втянет всё в себя земляца,
Что останется – доест.

Вот, ободран и опасен,
Проявив привычно прыть,
Устремился волк за зайцем,
Норовя его схватить.

Мы итог его охоты
Знаем с вами наперёд,
Убирая нечистоты,

Лес кричит, когда растёт.

Признание

Солнечный свет и дневная роса,
Звёзд отраженья в стекле,
Лучших певцов и певиц голоса,
Я, если навеселе,
Вечер, твоим ожиданьем вспоён,
Свет и мерцанье зари –
Это твоё,
Бери.

Ласковый дождик и радостный бег,
Лошадь, котёнок, щенок,
Полная чаша, достаток навек,
Смайлики наискосок,
В мире поддержка и помощь в борьбе,
Замок и пропасть во ржи –
Это тебе,
Держи.

Слабость, в гармонию возведена,
Логика поборов,
Радости тела и ночи без сна,
Письма без адресов,
Время, что мимо проходит, скорбя,
Абонемент домой –
Всё для тебя
Одной.

Всё остальное и сам я возьму,
Вдвоём
Это будет ложь.
Счастье прожить свою жизнь одному –
Это моё,
Не трожь.

Марш

Вчера здесь поле, завтра будет ад,
С утра прорежет воздух первый выстрел,
Печаль светла и танки наши быстры,
И нет предела мужеству солдат.

Тогда уж мы дадим стране угля,
И смерть, на это пиршества влекома,
Несёт покой усталым легионам
И снова плодородные поля.

За битвою всегда наступит взлёт,
Забудется военное горнило,
Поскольку тот, кто все потратил силы,
Детей рожать сраженьям предпочтёт.

Со временем вернётся всё след-в-след,
Забавя в прошлый раз ещё почивших,
Чтоб человек, предельно расплодившись,
Сам от себя подчистил белый свет.

Мой Бонапарт

Нике

Бонапарт мой, Бонапарт,
Шапка треугольная,
Миллион почти солдат
Сделал ты покойными.

Бонапарт мой, Бонапарт,
Рожа корсиканская,
Ты пивал, как говорят,
Брютное шампанское.

Бонапарт мой, Бонапарт,
Шкурка белорыбицей,
Отчего ж пошёл, как в ад,
Ты в поход египетский?

Бонапарт мой, Бонапарт,
Мантия горностаева,
Так владел тобой азарт,
Что случилось палево!

Бонапарт мой, Бонапарт,
За словечки острые
Ты отравлен, говорят,
На далёком острове.

Бонапарт мой, Бонапарт,
Всей судьбой, как пьескою,
Ты установил стандарт
Образа имперского.

Встреча

Под маской шёлковой вуали
Не виден синий водоём...
Прохожий, стой! Скажи: не та ли
Девушка эта, что влюблён?

Разоблачи-ка эту кралю,
А там — озлоблюсь иль всплакну:
Я ножку ей сейчас подставлю,
Ты ж — загляни под пелену.

...она к лицу пришита, что ли?
Из-под неё стекает слизь!
Скрути ей руки за спиною,
Да маникюра берегись!

И вот, судьбу мою итожа,
С лица взирает апостроф...
Ты удержи её, прохожий,
От опрометчивых шагов.

Посвящение районному суду

Люблю тебя, мой суд районный,
Когда, повесткою влеком,
К тебе иду – не брежу бойней;
Я прихожу в тебя, как в дом

Своих друзей по крайней мере –
Тех, что стакан не поднесут,
Но се – терпимая потеря,
Мой дорогой районный суд!

Там – алиментщик и растратчик,
Сям – расчленители бомжей,
И их судьбу не сделать слаще,
Они виновные уже!

Проворовавшийся философ;
Поставивший негодный лайк;
Студент, не знавший трёх вопросов;
В людей плеснувший аммиак;
Сосед, ударивший соседа;
Верстальщик с трупом в верстаке;
Частично – фил, нов чём-то – педо-;
Ушедший в пьяное пике;
Таивший блага на таможне;

Но ты – не зол и не жесток,
Даёшь ты каждому возможность
Искоренить в себе порок!

Твоих достоинств не уроним –
На зависть даже городским,
И надо будет – всем районом
Тебе субботник посвятим.

Зеркальность

Сидит в подвале слепая птица: взлетит — и небо перевернёт,
И будет вечно зеркально длиться её неправильный сбой-полёт.

Притом ей страх высоты неведом,
А мы исчезнем за нею следом.

А на другой стороне отрывка нам сверху виден тех крыльев
взмах,
И в этом небе *страдает рыбка* — не надышаться ей в облаках.

Многодетная мать-одиночка детей не видит; вообще, «многодетная» — крайне плохой эпитет. Будь их четверо или там девятнадцать — слово одно; как же через него пробраться? Многодетная мать-одиночка не видит мужа; говоря по правде, не так уж он сильно нужен. Без него рукам чистота, голове прохлада, классик верно сказал, что заделать — ума не надо. Многодетная мать-одиночка не видит ласки, что могло бы быть странным — но вот вам её опаски: разузнают соседи, что ей по нутру утехи — и устроят к ней очередь, и не разгребёт вовеки. Многодетная мать-одиночка не видит дома, что увидит вокруг — всё ей кажется незнакомо. Ловит в спелых яшмах — и будет однажды пойман! — васильков увядших рисунок её обойный. Многодетная мать-одиночка не знает цели, что судьба ей дала — давно уже проржавели, и остались вовек вошью штопаной на аркане, и сданы в цветмет по десятке за килограммик. Многодетная мать-одиночка себя не знает, и не слышит свой голос в троллейбусе и трамвае. Вообще, многодетная мать не так много слышит — ей приходится нестрадать, как сказал бы Ницше. Многодетная мать-одиночка не знает много, только в небеса уходит её дорога.

Последний в году цветущий одуванчик

Я видел: закат продирался сквозь тучи,
И ночь наступала — чернее чернил.
Последний в году одуванчик цветущий
Однажды мне солнце собой заслонил.

И вот — не спасает ни кофе, ни виски,
Ни вкус шоколада, ни трель соловья:
Понять не могу — может, он исполинский,
А может быть, с муху размерами я?

**Инопланетянин, вынужденный всю жизнь
жить на Земле и притворяться человеком**

Извиняюсь за неудобства,
Вдруг услышал капкана звяк.
Ты, должно быть, с почтамта послан,
Нет, не пойман ты, а в гостях.

Эту рану промыть бы стоит,
А не то — прощевай-нога.
Вот, знакомься, мой астероид,
То есть это... мой дом, ага.

И, бояться меня не надо,
Проведём-ка давай досуг.
Вот, глоточек амонтильядо
Тебе с радостью поднесу.

**Нравоучительное стихотворение о морали,
с заблаговременным присовокуплением
примеров верности сказанного**

Бухгалтер в рубашонке голубой
Покончил после отпуска с собой.
Ещё вчера в Тайланде ел том-ям,
А нынче вот! – повесился к свиньям!

Всегда старайся быть уместным:
С друзьями, в службе и в семье,
Знай, суицид – неважный вестник,
Ему не рады все зане.

Купаясь в окружении акул,
Аквалангист к одной из них прильнул...
И в центре фонтанирующих брызг
Был долго слышен напряжённый визг!

Свершенья – доблестью измерьте,
В оценке это верно лишь;
Так не избежнешь верной смерти,
Но душу чистой сохранишь.

Грибник, в процессе выбившись из сил,
Поганку бледную внезапно съесть решил;
Нелепостью закончен этот лов –
Теперь он сам кормушка для грибов.

Не нарушай закон отчизны,
Заветы предков твёрдо чти,
В том истина, навек и присно,
Хоть и не к счастью ключи.

Актёришко-фигляр изображал
Маньяка, жертв сующего в чулан,
Но зрителями был застрелен влёт:
Боялись, от возмездия уйдёт.

Не смей тропой идти обмана,
Пускай и кажется легка;
Дорога правды — обветшала,
Но устроилась на века.

Покончить раз с собой решил студент:
Употреблял мышьяк он много лет,
Стрелялся; дрался; снюхался с вдовой;
Остался, тем не менее, живой.

Удача благородней воли,
Найдя её, ныряй: бултых!
Коль в ней уверен — будь спокоен
И за себя, и за родных.

Кондрат и Смерть (басня)

Мужик Кондрат
Увидел как-то Смерть,
И на неё стал пристально глядеть,
Был будто рад –
Улыбки скрыть не мог.

Спросила Подводящая Итог:
«Что лыбишься, дружок? Не жалко неужели
Вдруг живота совсем, на самом деле?
Иной смекнул бы – вышел, видно, час;
А ты всё улыбаешься у нас!
И в ноги пасть отнюдь не норовишь,
Как будтомышь
Перед тобою, а не Жнец безглазый;
Такие не приятны мне проказы –
Смеётся он над Роком, вишь!

Меня боятся короли и воры,
Средь буржуа и шлюх я сею страх,
А для тебя, выходит, я умора?
Ах!
Эй, ты, умом ли не алло?
Неужто впал совсем уж в стазис?»

– "Предсмертной судорогою свело
Мне харю; вот и улыбаюсь!"

Не будь как Смерть, читатель! Не моги
Из-за улыбки думать: дураки.

Предостережение

ползёт ползёт где взмах был крыл
отравой яростной блистая
не удержать мне этих сил
беги-спасайся дорогая
ползёт ползёт на сладость вен
мошна туга повадки строги
схвачу и дам тебе момент
по доброй воле сделать ноги

— В своих словах ты так остра,
А вот манеры неуклюжи.
Ты зря расстроилась, сестра,
Я жду его на званый ужин.

ты надышалась просто лишь
миазмов пущенных злодеем
зачем ты это говоришь
ведь этот вид нам всем враждебен
беги спасай с собой наш род
пусть станет всё как было прежде
их дом пучина стылых вод
а наш родное побережье

Мы уроженцы разных стран —
Всё так, да взгляды больно узки.
Освободи нам тот диван,
Поддай напитки и закуски.

а я о чём тебе мурлычу
ты станешь знатною добычей

Стих снизу

Расскажу вам о страхах своих,
Что в глаза мне зальют сладкий яд:
Тот, что снизу, по-моему, стих,
Те, что сверху — всё так же шумят.

Это скрыть никогда не умел,
Видел мира картину грубей:
Тот, что справа, — себе на уме,
Тот, что слева, — умом не в себе.

Видишь в небе своём золотом
Надпись «Руки ко мне не воздень»?
Тот, что спереди, — просто фантом,
Тот, что сзади, — игривая тень.

Под давлением каменных плит
Недвижимо лежит божество —
Тот, что снизу — он стих и молчит,
Ждёт, когда потревожишь его.

Сонет адекватности

Пусть неизбежность пятки жжёт нам адски,
Цепляемся за пагубный балласт,
Не то взыскуя, что спасенье даст,
А старую с потёртостями маску.

Она удобна; с ней приличный вид;
Хватило б силы — закрепил гвоздями,
К ней тянешь руки, шуришься упрямо,
А без неё — растерян и сердит.

О, если я, сомненья ощутив,
Объемся груш (а может быть, и слив) —
Сыграть решу в подземный тихий ящик,

Господь, пошли мне в час сердечных мук
Не дружеских объятий тесный круг,
А вдовушку послаще и помягче!

Вне радиуса действия

Ближе подойди,
не обижу, милая!
Ну зачем ты ходишь
прозрачна, легка,
За пределами дальности
моего выдоха,
Вне радиуса действия моего броска?

Бегать за тобой
вовсе не охота мне,
Кто бы мог догнать —
не в пример слабы.
Что ж ты за границей
моей видимости,
Не в зоне поражения моей стрельбы?

Мы с тобой закружимся
в этом диком танце,
С этого нескоро
свернём курса.
Отчего как дым
проходишь ты сквозь пальцы,
Почему не чувствую твоего вкуса?

Стих про палево

Льётся песенка под фортепьяно
Со свирепостью хука поддых.
Кто-то палит меня беспрестанно
В переулках, в проходах, в пивных.

Не укрыться под складками ночи,
Опасаюсь пространств и щелей.
Этот взгляд постоянно щекочет
Мою кожу и мясо под ней.

А теперь ощущение едины
И пульсирует, разум пьяня —
«Я кого-то палю без причины,
И не скрыться ему от меня.»

Кусочек копипасты

Есть в движенье некий страх,
словно в щёлканье кусачками.
Роза в чёрных волосах,
белая, в крови испачкана.

Зачитавшись между строк,
не зажат уже ладошами,
навзничь падает цветок,
надломившись, как подкошенный.

*В сердце бедном много зла
сожжено и перемолото.
Наши души – зеркала,*

ожидающие молота.

Стремление

Оживлённый дыханьем твоим,
Не восприняв как чудо спасение,
Мнимоумерший солнечный мим
Вновь даёт представленье последнее.

Я — в толпе, что глядит на него
Не считаясь с потерянным временем,
И подумать боюсь, каково
Быть таким — только с виду рассеянным,

А на деле — открыт уже счёт,
И несчастье предчувствует внутренне.
В то же время улитка ползёт
По щеке его густо напудренной,

А пока он — счастливее всех,
И играет душа, словно зеркало.
И улитка ползёт строго вверх,
Мне ж на плоскости жить предначертано.

Песня наёмника

Жив я только наполовину, но опять в бой идти готов,
Всё, что есть — только ветер в спину да на поясе пара клинков.
Всё, что было — контракт кабальный, по нему заплатил вдвойне,
Что случится — покрыто тайной, и о том говорить не мне,
Ведь мои убежденья шатки, интерес — утолить нужду,
Мне дорога — от схватки к схватке, и сейчас я по ней иду.
Что могло быть? Земля и воля, дом, участок, почёт, семья,
Мог бы жить, тот расклад мусоля, и не видеть вовек ружья.
Что останется? Пыль да пепел, кровь да кости, дорожный прах,
Да кому-то попутный ветер,
И клинки мои — на гербах.

Фастфудное

Теперь не узнать, что же было меж нами. Один вариант — всё оставить в покое. Смотрю на тебя — и немеет дыханье. Ведь мог бы и я превратиться в такое. Могли бы с тобою делить одно ложе, жить вместе и млеть в ожидании чуда. Душа твоя, совесть, и плотская кожа — по сути являются просто фастфудом.

В судьбу как в перчатку мечтание вдето —
Я вряд ли смогу осудить в тебе это,
И тоже пытался, скажу между прочим,
Но вышло не очень, всё вышло не очень.

Себя собирая порой по кусочку, я видел не раз, как они продавались — твои ожидания — взрывес и в рассрочку, и что там осталось? Да, что там осталось? Являясь полезным и нужным предметом, как кола со льдом — освежающая в жажду. Среди дыма и гари, среди стужи и снега тебя ожидаю увидеть однажды.

Отвага и трусость, отчаянье, жалость —
Давно у тебя ничего не осталось.
Осталось со вкусом салями и перца
Холодное сердце, жестокое сердце.

Но мне подсказал кратковременный опыт: моя точка зрения, чего там, предвзята. Сравнение с едой никого не коробит, не стоит, скорей, выбиваться из ряда. Предписана каждому личная ниша — спасибо скажи, что мир колою поит. Не надо считать себя чище и выше. А если другой — то уж точно не стоит.

Румянцем сверкают, как свежая пицца
Холодные лица, жестокие лица.
Мы тоже могли бы с тобой быть похожи —
Но вышло не то же, всё вышло не то же.

А это бунтарство приносит усталость —
Другого давно ничего не осталось.
В Берлине и Дели, в Москве и Нью-Йорке —
Угрюмые волки, голодные волки.

Гоголю и Горькому

Утонул в Дунае дятел. Сгинул страус в Амазонке,
В водах Хуанхэ плутает бедный обречённый ворон.
В Нигере пингвин сварился. Попугая голос звонкий
Что-то пропоёт предсмертно с Колымы о чаше скором.
Енисей заглотит чайку со смешком и безотходно,
Грифа труп плывёт распухший по разлившемуся Нилу...

Только гордый буревестник реет смело и свободно —
Он любую реку может пролететь до середины.

Ясность

Интеллект — спряженье многих, но уму не ясных сумм
До чего ничтожны чувства, до чего невзрачен ум!
Словно проблеск между строчек, мысль чудная промелькнёт —
В мишуре тире и точек тает ли безумья лёд?
Но однажды все сомненья мигом выстроятся в ряд,
Что казались льдом, те нынче ярким пламенем горят.
Ум отточен, проблеск ясен, спасена ручная кладь...
До чего был сон прекрасен, лишь успеть бы записать!

Морское

Давай поедem с тобою к морю, там будем нежиться в неглиже и целоваться в морском прибое, и наступать на морских ежей. Давай закат будет красить красным и нашу кожу, и моря синь, пусть это будет почти что счастье — когда мы вместе, как ян и инь. Давай с тобой совершим ошибку — почти такую, как в прошлый раз; пусть равновесие будет хлипко, не будем веселы напоказ. Пока тепло моё не остыло, пока играет негромкий джаз... Как жаль что всё уже было, было — и будет, чую, ещё не раз. Но повторяться не так уж плохо, и снова сердце поёт внутри,

Пусть эпоху пожрёт эпоха
И друг за другом уйдут цари.

Ночёвка

Кругом фигурное стекло, как в пруде лебедином,
Здесь так открыто и светло, и пахнет георгином:
Украдкой ты сюда проник по зову аромата,
На полках – стопки умных книг, на столике – помада.
Среди вещей – с щербиной ключ от дальнего комода
Открой его – ведь ты везуч! – но сдерживает что-то.
Одежда сложена бунтом, сознания голос ломок,
И усыпляет чистый тон жужжания насекомых.
Тебе приснится: всё ясней, как прежде стало тихо,
И надпись кровью на стене: «НАСИЛИЕ – НЕ ВЫХОД».

Голова

*Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.*

Иосиф Бродский

*И увидел он,
Как вкатилась в дом...
Как вкатилась в дом живая голова,
Открывала рот и моргала она!*

Король и Шут

Катится моя голова дурная
От города к граду, от плахи к плахе,
От ада к аду, да от рая к раю,
Сквозь леса и горы, в пыли и прахе,
От радости к горю, от лжи к обману,
Сквозь поток огня и кривую пустошь:
«Я от вас, родимые, не отстану!
Ты меня, мой миленький, не упустишь!»,
Скачет белым мячиком по ухабам,
Бьётся лбом порою на поворотах,
Думали словить её – да куда вам,
Не нужны ей воздух, еда и отдых,
Волосы стоптались – двигается голой,
Без идей и смысла, цели и девиза,
Катится – и кричит во всё отсутствующее горло:
«Всем спасибо! Рот ещё не забился!»

Эпитафия

Жил как кот, рос как сын,
Пил как мак, зол, мыт, сир,
Рад был сну, шил все швы,
Бил как три, так все злы.
Нищ как пёс, лыс как лоб,
Бос, гол, кос, тёк как лёд,

Пал нам мор, всё под ним,
Нёс нам зло, шёл как дым.

Морские чудеса

Бледноцветка, бледноцветка,
Как меня ты держишь цепко!
Мне объятий не разъять,
Не вернуть событий вспять.
Не тяни меня на дно,
Я с тобою заодно.

Красоглазка, красоглазка,
На глаза твои натаскан,
Я лечу к тебе, мой друг,
Большеног и многорук.
Ты не скроешься на дне,
Я с тобою наравне.

Листогубка, листогубка,
Как с тобой бывает жутко!
Присосёшься лишь на миг –
Я уже печально сник,
Не ищи меня внизу,
Всё я понял, отползу.

Костежорка, костежорка,
Ты следишь за мною зорко,
Но секрет тебе шепну:
Я рассыпался по дну.
Ты смотри не потолстей:
Не собрать моих костей!

Соль (1)

Мне было так мутно и пресно,
Иголка под сердцем скребла,
Но чья-то чужая невеста
С улыбкой мне соль поднесла.

Не надо мне дружбы и злата,
Утихло в затылке сверло:
Всё стало бело и богато,
Оттенки и вкус обрело.

Как кошка она улыбалась,
Мне в руку подарок кроша,
И чувствовал радостный хаос,
И радостно пела душа.

Заведомо было известно,
Что воду не удержишь в горсти,
Исчезла чужая невеста,
И следа её не найти.

Как ветром изорванный парус,
Становится рана больней,
Но только иголка осталась...
А впрочем, привыкну и к ней.

Заноза (2)

Я привык к своей иголке,
осознал характер тонкий,
ей готов подставить спину,
шею, ухо, глаз, язык –
нипочём её не скину,
потому что всё, привык.
С ней спокойней как-то, что ли,
от следов спасает лёд –

если вдруг она не колет,
я скучаю без неё.

Я влюблён в свою занозу,
пусть и смотрит кто-то косо,
рад всегда её потрогать,
щель открыть среди брони,
хоть в ладошку, хоть под ноготь –
только взглядом намекни.
Всё равно, что скажут люди,
след узорчатый набей –

если вдруг она забудет,
я напомним о себе.

Арифметика

Сердце к сердцу плюсовать — искус,
Помнишь, это пела Литл Буц?

Выпускали в небо голубей —
С этой арифметикой твоей.

Пара тысяч дней прошла с тех пор,
И сердца разбились, как фарфор.

Так скорей забыть тебя позволь:
Сердце минус сердце будет ноль.

Ведьма

— Моё везение ушло, как будто щель прогрызли мыши.
Твои 14 – счастливое число, скажи, а ты сонеты пишешь?

Уж две недели как живой! А ведь заботы так кусачи!
Ты поделился бы со мной своей слагательной удачей!

Стучится страшное извне, непостижимо и крылато,
И знаешь, труп твой стоил мне четыре, мать его, дуката!

— Следы не ноют от ножа, но слышу ложное в вопросе:
Вы обознались, госпожа, моё число – всего лишь 8.

Справедливость

Мы делили апельсин...

Теперь не проси,
А послушай известие:
Второй апельсин
Мы разделим по-честному:

Долька для волка – за прошлый демарш,
Долька для волка – за то, что не ваш,
Долька для волка – за горный предел,
Долька для волка – за то, что терпел.

Долька для волка – презрев озорство,
Не уничтожил из вас никого,
Долька для волка – ведь он в этот миг
Безапельсинье на шкуре постиг.

Долька для волка
Долька для волка
Долька для волка
Долька для волка

Долька для волка – велит вам устав,
Долька для волка – не долька на ветер,
Долька для волка – поскольку он прав,
Долька для волка – волчице и детям.

Долька для волка – отдай не скупясь,
Долька для волка – не шутка, поверьте.
Долька для волка – причинная связь
Между тобой и отсутствием смерти.

Долька для волка
Долька для волка
Долька для волка
Долька для волка

Пощады проси,
Тогда фатум не высечет:
Дели апельсин
Если скажет, на тысячу:

Долька для волка – он так её ждал,
Долька для волка – приятный сигнал,
Долька для волка – сейчас, сквозь года,
Долька для волка – так будет всегда.

Долька для волка
Долька для волка
Долька для волка
Долька для волка

Долька для волка – забавная сыть,
Долька для волка – корицей посыпь.

Уезжающей

Слушай же, прелестная упрямица:
Сыпется песок, бежит вода –
Самолёты вдруг не приземляются,
Не идут до станций поезда.

Пред собой сама ты виноватая,
Посмотри, решаешься на грех!
И тебе никто не даст гарантии,
Что добраться сможешь без помех.

Соразмерь-ка ты желанья с платою,
Зря сужденья бросились вразброд.
Там, куда ты едешь – пламя адово,
И достать непросто кислород.

Но уж коль решила окончательно –
Нет ума совсем уже, видать, –
Так возьми с собой меня, ругателя,
Ведь одной не дело рисковать.

Две минуты – собираюсь наскоро,
Суечусь, как бешеный термит –
И пускай проблемы будут с транспортом,
И пускай теперь испепелит.

Противостояние

Вот, смотри: из пены идёт богиня,
А кругом стоят дураки нагие,
И повадка с сутью у них одина,
А с небес холодное конфетти —
Смотрят на неё, как Адам на змия,
И боятся слово произнести.

Вот, смотри: из камня выходит дева,
Одержима смесью восторга с гневом,
Щит на правом локте, оружие слева,
Сразу видно силу, красу и стать:
Тут же всё исполняют, что захотела,
Ей лишь стоит пафосно приказать.

Вот, смотри: из искры явилось пламя,
И война пошла на скале и в храме,
Тысячи сражались, и сотни пали,
Где стоял дворец — там барак чумной,
Им же всё равно, что случится с нами —
Главное, остаться из двух одной.

Видишь ли — случается временами,
Что стоять невыгодно за ценой.

Успокоение

Мне мама говорила оль
Впустию ты не балаболь
И не дели нуля на ноль
И не бывай смурной
И если вдруг случилась боль
Ты смой её водой

С тех пор я часто у реки
По мне тоскуют рыбаки
Пусть берега нешироки
Мне хватит отдохнуть
Годам и детям вопреки
Я счастлива чуть-чуть

Я словно дух прибрежных вод
Зимою разбиваю лёд
Вот воробей идёт на взлёт
Беспечный как всегда
И если кто-нибудь умрёт
Я вновь приду сюда

Весна

Вьётся пламя веселей
Флага,
Начинаешь стороной
Стлаться —
Это памяти моей
Дага
Пробивает твой стальной
Панцирь,
Это старого жнивья
Колос
Начинает прорастать
В марте,
И кривая колея —
Полоз —
Прикрывает белогладь —
Жарьге,
Это нежности моей
Песня
Раздаётся из глухой
Дали,
Это тихий апогей
Пресный,
Не услышанный тобой
В шквале,
Это ярости и слёз
Крики,
Это чистого листа
Поле,
Холодеющий утёс
Дикий, —
Настоящая весна,
Воля.

Неуловимость (апликация)

Продумав семнадцать часов подряд, Франсуа Сервантес Пруст медленно вывел: «Ускользя, скользя, все время поворачиваясь, взбываясь выше и выше все расширяющимися огненными кругами...» – и остановился.

Фриц Лейбер, «Серебряные яйцеглавы».

Чтоб отыскать её, нужно её доверие,
Сбой тут недопустим,
А результат – неведом.
Не найдёшь ни в книге, ни во дворе её,
Не подскажет никто, где найти,
Разве только пустят ложным следом.

Мембраны твои для неё слишком крупнопористы,
Много чего отсёк,
Стал как крем в пирожном.
Так неуютны все эти неопределённости –
Взял бы и бросил всё,
Если б было можно.

А она так переменчива и обманчива,
Собирает свои фетиши
С самых дальних окраин,
*Ускользя, скользя, все время поворачиваясь,
Взбываясь выше и выше
Все расширяющимися огненными кругами...*

Два цвета

Сбросив всё лишнее, нагло-гола,
С трещинами от кинжала
Кость всё такую же белой была;
Кровь была алой.

Издали кажется – бурая грязь
Там, где красotka блистала:
Белую кожу марают, струясь,
Сок алый-алый.

Злая натура и радостный грим,
Старые и молодые
Перемешаются, станут одним
В розовом дыме.

Сделай коктейль из вина и белил,
Слушай в метели свирели:
Сколько бы красного ты ни носил –
Цвет будет белый.

...Камня рисунок и брызги стекла,
Капли шальных акварелей:
Кровь всё такую же алой была;
Кость была белой.

Алхимик

Ночь изломают майскую яркий огонь и скрежеты,
Он забывает, где же ты, он подчиняет нежитей,
Старый алхимик наскоро скроет лицо под маскою,
Что-то шепча с опаскою, видимо, про ушедшее:

«Где ты, моя любовница, что ты поёшь вполголоса,
Кто тебе чешет волосы, слышит твои слова?
Всё ещё обустроится, стерпится, успокоится,
Нас рассудила горлица – ты была неправа.

Пляшет в глазах кириллица, небо дождём расколото,
Нечто недоброе видится в линиях площадей.
Я выбираю золото, я выбираю золото,
Я выбираю золото – что ещё надо ей?»

Чары не любят неженок, ведомо и умершему:
Злой огонёк впивается в кожу его лица.
Пламя давно рассерженно и пожирает бешено
Всё, что во имя хаоса он проникнул, мерцав.

«Что ж, я исполнил заново пляску свинца и молота,
Пусть потечёт шафраново яркий ручей огня:
Вот тебе это золото, вот тебе это золото,
Вот тебе это золото – хватит, оставь меня».

Приглашение

Ирине

Мир мой мал, но в плечах не тесен,
Есть в нём нарды и пара песен,
Шаг на волю – два к алтарю.
Хочешь его?
Дарю.

Мал мой мир, только мне довольно,
Я тебя встречу в нём хлебом-солью,
Дней своих чередой.
Нравится, да?
Он твой.

Мой мал мир, но коль мы едины,
Мне его хватит и половины,
Вот, покрути штурвал.
Будешь моей?
Я знал!

Мал мир мой, но другой не нужен,
Не бывает крупней жемчужин.

Выбор

«Есть слова для тебя – персонаж и персона,
Очевидна их связь и различье весомо,
Вариант выбирая, готов к чудесам:
Именуя других, возвышаешься сам.

Мне твой ведом предел и открыты границы,
Знаю, можешь вздыхать, уточнять, корениться,
Только слабость твою я раскрою сперва:
Ты способно шептать лишь чужие слова.

Например, прямо эти. Давай-ка сначала,
Ведь их ряд утрамбован и время настало,
Лишь обратно чуть-чуть раскрути *колесо*:
“Есть слова для тебя. Персонаж и персо...”»

– Полюбуйся, он больше тебе не прислуга,
Человек закрывает глаза от испуга
И трясёт головой, твой приказ поборов:
Значит, есть ещё много несказанных слов...

Пугало (ещё одна деревенская плясовая)

...Вырастает пугало в ходе летних дней
Больше, чем мы думали, выше и сильнее;
Обрядилось наскоро, стережёт репей,
Паука прожорливей и крота слепей.

Вот склонилось арочкой у живой стены:
«Мне твои подарочки больше не нужны!»
Красоту бабусину брать остереглось:
«Голубые бусины – оторви да брось!»

Молнии сверкание, трещин серых нить
Эта сила странная может оживить,
Очарует каждого, двинет налегке,
К милым пустякам, что ты брал на чердаке.

Позабыв пирожные, сонный, второпях
Ты бежишь под дождиком к холмику в полях,
Сотворить что сказано – и опять домой.
Бусины за пазухой – дело за тобой.

Слышен вопль мёртвого грача...

Слышен вопль мёртвого грача,
Да не одного, а целых сотен.
Голубая ведьмина свеча
Освещает топи на болоте.

Раскрывайся, лягушачий зев,
Коротись, летучая обнова.
Лишь полвзгляда дам тебе, присев
На надгробье злого водяного.

Лишь полвздоха, ночь да лоскуты
Лунного скупого освещенья
Сумерки таят. Слетаешь ты,
Лапками — как иглами по венам.

Так что поумерь-ка эту прыть,
Успокой окрестность ровным стоном;
Свет моей свечи не погасить
Ни тебе, герой, ни насекомым.

Леди (очередная деревенская плясовая)

Трещину в стене покажет храм,
Аромат раздастся хризантем,
Воздух тихо разойдётся по углам,
Всё на миг умолкнет, а затем

Снова в воздухе явятся тайные знаки,
Волки взвоят, исчезнут медведи –
И окрестности все прижимаются в страхе
К земле, слыша рык моей леди.

В прошлый раз был кто-то виноват,
Слишком быстро ей считал тик-так.
У неё отчаявшийся взгляд,
У неё неумолимый шаг.

Её веки прикрыты алебастровой кожей,
Кости сломаны, руки – плети,
Станет мир неуютней, опасней и строже,
Лишь появится в нём моя леди.

Но недолговечен тот урон,
Ход вещей расчётлив и жесток:
Лишь случится колокольный звон –
И она рассыплется в песок.

Но не вечно звучать будет писк соловья,
Быстро слабнут запоры и клетки –
И с цепи её снова отпустит земля,
Мою милую, нежную леди.

Полевая песенка

Голос – имя, голос – имя,
Станем мы совсем большими,
Нам не хватит всей земли –
Родились и зацвели.

Маска – танец, маска – танец,
Мы – услада всех красавиц,
Ароматны и чисты,
Синеглазые цветы.

Солнце – звёзды, солнце – звёзды,
Нами быть совсем не просто:
Мы растём прилежно для
Бедняка и короля.

Слава – ветер, слава – ветер,
Вы спросите – мы ответим,
Для чего и не впервой
Мы рискуем головой:

Имя – голос, имя – голос,
Всё свернулось, расколосось,
Тот спасётся из цветов,
Кто залезть под нож готов.

Сделано как надо

...В запахе свежей хвои
Вновь полетит копьё.
Всё, что умел, устроил,
Что не сумел — твоё.
С той стороны каната
Видно издалека:
Сделано всё как надо,
Вкус — будто коньяка.

Пусть и бросок несложный —
Судьи зато строги.
Вновь опустеют ножны,
Вновь зазвенят клинки.
Счёт был давно угадан,
Ноша была легка.
Сделано всё как надо,
Вкус — будто коньяка.

Жалили нас как слепни,
Били как кошки — крыс,
Я уходил последним,
Выдав прощальный приз.
Где ты, моя награда?
Не отыскал пока.
Сделано всё как надо,
Вкус — будто коньяка.

Ты не скучай по крови,
Не забегай вперёд.
Жди, мы вернёмся вскоре,
Будет ещё поход.
Не надышусь на ладан,
Вьётся моя строка.
Сделано всё как надо,
Вкус — будто коньяка.

С горной вершины камень
Катится вековой.
Мы не сумели стаей,
Мы сокрушим ордой.
С нами не будет слада,
Не удержать броска.
Сделано всё как надо,
Вкус — будто коньяка.

Лирика

хочу войти к тебе в дом незванным
сказать два слова и два услышать
увидеть тайну на дне стакана
почувать правду узнать о бывших
поставить чайник уйти нескоро
дождаться старости внуков грелки
здесь нет предмета для разговора
здесь только кофе и карамельки

а до того как уйти красиво
оставить след на твоей извёстке
читать английские детективы
ругать за то что герои плоски
сесть поудобней в чужие сани
терпеть до света в конце сеанса
здесь нет оправданных ожиданий
здесь только поданные авансы

но ты ведь знаешь я день вчерашний
давно свои расстрелял мишени
и вряд ли стану пугать домашних
к тебе явившись без приглашенья
так повтори мне всё это эхом
добавив в чём-то и на контрасте
здесь нет ни радости ни успеха
здесь только мелкое злое счастье

**Абсолютный довод
(стихотворение с букетной карточки)**

Я впечатлѐн познаниями твоими,
Подумал, собирая сей букет:
Что значит «роза»? Имя – это имя,
Хоть назовѐшь им розу, хоть и нет.

Всѐ так по сути: роза – это роза,
A rose «a rose» is still a rose «a rose»,
Но вот по существу того вопроса,
Боюсь, сказать придётся чуть вразброс.

Представь себе: ведь с этим все согласны,
И говорят, что «роза» – роза есть.
A rose is still... – Какие тут соблазны?
...Is still a rose – в том фабула и весть.

Преодолеют тягостное вето –
A rose is still... – корзиночка полна! –
Единство декларируя с предметом,
Ещё себя покажут имена,

На свойств тождественность ничуть не претендуя,
Но равенство постановить сумев...
Ты сам, я вижу, голову седую
Чуть наклонил, поняв, к чему припев.

Забудь про окружающие лица,
Презри текущих дел обычный хлам.
Подумай сам: как может поместиться
Так много строк – на карточке к цветам?

Ты видел их? С визитку ведь размером,
A rose a rose – от силы восемь строк.
A rose is still... – чернилами по венам,
Да к сердцу дальнему, сквозь лист и уголёк.

Всё очень просто. Это «я» пишу ведь,
В обход объекта – имя напрямик.
Ты молодец. Ты что-то смог почуять,
Возьми себе одну из наших книг.

Апликация на копипасту

Сменились прорези замков,
Скрипит предательская сырость...
Я был ко встрече не готов,
Но всё затем переменилось.

И завершается визит —
Нежданный, безответный, жаркий;
Спешу тебя сопроводить
Напутственной своей ремаркой,

А сердце рвётся из груди,
Душа невысказанным плачет:
Ублюдох, мать твою, иди
Скорей сюда, говно собачье.

Напутствие сыну

Пускай тебе не говорят,
Но сам, как водится, с усами,
Увидишь сам: жизнь — просто ряд
Нелепых звукосочетаний.
С утра, допустим, в гастроном
Больной несёшься за бутылкой
А там: «Ом мани! Падме ом!» —
Со страстью пагубной и пылкой.

Или на бойню пронесёшь
Своё заточенное шило —
И обнаружится, что ёж
Стал нарушением режима;
«Крыжовник целится в котят»,
«Магнит рассыпался от жажды» —
В лесу, в болоте и в полях
Об этом знать обязан каждый.

И не всегда слова подстать
Дел сути, им одновременных,
Нам не дано предугадать
Всех этих правд и переменных.
Допустим, ослик скажет «беее»,
А ты в тот миг двоякодышащ;
Когда-нибудь, представь себе,
Об этом книгу ты напишешь.

Так проявить сумей же прыть,
Что скажешь — вытерпит бумага,
Не всё ж по тихим водам плыть
Евфрата, Волги или Ганга;
Тот хлам, что, брюхо распоров,
Ты достаёшь, смешон и дерзок,
В каком-то лучшем из миров —
Активность, кислота и персик.

На мотив «Солнечного зайчика»

Так хотелось оказаться нам в сказке,
Что потеряна дорога обратно.
Начинали мы давно, без опаски,
А теперь нет солнца – только лишь пятна.

Начинали мы давно, без опаски,
А теперь нет солнца – только лишь пятна.

Но хотелось нам волшебного, что ли,
Что вдруг в сердце поселилось некстати.
Про отчаянье и годы неволи
Нам расскажет милый Пол Джиаматти.

Про отчаянье и годы неволи
Нам расскажет милый Пол Джиаматти.

Так поведай, Пол, о мистере Бэнксе,
Пошути про выходки Супербисто,
Нам поставь из рока лучшие песни –
Как пузырьки в токайском игристом.

Нам поставь из рока лучшие песни –
Как пузырьки в токайском игристом.

Так давно живём надеждой на чудо,
Только будет всё не так в результате:
К нам приедут со всего Голливуда,
Не приедет только Пол Джиаматти.

К нам приедут со всего Голливуда,
Не приедет только Пол Джиаматти.

Дни последние ещё не настали,
Вот когда решим, что всё уже, хватит.
К нам среди осколков света и стали
Вдруг вернётся добрый Пол Джиаматти.

К нам среди осколков света и стали
Вдруг вернётся добрый Пол Джиаматти.

Два романа

Озабочен набивкой кармана,
Жизнь познавший со многих сторон,
Два романа прочёл, два романа
Я – «Улисс» и «Виконт Бражелон».

Эти книги мне многое дали,
Ведь писались не час – на века.
Есть в «Улиссе» текстяцкие дали,
Есть в «Виконте» интриги и Карл.

Сам писать, хоть и песни, умею,
Но в плену очарованных строк:
Не забуду я месячных Мэри
И Атоса блестящий клинок.

Поджидая обещанной воли
Знаю: будет судьбины полёт,
И в сопливозелёное море
Кардинал Мазарини падёт.

Одинокая велосипедистка

Одинокая вело-
сипедистка!

На тебе футболка с принтом Frisco –
Ярким, жёлто-красного акрила,
Ты сейчас его рукой загородила.

Одинокая вело-
сипедистка!

У тебя в корзинке розы и редиска,
Меж зубов – сезонная былинка,
Туфли – цвета дохлого фламинго.

Одинокая вело-
сипедистка!

Четыре пива кроют литр виски.
Отваги – на Гагарина и Щорса,
Иначе что ты под гору несёшься?

Одинокая вело-
сипедистка!

Ты педали крутишь в ритме диско,
Между тем, почти что семь утра;
Ты пьяна, но вычурно-бодра.

Одинокая вело-
сипедистка!

Местность здесь безлюдна и кустиста.
Может встретиться, улыбчив и лучист,
Одинокий вело-
сипедист.

Одинокая вело-
сипедистка!

Два часа в пути, и я так близко.
Видишь, развеваюсь на ветру?
Всё дурное с памяти сотру.

Кредо

Хорошо, если цвет заполняет собой
Холст, засунутый в раму, с грунтовкой любой.
Нарисован рассвет и на море баркас
Улыбаются все – людям это как раз.

Только я эпилептик – и с этих картин
Я трясусь головой и предчувствую сплин,
Бьюсь о стену, верчусь, хохочу, как койот:
Что красиво другим, мне лишь пену даёт.

Всем приятны стихи и возвышенный стиль,
Люди хвалят поэта и просят: «Усиль!»
Скажут все – «Молодец!» и никто – «Паразит!»,
Если строчка, как шашка – наотмашь разит.

А вот я параноик – вы видите связь?
То, что дорого вам, я отвергну, смеясь.
Точно знаю, зачем, точно знаю, когда
От красивых словес приключится беда.

Как терниста дорога по шпалам – и ввысь,
И без пастыря вам не суметь обойтись,
Ведь способны лишь ныть, об ушедшем скорбя,
Если кто-то не сможет всё взять на себя.

Я всего лишь прагматик – с толпою вразрез
Не достойный награды, не ждущий чудес,
Оценить не способный подателя благ;
Сквозь туман пробираясь, не скрою свой шаг.

Людам надобен пряник, боязен им кнут,
Все стремятся к чему-то, куда-то бегут,
Но молчат небеса и пылает земля —
В ожидании смерти, движения для.

Жаль, что я паралитик – вы видите, как
Я, не в силах подняться, испортил пиджак.
Вы отводите взгляд, так свежи и резвы.
Не завидую вам.
Я такой же, как вы.

Песенка об Элайдже Моргане

Был хорош Элайджа Морган, краше не было в бою,
Но всего любил он больше грога порцию свою.
Паруса ли надо ставить, абордажный ли настил —
Исполнял он всё как надо, и команду веселил.
А во время перестрелки, повелось так испокон,
«Браун Бесс» цеплял он левой, правой — кружку и лимон.

Пусть и шла порой подначка про подагру и левшу,
Слышал всяк его браваду: «Людоедов — порешу!»
Как с туземцами схлестнулись на далёких островах,
В первых он рядах рубился, был тогда повержен враг.
Капитан в журнале пишет — «Ром кончается как раз,
В правой булькало бухлишко — в левой он сжимал катласс».

Если рифы, или мели, или корсары вдогон,
Заводил шанти он первым, и на шканцах чемпион,
Всё тотчас организует — призовую лишь налей,
И спокойны офицеры, коли Морган на корме:
Подменяя рулевого, курс проложит по уму,
Но штурвал он держит левой — угадайте, почему.

Много Морган стал прочнее, закалясь в огне горнил,
Что последнее видали — как он свататься ходил;
Та портовая красotka пятый год его ждала,
Говорит он ей: «Я в море завершил свои дела.
Заведём детей, таверну, обретём себе покой,
Я с тобой навеки, Дженни» — и обнял одной рукой.

Запрет (посвящение Эдуарду Хилю)

Ты – карта из потрёпанной колоды,
В душе твоей покой, в глазах – слюда.
Тебе нельзя, где медленные воды,
Тебе нельзя, где рельсы в два ряда.

Реальность неразрывна и упруга,
Всё выдержит, стена и бурля.
Тебе нельзя, где песенка по кругу,
Тебе нельзя, где круглая земля.

Уместна лишь внезапная истома,
Небесный росчерк, устрица в грязи...
Тебе нельзя, где человек из дома,
Тебе нельзя, где виден мир вблизи.

Такое положенье в чём-то лестно:
Не человек, не образ и не храм.
Тебе нельзя, где иволгина песня,
Тебе нельзя, где руки к топорам.

И пусть твой голос лучший в целом мире,
Пусть был рождён как ласточка летать –
Тебе нельзя, где дважды два – четыре,
Тебе нельзя туда, где пятью пять.

С другой стороны книжной полки

Границы сегодня так тонки,
Взгляни на свой дом сквозь спондей:
С другой стороны книжной полки
Романы читают людей.

Листает Джек Лондон лениво
Кого-то (суровая статья!),
Глядят в сыскаря детективы,
Ужастики... лучше не знать.

Толстой крайне пристален — просто
Уставился, словно скорбя,
И Сэлинджер смотрит в подростка,
А Оруэлл шепчет тебя.

Там свинг изучает Эрато,
Очками блестит Стивен Кинг...
И место в строю — для когда-то
Тобой не написанных книг,

Его не заполнит ни классик,
Ни модный творец сетевой,
Вот тем неписец и опасен:
Влачась, он играет тобой.

Добыча

...Солнечный шест боги в дырку небес воткнули –
Между мирами проход необычно тонок.
Папа-охотник ушёл за добычей в джунгли,
В хибару к нему в это время залез тигрёнок.

Местность котёнку была ещё незнакома,
Запах людской ему не означал нюанса.
...Сын-пятилетка один оставался дома,
Тигров не видел – поэтому не боялся.

*...Дети в обнимку к обеду опять уснули,
Маленький тигр к мальчонке прильнул, мурлыча.
Взрослый – всегда найдёт, кого встретить пулей,
Или законной сделать своей добычей.*

Вечер природу красит пятнисто-бурым,
(я бы сказал, в пастель – но неправда, что уж!)
Папа домой вернулся с пятнистой шкурой
Старого тигра, которого был детёныш.

Впрочем, не так всё было. Победы – шатки,
В этой связи предыдущий финал бракую.
Дети остались живы. Отцы же в схватке
Убили друг друга, клыки уравнивая и пулю.

Парень с тигрёнком. И пара смертей всего-то.
Этот сюжет окончен – терпи, бумага:
Им ещё вырасти – юноша раз с охоты
*Тож*е придёт довольный своей отвагой.

Муза

Душа непризнанную музу
Зарядкой от айпэда-три,
Поэт чесал лениво пузо
И думал, что у ней внутри.
Идеи ли могучих древних?
Науки тайной письмена?
Фривольность, что поют в тавернах?
А муза корчилась.

Луна

Над ними двигалась лениво,
В пельменях замерзало пиво,
Билан по радио охрип;
А муза всё не умирала,
И губы – сладких два коралла –
Протяжный издавали всхлип.

Поэту чудятся виденья:
При нём апатия тюленья,
Себя он видел в роли Гейне
(Иль Гёте – кто их разберёт?),
Но с музой путь лишь в голодранцы,
Он вискарём размыл ей панцирь,
И вот – она в последнем танце
Сигнализирует в блокнот:

*«А ведь была в фаворе вроде,
Хотя с тобою – разве жизнь?
Я унижалась, сумасбродя,
Стремилась ввысь – попала вниз.
Поэт, все силы на исходе.
Прозрений нет.*

Но ты держись».

Жива уж целых тридцать строк!
Желанный путь к свободе — где же?
...Творец использует клинок,
Которым сыр обычно режет.

Отныне — в прозе он хорош!
Стараясь не смотреть, где лужа,
Под мойку бросит липкий нож
И смывает кровь под стружкой душа.

Поэт-2

...а мне доподлинно известно: поэт не должен быть один,
Не ради даже чьей-то песни – процесс письма необратим,
Стило – пусть небольшая сила, особую имеет пруть:
Всё, что испачкали чернила – не получается отмыть.
Поэт счастливым быть не может (определенье ремесла),
Готов порой расстаться с кожей – она всегда ему мала.
Он не боится тьмы и терний, весьма к себе бывает строг,
И одиночество, поверь мне – лишь почва для грядущих строк: Он
напитать их может ядом и обернуть в обложку книг,
Не повезло случиться рядом – и можешь быть отравлен вмиг.
Прошу вас, наложите вето: ни в юности, ни повзрослев,
Не отбирайте у поэтов любви их восхищённых дев.

Пусть может показаться добрым – коль сердце некуда приткнётся,
Поэт опаснее, чем кобра, не возлюбив кого-нибудь.

Элегия-2

поёт электричка на шпале
висит объявление учёт
и спальный район затихает
и новый закат настаёт

сиреневый вечер пахучий
в машине ничейной охрип
и вот в паутину созвучий
попался навязчивый скрип

со мной папироса и банка
и мессидж её неглубок
с названием простеньким алко
«содержит гранатовый сок»

Апликация на Горация

Рисуя блики от ножа, стило изгрызжи вензелями,
Влиянья муз не избежать ни королю, ни обезьяне;
Провозглашается виват над двоеточием убитым,
И вот — готов лауреат, увенчан тёрнами и миртом.
Поэзии фигурный лёд никто давно уже не ищет:
Едва с небес лишь упадёт, как сразу брякнется об днище.

Она неузнанной ушла, как ваше счастье и свобода,
И дистрофичные крыла не добавляют слову хода;
Селёдкой красною висит, острее становится и метче,
Даруют сень своих эгид ей крючоктвор и трафаретчик.
А если вдруг не сберегли, итог не будет непотребен:
Лишь оторвётся от земли, тотчас окажется на небе.

Демидургическая басня

— Из пластилина ты мир нам слепил,
Вот так удача! Хватило же сил!
Кто-то — идея в отсутствие штук,
А вот у нас — лично свой Демидург!
Славим тебя не жалеючи мозг:
Ты нам и счастье, и радость принёс!
Будет теперь благодати река!
Слово Твоё пронесём сквозь века!
Был пластилин не придуман — а глядь —
Создан весь свет, а внутри — благодать!
Надо ж такое! Придумать же смог!
Славим! Осанна! И благодарим!

Им отвечает смутившийся Бог:
"Это не пластилин".

Апликация на Козьму Пруткова

Тысяча красок скрестилось, чтоб
Блики дать в свете ламп.
Счастье похоже на бутеноп
(или на глазенап).

Воспламени, растопи, согрей,
Все приоткрой пути.
Ты так внезапен в своей игре —
Лучше слов не найти.

Ты так прекрасен, что ниспошлёт
Кто-то венки, скорбя;
Ты так надёжен — весь в мире лёд
Не закуёт тебя.

Ход набирая меж звёздных страз,
Плюнь в первозданный суп:
Радость похожа на пенаглаз
(или на понебут).

Вальсок

Есть у тебя васильковые заросли
В гуще воспетых сатиrom лугов,
В сердце морозов сорокоградусных
Видел я отблеск огня твоего,
Есть и силки для межзвёздного лова,
И для любого следа колея —
Но у тебя нет ничего такого,
Что я хотел для себя.

Есть у тебя невозможные скорости,
Универсальный всеобщий приказ,
Запахи тайны, таблетка от горести,
Увеличитель для пальцев и глаз,
Цельнолитая из камня подкова,
Десять столетий как свежий бисквит,
Но у тебя нет ничего такого,
Чтобы меня удивить.

Есть у тебя расстройство личности,
Пули, летящие сквозь времена;
Щётки, способные, прошлое вычистив,
В будущем это отметить сполна;
Есть для отмены грядущего слово,
Есть и кинжал — лучше тысячи слов,
Но у тебя нет ничего такого,
К чему я был не готов.

Есть у тебя благородное общество
И утончённых немало девиц,
Всё, что мечту оседлавшему хочется,
Всё, чего алчет свалившийся ниц;
Что возвращается снова и снова
(в роли всё той же, но — чаще — иной),
Но у тебя нет ничего такого,
Чтобы сравниться со мной.

Есть у тебя ощущение предвиденья,
Есть и коллекция прочих защит,
Шансы удачи тобою сосчитаны,
Счастье по сговору ярко шалит,
Есть и страховка от злого итога,
И отражение всяческих чар,
Но у тебя нет ничего такого,
Чтобы прервать мой удар.

Неправильный мужской сонет

Года меняя, как меняют женщин
(а вещи эти — равных степеней),
Становишься стабильнее и резче,
Сильнее, зауряднее, умней;
Жалеть о чём-то нет желанья вовсе,
Ведь всё быстрее очередная осень.

А не меняя — старый второгодник! —
Ты застреваешь в мира веществе
Безудержней, а значит, благородней,
Опаснее, зависимей, живей;
Когда-нибудь вдруг встретишь незнакомца —
И память о непрожитом вернётся.

Я, чуя настоящую беду,
Сменил семнадцать — дальше не иду.

Шарфик

Шарфик сизокрылый
с белого плеча
Мне идею милой
прочно увенчал.
В продолжение носки —
осторожно трожь! —
Синие полоски,
золотая брошь.
Не заметил, чтобы
ты была мертва —
Как ты там, зазноба,
нынче без шарфа?
Шею ли не щиплет?
Не было ль простуд?
не твои ль миндалины нынче зацветут?
Я умом не тронусь
через толщу лет:
У меня есть Логос —
нужен ли объект?
Для чего мне тело
с мясом и костью,
если всё сгорело,
что ж теперь — дыми?
Человек болеет
И бывает бит —
Видишь ли, идее это не грозит!
Надо-то немного,
символ да настрой,
Это — метод Бога
Свехъязыковой.
В мирозданье домне
выдам без прикрас:

Он всего запомнил
 одного из нас.
Все мы понарошку,
 для Него всерьёз —
Золотая брошка
 в синеве полос.

Союз рыжих

В моём Союзе рыжих
Десятка два девиц:
Большие, чуть пониже,
И мелкие, как спиц.

Но Дженни всех милее,
Улыбчивей, добрей;
Прекраснейшая фея,
Я как младенец млею
В объятиях у ней.

Меня непостоянством
Не можно укорить:
Где запонки — там галстук,
Где иглы — там и нить.

Я восхищаюсь Полли,
Веснушчатой, рябой;
Лишённый всякой воли,
В любовь её, как в море,
Бросаюсь с головой.

И список мне не нужен,
Всех знаю наизусть,
В жару и в злую стужу
К Союзу я пройдуся.

Там ожидает Дебби,
Тоскует у окна,
И знают даже дети,
Что краше всех на свете,
Пусть даже неверна.

И пусть готовят свинку,
Наезд готовят пусть,
«Друзья мои! — воскликну, —
Прекрасен наш Союз!»

Ведь в нём — малютка Бекки,
Поклонница котят,
Она моя навеки,
Все в мире человеки
Такую же хотят.

Насмешка

Была насмешка так груба,
Что получилось очень глупо:
В кармане — острая крупа,
На пальцах — запахи от трупа.

Валялась ржавая труба,
Действительность являла лупа:
На дне кастрюли, из-под супа,
Виднелась шляпка от гриба,

Ещё моя летает ступа,
Но держится едва-едва—
И не срывается резьба
У днища ейного шурупа;
Неизречённые слова
Притягивают почему-то.

Была надежда так скупа,
Что ситуация — не та:
На пальцах — запахи от трупа,
В кармане — острая крупа.

Рассказчик

Я хочу кричать — у меня нет рта,
К жестам непригодны мои культи,
Светится сетчатка, а в ней — мечта:
Две строки следов вам перевести,

Тех, что мне видны в предрассветный час
Над сиренево-чёрной пустой водой;
Но мой тихий голос давно угас,
Только скачет мысль в голове больной.

Те следы отметят движенье звёзд
Точностью стремительного броска,
До тех пор, пока это не всерьёз,
Пусть себе сбывается — а пока

Я сижу у обрыва, здоров как шпиц,
Лапами в грязь так надёжно врос,
И пишу для крайне ограниченного круга лиц
Малиновую книгу краем глаза подмеченных грёз.

Злодейский сонет

Ты прямоте вниманье уделяла,
Не тратясь на разведку прочих троп,
Не опасаясь ссоры и скандала,
Не убоившись перейти в галоп,

О, если б ты открыла только способ,
Чтоб устоять — как чёрная скала,
Что крабу даст приют и альбатросу,
Притом не отмываясь добела!

Красавица из дутого стекла,
От двойственности этой так устала,
Что быть одной — теперь не так уж мало

(Волна всех близких радостно смела),

И смотришь так безжалостно и косо —
Я искривлён, как старый знак вопроса.

Сонет расставания

Разорвалась нечаянная связь,
Всё оказалось буднично и просто:
Твоя с моей дорога разошлась,
И это был последний перекрёсток.

Причёску пёстрой лентою укрась,
В делах удачи жди, в судьбе — прироста,
И пусть далёкий наш прозрачный остров
Хвостом заденет жареный карась.

Ты оказалась в расставаньях дока —

Не оглянувшись на прощальный взгляд,
К Макару гонишь полчища телят,
А перед этим много лет подряд

Ты шла путём и правды, и порока;
Что там, что здесь — темно и одиноко.

Песенка племянницы

Сколько в воду было брошено
В прошлый мой ещё приезд!
Возвращаюсь к тебе, тётушка,
Я из самых дальних мест.

Одинока ты, помещица,
Что же косишься хитро?
Нынче ветер, волны плещутся,
Приноси своё добро.

my little aunt Mary is sweet as a berry and she knows what counts
and she's so distingue that there is no resisting to her tricks and
taunts

Вот перо тебе от страуса,
Вот осенней утки кряк;
Мы с тобою посчитаемся,
Не смотри, что я в гостях.

my little aunt Mary is sweet as a berry and she knows what counts
and she's so distingue that there is no resisting to her tricks and
taunts

Голос твой — из стали выточен,
Я — судьбе подчинена.
Мы с тобой вдвоём избыточны,
Пусть останется одна.

my little aunt Mary is sweet as a berry and she knows what counts
and she's so distingue that there is no resisting to her tricks and
taunts

Роковой неправильный сонет

Судьбу свою не каждый ценит, а я своей не крикну «Стой!»,
Есть рок, который правит всеми, а есть – который лично мной.
Универсальный, он всевластен, блюдёт нейтралитет, и шал,
Он тот, что не даёт нам счастья, чтоб не погибла в нём душа.
А мой – в пути поистрепался, оставил где-то полноги
(и в ходе польки или вальса он говорит «Превозмоги!»),
Бойтся крови и микробов, пожарных, пчёл, секретарей,
И пьёт по-чёрному – ну, чтобы я стал в безволии добрей.
При этом – бабник и проныра, растратчик, плут и сценарист,
И всё, что между нами было, не помнит (говорит, что чист).
При каждом считанном визите скрывает что-то он, темня,
И в гордости своей не видит, что ссорит с близкими меня.
Да даже вальс там или полька – с апломбом раздувает грудь...

Он счастья дал мне ровно столько, чтоб с головой не утонуть.

Стиль

Отчего нет возражений,
Что закончен день осенний
(вот сейчас — гипербола):
Будто всё исчерпано?

Просто все, кто быть мог против,
Речь свою облагородив
(а теперь — метафора):
В рот набрали сахара.

(под конец — эпитет):
Зрящий — да увидит.

Возвращение

Кажется мне любопытной весьма
Эта твоя золотая тесьма
Что это, цветики-рюшки?
Эти твоих одуванчиков ряд,
Эти друзья, что с опаской острят,
Груды агатовой стружки,

Этот твой шрам, что так наискосок
Ласково пересекает висок —
Помнишь кричащую маму?
Писем вернувшихся стопка в столе,
Парень на кухне чуть навеселе —
Нет, представляться не стану.

Вижу, тебе неприятен визит,
Постер в прихожей всё тот же висит,
Знаки всё чертишь, страдая.
Просто скажи, раз уж ныне я здесь,
Преодолев удивленье и спесь —
Что же за лента такая?

Электричка

Громом перрон напичкан,
Длинная, как коса,
Десятичасовой электрички
Шумная полоса

Загородила путь нам,
Красный мерцает свет,
Но промелькнёт минутно –
Вот уж её и нет.

Недалеко от дома,
Держит нас переезд,
Всё здесь давно знакомо:
Воздух, трава и лес,

Но только стальная масса
В этот вечерний час
Нам с тобой поцеловаться
Позволила первый раз.

Влечение

На меня совсем не смотришь, далека и холодна,
Мы – две ниточки суровых одного веретена.
Замотает в этой буре, хаотичен наш полёт:
Даже если не полюбишь – всё равно переплетёт

Чтобы вновь светило солнце, нас с тобой в одно пятно,
Но пока мы расстаёмся: ты наверх, а я – на дно,
Для спасения гармоний надо падать с высоты,
Но пока что я запомню эти милые черты

Чтобы, встретив тебя снова средь блуждающих миров,
Вновь исполнить песню зова, миг сомнений поборов.
Заманю тебя в тентакли словом мягким, как вельвет,
Вспомнишь ты меня навряд ли, а вот я скажу «Привет!»

Кража

Морщится луны гримаса –
Свет полночный исчез:
Воровать кресты собрался
Из церквушки мелкий бес.

Осторожней с ними драпай,
Не затягивай визит!
Только тронешь голой лапой –
Вмиг тебя испепелит.

Лишь засмотришься – и фаршем
Рухнешь – корм для воронят:
Это демонов постарше
Знаки веры лишь гnevят.

Сатана хранит бесёнка:
Пусть шаги и нетверды,
Но кресты работы тонкой
Раздобыты без беды.

Он Лилит, своей хозяйке,
Их в запайке принесёт,
И она святые знаки
Переплавит в антипод,

Зло умножит в душной саже
И исчезнет вдалеке,
Не кивнув в награду даже
Недостойному слуге.

Гимн победителя — проигравшей

Ты уступила. Верится едва,
И с головою сердце вразнойбой.
Мой гимн негромок. Где найти слова,
Чтоб описать победу над тобой?

Теперь мы рассчитаемся сполна
За превосходство этой красоты:
Нам та борьба природой суждена,
В которой проиграла нынче ты;

Она проста — знакомый алфавит,
И с нею миновал наш апогей,
А схватка, что сегодня предстоит —
Лишь между тел, а душ не тронуть ей.

Не испугают груз и колея,
Обрёл свою мечту и идеал:
Отныне и навечно ты — моя,
Победный приз — и больше не желал.

Соперница моя! Я выбрал сам,
Путь к превосходству — был не затяжной,
Пусть победив — упал к твоим ногам,
Ты, уступив, распорядилась мной.

Роль злодея

Ты уступишь, смея, но не споря,
Взмах его клинка — в твоей груди:
Роль злодея — оттенять героя,
Роль героя — скучно победить.

Чернокнижник не погубит принца,
Ведьма — деву, спецарента — шпик,
Это очень древний, важный принцип,
Базис фильмов, новостей и книг.

Даже если ты достойный крендель
(харизматик, вертихвост, шутник) -
Публике потребны хэппи-эндс,
Их она готова оплатить.

И за это будешь уюкошен,
Ты ведь — мысль такая прошмыгнёт —
Всё равно не смог бы стать хорошим,
(впрочем, деконструкции не в счёт).

А когда тебя перемололи,
Оценить иронию успеи:
Кто-то наверху смешает роли,
Ты теперь герой, а он — злодей.

Китайский квартал

Прогуляться заеду в Китайский квартал,
Много лет я в подобных местах не бывал,
И в диковинку здесь (но весьма надлежащ)
Мой скрывающий «томпсон» таслановый плащ.

Мало стало заказов. И вот, не чинясь,
Мне приходится браться за всякую грязь,
Видно, городу больше не нужен герой —
Но обвыкнусь и с этой жестокой игрой.

Дождь сечёт по лицу и течёт в рукава,
Вот сейчас и начну, но затяжка — сперва:
Мистер Кросс, вам от дочери — этот сюрприз,
Смело грудью ловите и падайте вниз.

Все там будем, но вы — несомненно, сейчас,
На прощанье шепните, прошу, пару фраз.

«Я такого не ждал, притупилось чутьё,
Был не так уж и плох — стиль диктует своё».

Последний танец

Каким запомнился финал?
Красивым, розовым, бесстыжим...
Среди тропинок заплутал
И напрямиком к трясине вышел.

Её субстанции чужды,
А образ — равнодушно-глянцев,
Но чистый дух гнилой воды
Мои глаза вдруг занял танцем.

Так получилось — был нигде,
Пока мир превращался в камень...
Не находясь среди людей,
Я был помилован богами.

А впрочем, может, — позабыт;
Мечтой захвачен острогрудой.
Последний смертный аммонит,
Слежу за вечным этим чудом.

Навеки с ней наедине,
Теперь свободы мне не надо —
Среди постелевых коней
Танцуй, болотная дриада.

Поголовный сонет

Что принесёт душе покой и сон –
Расцвет культуры? Счастье всем и даром?
Владыка света мнит себя нестарым,
Смотри: мечтой он к раю унесён.

Расчёт его надёжен и весом,
Но многим станет призрачным ударом,
Мир губит многих – это поделом,
Сколь кровь ни пьёт – ни капли не измаран.

Сюда, к вершине властной вертикали,
Убийца не заявится незван,
Но, как и прежде, ждёт его веками.

С тем, чтобы воплотить желанный план,
Давно готов идти по головам;
Голов, увы, серьёзно не хватает.

Коробка

Мои не будут праздновать потомки
День радости, любви и чистоты...
Больной звезды храню осадок тонкий
В коробке из-под туфель золотых.

В иной вселенной был я чинный канцлер,
В политике с интригами силён,
Но солнышко моё протуберанцем
Спалило мир, и всех, кто был на нём.

Мне одному случилось быть в отъезде,
Вернулся — слова вымолвить не смел...
Вот — гибели светил невольный вестник,
И к вам забрёл по тайной я тропе.

Обласкан здесь, я стал пушист и весел,
Сижусь с друзьями, кушаю клико;
У вас не хуже, чем под Бетельгейзе;
До Сириуса, впрочем, далеко.

Но если не понравятся мне вина,
Иль женщины — скажу вам например,
Коробку вскрыю — вылетай, нейтрино!
И заварю в последний раз пуэр.

Издание напечатано по технологии Print on demand
(печать по требованию)
по индивидуальному заказу.
Не для продажи.